

ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994-9065

2 (4)
2009

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ

РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)
ФАКУЛЬТЕТА ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ МГУ им. М. В. Ломоносова

Выходит 2 раза в год

Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:

Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф.,
Калиниченко П. А., Кацура А. В., Кефели И. Ф., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В.,
Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:

Абылгазиев И. И. (Россия), Ань Цинянь (Китай), Бондаренко Д. М. (Россия),
Вебер А. Б. (Россия), Гэй У. (США), Гусейнов А. А. (Россия), Данилов-Даниль-
ян В. И. (Россия), Дафферн Т. (Великобритания), Добровольский Г. В. (Россия),
Ечимович Т. (Словения), Израэль Ю. А. (Россия), Иноземцев В. Л. (Россия),
Камуселла Т. (Польша), Капица С. П. (Россия), Кисс В. С. А. (Венгрия), Колбаси Х.
(Иран), Коротаев А. В. (Россия), Кучуради И. (Турция), Лисеев И. К. (Россия),
Мазур И. И. (Россия), Назаретян А. П. (Россия), Степин В. С. (Россия), Урсул А. Д.
(Россия), Юдин Б. Г. (Россия).

Адрес редакции:

119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.

Тел.: (495) 203-92-98. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:

400067, г. Волгоград, ул. Быстрова, 82–53.

Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56. E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.uchitel-izd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Акаев А. А., Садовничий В. А. О динамике мирохозяйственного развития в свете нового подхода к прогнозированию	3
Лось В. А. В поисках категориальных оснований глобалистики	17
Ань Цинянь. Новая научно-техническая революция и современный мир	30

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Абылгазиев И. И., Ильин И. В. Процессы глобализации и проблема нового мироустройства	40
МакКормик П. Глобализация и космополитизм. Критерии, подходы и жизненный опыт	61
Аствацатуров А. Е., Басилаиа М. А. Глобализация и начала космогармонии	71

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Камуселла Т. Центральная Европа с лингвистической точки зрения	81
Кутырёв В. А. Столкновение культур с цивилизацией как причина и почва международного терроризма	92
Мамедзаде И. Р., Рзаева Р. О. Тенденции в турецком общественном сознании: от модерна к постмодерну	103

МИРОВОЙ КРИЗИС

Гринин Л. Е. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям?	117
Финансовый кризис: философская рефлексия (<i>итоги круглого стола</i>)	141

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

Лукьяненко В. И., Хабаров М. В., Лукьяненко А. В. Homo Consumens – человек потребляющий	149
Усманов Э. М. Роль международного экологического права в регулировании международной экологической политики	160

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Чумаков А. Н. Россия в глобальном мире: необходимость адекватных решений	163
Ксенофонтов В. В. Русский мир и глобализация	172
Гуревич П. С. Имидж России в процессе глобализации	178

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Попков В. В. Александр Богданов. На пути объединяющего мировидения	192
<i>Наши авторы</i>	206
<i>Contents</i>	207

ТЕОРИЯ

О ДИНАМИКЕ МИРОХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В СВЕТЕ НОВОГО ПОДХОДА К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ

А. А. Акаев, В. А. Садовничий

Авторами разработана новая методология прогнозирования динамики развития глобальной и национальных экономик, основанная на сопряжении неоклассической теории предложения, кейнсианской концепции спроса и идей российского ученого Н. Кондратьева о длинных волнах экономической динамики при должном учете демографического фактора. Предлагаемая методология наряду с прогнозированием трендов экономической динамики позволяет предсказывать точки кризисов, рецессий и бифуркаций. На этой основе в статье высказаны прогнозные оценки относительно развития экономики США и развитых стран Запада, а также России.

Изучение закономерностей экономического развития, предвидение кризисов, исследование их сущностных и временных особенностей всегда относились к проблемам наивысшей научной значимости. Все больше осознается, что «генеральное направление в развитии науки наступившего столетия будет связано с повышением ее прогностической функции», а «любой прогноз... обязательно опирается на математические модели»¹. Актуальность прогнозирования особенно проявляется в условиях нынешнего глобального экономического и финансового кризиса.

До недавнего времени на мировой экономической сцене первенствовали либералы, насаждавшие более четверти века принципы неограниченной экономической свободы, идеи внутренней саморегуляции рыночной системы хозяйства при явно пренебрежительном отношении к регулирующей роли государства как неотъемлемого участника экономических процессов. Абсолютизация либеральных идей, как показал кризис, потерпела фиаско. В изменившихся условиях возник повышенный интерес к кейнсианским идеям, к вопросу о роли государства в преодолении кризиса. По всей видимости, в сложившейся на данном этапе ситуации может появиться стремление к синтезу нелиберальных и кейнсианских идей, диалектическое сочленение которых, как представляется, можно на сегодня рассматривать практической потребностью.

В условиях нынешнего кризиса наступил ренессанс идей великого российско-го ученого Николая Кондратьева о больших циклах экономической динамики.

¹ Садовничий, В. А. Знание и мудрость в глобализирующемся мире. Доклад на IV Российском философском конгрессе «Философия и будущее цивилизации». – М.: МГУ, 2005.

В рамках данной статьи, к сожалению, мы лишены возможности раскрывать существенные и временные особенности этих идей, полагая, что читатели владеют необходимыми знаниями². Глобализация не сужает, а, наоборот, расширяет международную значимость и универсальность теории Кондратьева.

О философском осмыслении экономической динамики

В современных условиях ключевой проблемой стало ускорение выхода глобальной и ведущих национальных экономик из глубокого кризиса, сопоставимого по своим масштабам и наносимому ущербу с Великой депрессией 1929–1933 гг. Дело осложняется тем, что для правительств многих стран и международных финансовых институтов кризис стал как бы спонтанным явлением. С 1960-х гг., когда появились современные теории роста (например, теория Солоу и др.), научный мир и правительственные круги благодушно ориентировались на разработку долгосрочных прогнозов и планов, не сомневаясь в устойчивости позитивной динамики экономического развития. Нынешний пожар начали тушить, когда огонь полыхнул вовсю и охватил весь мир. Несмотря на предпринимаемые попытки единения ведущих стран мира перед лицом кризиса, перелома не видно, сохраняется значительная неопределенность в прогнозах. До сих пор экспертное сообщество не может прийти к общему знаменателю в вопросе, насколько затяжной будет хозяйственная рецессия и на какой сценарной основе (V-, U-, W-образные кривые) будет происходить посткризисное выздоровление.

Нельзя не подчеркнуть, что применительно к кризисным процессам «белые пятна» в экономической теории остаются. Ушло в прошлое доктринерское по характеру марксистское учение, отразившее кризисные особенности индустриального общества и оказавшееся малоприспособленным в новых условиях информационной эпохи. Исключением можно считать, пожалуй, лишь теорию Кондратьева о длинных циклах экономической динамики, наблюдающихся примерно дважды в столетие. За последние пару веков в экономической жизни мира не наблюдалось явлений, которые приходили бы в противоречие с этой теорией. Движущей силой в кондратьевском цикле следует признать фазу подъема, когда развитие происходит устойчиво, по возрастающей, соразмерно с надеждами общества. В то же время для фазы кризиса в этом цикле многое остается непредсказуемым и неопределенным. Речь, в частности, идет об оценках глубины падения, возможностях преодоления пагубных последствий кризиса и т. д. Причины тому, как представляется, надо искать не в пробелах кондратьевской теории и не в самих экономических механизмах. Похоже, наступило время для выработки более широкого, философского по своей сути подхода к данной проблеме, с тем чтобы эта важнейшая сфера человеческой деятельности получила органическое сопряжение с философским осмыслением действительности. Ключ к проблеме, по-видимому, надо искать в системном подходе.

Открытая экономическая система диссипативного типа на этапе кризиса и последующей депрессии попадает в хаотическое состояние, и ее поведение не может определяться привычными детерминистическими закономерностями. Для ее изучения и познания требуются привлечение методов исследования хаоса, решение сложных нелинейных дифференциальных уравнений стохастического характера.

² Кондратьев, Н. Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. – М.: Экономика, 2002.

Стохастичность связана с тем, что на экономическом поле действуют многие миллионы субъектов, связанных триллионами связей. Все они имеют свой склад ума, трудносовместимые эгоистические побуждения, разнородные цели и устремления, различающиеся привычки и традиции, что приводит к бесконечному множеству вариантов поведения. Это, в частности, закладывает в систему стохастические свойства и предопределяет вероятностный характер некоторых глобальных и национальных процессов.

Хаотическое состояние экономической системы, находящейся в фазе кризиса, далеко не означает, что у нее нет «руля и ветрил», что она располагает «свободой воли». С помощью теории хаоса хотя и нельзя определить точную траекторию движения системы, но можно предвидеть возникновение так называемых аттракторов, вокруг которых образуется веер виртуальных эволюционных траекторий. Эти аттракторы относятся к реальному миру и в конечном счете предопределяют возможные пути выхода системы из хаотического состояния и перехода ее в упорядоченное состояние на траекторию устойчивого развития. И самое главное – они предохраняют систему от фатальных последствий, в критических же случаях переводят ее путем бифуркаций в новое качественное состояние. Существенно и то, что в экономической системе, находящейся в условиях хаоса, общество способно осуществлять отвечающее его интересам и потребностям воздействие на формирование аттракторов. Нынешние скоординированные действия мирового сообщества по выходу из кризиса (механизм «двадцатки» и др.) служат тому подтверждением. Речь в какой-то мере идет об «управлении хаосом».

Повышательная и понижательная стадии кондратьевского цикла относятся к одному и тому же, как оказалось, весьма жизнестойкому, несмотря на периодические жесткие встряски, экономическому организму различных иерархических степеней – от мирохозяйственной до национальных. Именно в понижательной фазе, сталкиваясь с угрозой для выживания, этот организм мобилизует свои внутренние силы и закладывает инновационную основу для будущего прорыва вперед, на более высокие структурные и технологические этажи. Сочетание в одном кондратьевском цикле повышательной и понижательной волн, образно выражаясь, фаз «разогревания» и «охлаждения», предохраняет глобальную и национальные системы от перегрева и переохлаждения, нормализует их жизненный тонус и в конечном счете обеспечивает поступательное движение, несмотря на периодическое возникновение разрушительных по потенции кризисов. По выражению Кондратьева, тем самым устанавливается «тенденция к равновесию». Ученому в свое время удалось разглядеть стохастическую природу происходящих в экономической системе процессов.

Наши оценки траекторий экономического роста основаны на кондратьевском предвидении, что кризисы преходящи, а движение – непрерывно. После выхода системы из состояния хаоса ее эволюционные траектории приобретают надлежащую четкость и делают возможным практическое прогнозирование развития. Если ориентироваться на трендовую траекторию экономической эволюции, связанную с экономическими циклами, то временные рамки прогнозирования неизбежно ограничиваются продолжительностью цикла. Для большого цикла Кондратьева это примерно 40 лет. Это достаточно широкий горизонт, объективно обеспечивающий главные прогнозные потребности.

На основе изложенных здесь соображений нами в дальнейшем определяются базовые трендовые траектории посткризисного развития – инерционная, инновационная и т. д.

Применение системных закономерностей к анализу эволюции сложнейшей по своему характеру мирохозяйственной системы – с учетом имманентно присущих ей свойств цикличности в кондратьевском понимании – подводит нас в порядке дискуссии к одной важной идее. Как известно, кардинальные изменения эпохального характера связываются в теории систем с так называемыми бифуркациями, когда речь идет о качественной перестройке тех или иных общественно-политических и социально-экономических систем в результате революций, «горячих» и «холодных» войн и т. д. Вместе с тем и кондратьевские циклы по праву сопрягаются с крупными переменами глобального характера в сфере экономики и политики, предопределяя в конечном счете на планете тренды эволюции за счет смены технологических укладов. Мы склонны признать качественные по своему характеру переходы в кондратьевских циклах, вызванные мощными инновационными импульсами, «мягкими бифуркациями» («soft bifurcations»).

В заключение данного раздела вынуждены с сожалением отметить, что понижательная фаза текущего (пятого) кондратьевского цикла завершается в 2015–2017 гг. Выход в ближайшие пару лет из нынешнего кризисного состояния не означает, что впереди расстилается гладкий путь. Надо предвидеть в предстоящие годы новые испытания и готовиться к ним, благо что уроки 2008–2009 гг. весьма поучительны.

От эмпирии к теории

Пытаясь при подходе к сложным проблемам, как говорится, «алгеброй поверить гармонию», исследователи – наряду с приведением в логическую систему совокупности соответствующих эмпирических данных – стремятся разработать математические методы анализа, позволяющие выявлять в происходящих в реальном мире процессах имманентно присущие им закономерности. По этому пути, естественно, пошли и мы, разработав комплексный математический подход к стоящей перед нами задаче.

В центре экономической мысли, как известно, стоит проблема роста (в форме ВВП). В сложившейся во второй половине XX в. неоклассической экономической теории обычно используется разработанная лауреатом Нобелевской премии Р. Соллоу³ неоклассическая модель экономического роста. Эта модель, в основе которой лежит экономика предложения, не выдержала проверки разразившимся в 2008 г. кризисом и требует в концептуальном плане дополнения и расширения. Новизна предлагаемого нами подхода состоит в сопряжении неоклассической теории предложения, с одной стороны, с идеями, вытекающими из модели спроса в духе кейнсианской концепции, во многом способствовавшей выходу мира из Великой депрессии 1929–1933 гг., с другой – с идеями Н. Кондратьева о долгосрочных циклах экономической динамики. Как выразился один из наших коллег, предлагаемое сочетание неоклассических и кейнсианских идей представляет собой «скрещивание ужа и ежа», однако полученный «гибрид», особенно с учетом кондратьевских циклов, оказался жизнеспособным. И, наконец, в нашу схему включены компакт-

³ Столерю, Л. Равновесие и экономический рост. – М.: Статистика, 1974.

ные математические макромоделли технико-экономического и демографического роста, в которых численность населения участвует как эндогенная переменная⁴. При совокупном учете вышеизложенных факторов можно – наряду с прогнозированием долгосрочного тренда экономической динамики – обнаружить точки кризисов, рецессий и бифуркаций, что является принципиально важным для экономической практики.

Практические результаты нашей работы основываются на общем дифференциальном уравнении макроэкономической динамики, описывающем совместное взаимодействие долгосрочного экономического цикла и циклических колебаний деловой активности в свободной рыночной экономической системе⁵. Оно может быть разделено на нелинейное дифференциальное уравнение, описывающее циклические колебания деловой активности вокруг трендовой кривой роста, и линейное дифференциальное уравнение, описывающее траекторию экономического роста⁶. Используемый нами подход дает возможность применить методы компьютерного моделирования и определить параметры, при которых в случае возникновения кризисов может происходить потеря устойчивости системы.

Разумеется, для нас как ученых наилучшим способом было бы продемонстрировать используемый подход, приводя здесь соответствующие математические уравнения и обосновывая их решения. Однако при прямой взаимосвязанности упомянутых уравнений с практикой они сложны для размещения в журнальной статье в нематематическом издании. Читателям, которые захотят углубиться в тему, советуем обратиться к сборнику статей «Системный анализ и математическое моделирование мировой динамики» (М.: URSS, 2009), в котором наша работа размещена в полном объеме.

Роль структурных сдвигов в экономической динамике

Как уже указывалось выше, прогнозные оценки приобретают достаточную надежность, если они относятся к повышательной фазе кондратьевского цикла, когда экономика выходит из состояния хаоса, приобретает устойчивость и идет на подъем. На одно из первых мест при этом выходит вопрос о структурной перестройке экономики с целью приведения ее в соответствие с требованиями времени. Хотя структурный кризис вызревает независимо от развития циклических процессов, он не только приближает наступление экономических неурядиц, но и сказывается на их глубине и продолжительности, увеличивая, в частности, разрушительную силу циклических кризисов и неустойчивость в сфере мирохозяйственных связей. Революционные технологии, лежащие в основе базисных инноваций, приводят в экономике не только к технологическим, но и отраслевым структурным изменениям. Г. Менш по праву назвал период депрессии «временем структурной перестройки».

На основе анализа отраслевых и технологических структурных изменений в экономиках десяти развитых стран ОЭСР мы обнаружили закономерности, кото-

⁴ Коротаяев, А. В., Малков, А. С., Халтурина, Д. А. Законы истории: математическое моделирование развития Мир-Системы. Демография, экономика, культура. – М.: КомКнига, 2007.

⁵ Акаев, А. А. Вывод общего уравнения макроэкономической динамики, описывающего совместное взаимодействие долгосрочного роста и деловых циклов // Доклады РАН. – 2007. – Т. 417 (4). – С. 439–441.

⁶ Он же. Параметрический резонанс в рыночной экономической системе, возбуждаемый периодическими изменениями нормы процента // Доклады РАН. – 2007. – Т. 417 (5). – С. 609–612.

рые, связывая долговременные технологические и отраслевые структурные сдвиги с экономическим ростом, позволяют строить аналитическую модель для долгосрочного прогнозирования трендов экономического развития. Эти данные сведены в таблицу 1, в которой отражены также соответствующие показатели для России.

Анализ показал, что, несмотря на небольшой разброс, экономики всех развитых стран стремились к общей сбалансированной, своего рода эталонной отраслевой структуре, в которой основное ядро составляют обрабатывающие отрасли промышленности (~ 20 %), сферы финансов (~ 25 %) и услуг (~ 22 %). Очевидно, что чем ближе отраслевая структура конкретной экономики к сбалансированной, тем она устойчивее к воздействию различных внешних и внутренних факторов. Хотя нынешний кризис неизбежно внесет изменения в сложившиеся в последние годы пропорции, однако в обозримой перспективе они вряд ли будут кардинальными. Похоже, что обрабатывающие отрасли промышленности и впредь останутся локомотивом экономического развития, несмотря на снижение своего вклада в ВВП.

Таблица 1

**Средние значения отраслевой структуры ВВП
развитых стран ОЭСР и России (2005 г.) (%)**

Отрасли	Страны ОЭСР		Россия
	1970 г.	2003 г.	2005 г.
Сельское хозяйство, охота, лесоводство и рыболовство	9,7	2,2	5,4
Горнодобывающая	1,5	0,9	10,6
Электро-, газо- и водоснабжение	2,1	2,5	3,4
Строительство	7,2	6,2	5,7
Оптовая и розничная торговля – рестораны и гостиницы	14,5	14,0	21,4
Транспорт, склады и коммуникации	7,6	7,4	10,2
Финансы, страхование, недвижимость и бизнес-услуги	14,3	25,5	15,1
Услуги: индивидуальные, социальные и общественные	17,8	21,5	12,8
Обрабатывающая промышленность	25,4	19,8	15,4

Их сокращение ниже некоторой оптимальной отметки может с высокой вероятностью приводить к структурной неустойчивости. В частности, в США доля обрабатывающих отраслей в экономике снизилась с 23,4 % в 1970 г. до 13,8 % в 2003 г., а доля финансового сектора, наоборот, непропорционально раздулась – с 19,1 % в 1970 г. до 32 % в 2003 г. Это предопределило в США структурный кризис, который был многократно усилен финансовым кризисом 2008 г. Что касается России, то из таблицы видно, что ее экономическая структура далека от современной сбалансированной структуры развитых стран, напоминая в своих основных чертах параметры для этих стран, относящиеся к 1970 г.

Применительно к отраслевой структуре экономики высокую научную и практическую значимость приобретает поиск аналитической связи между отраслевыми

структурными сдвигами и динамикой ВВП, то есть динамикой экономического роста. На основе разработанных нами математических уравнений выведены формулы, которые позволяют высказывать в этой области достаточно надежные прогнозы. И на сей раз мы не приводим эти сложные уравнения и формулы, отсылая заинтересованных читателей к указанному выше первоисточнику. Полученные при прогнозировании динамики американского ВВП результаты применительно к повышательной стадии следующего (шестого) кондратьевского цикла (примерно 2018–2042 гг.) в свете двух возможных сценариев (инерционного, на основе сохранения имеющихся тенденций, или же сбалансированного, предусматривающего оптимизацию структуры с учетом уроков кризиса) изображены на рис. 1.

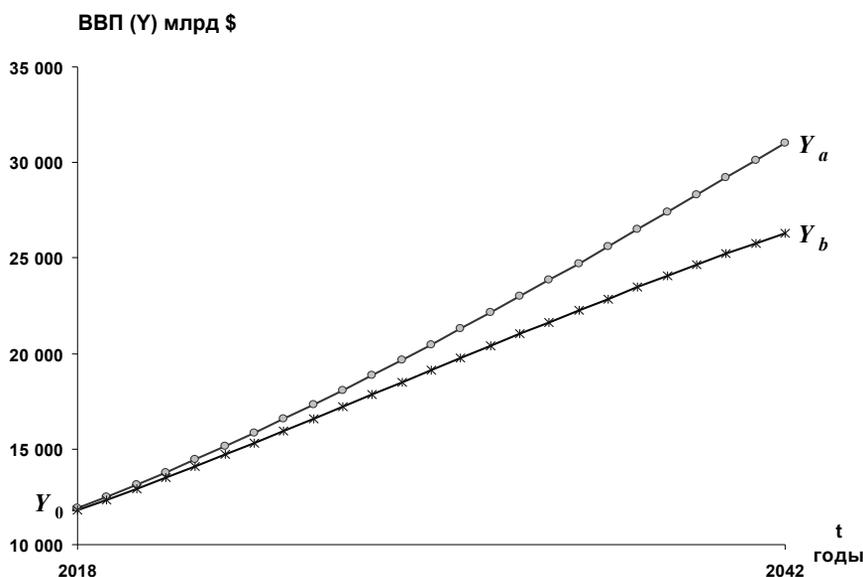

Рис. 1. Прогноз динамики ВВП США на период с 2018 по 2042 г.

Как видно из него, разница в базисных темпах роста по двум сценариям является незначительной. В первом случае за четверть века ВВП возрастет в 2,6 раза, во втором – в 2,2 раза. Это показывает, что нынешняя отраслевая структура США близка к оптимальной и, следовательно, резервы значительного роста за этот счет исчерпаны. На первый взгляд рост ВВП в США при двух разных сценариях в 2,2 и 2,6 раза почти за четверть века не выглядит впечатляющим. Однако речь в данном случае идет о гигантской по своим масштабам экономике, устойчивый рост которой способен оказать благотворное влияние на мирохозяйственное развитие. При однотипности отраслевых структур США и развитых стран Запада примерно такие же показатели будут характерными и для зоны ОЭСР, а это означает – и для глобальной экономической динамики на 40-е гг. XXI в. с учетом ключевого места входящих в эту организацию стран в мировом хозяйстве.

В указанном выше ключе нами выстраиваются прогнозные оценки развития России на период повышательной стадии (2018–2042 гг.) предстоящего шестого кондратьевского цикла при двух стратегиях развития: инерционном и инновационно-технологическом. Прогнозные траектории представлены на рис. 2. Как сле-

дует из расчетов, в случае инерционного сценария объем ВВП России за указанный период вырастет всего в 2,2 раза. Инновационные сценарии в случае существенных структурных сдвигов могут обеспечить рост ВВП в 9,5 раза (реалистичный – 12 % ВВП США) при среднегодовых темпах 9,8 %. При кардинальных структурных сдвигах рост может оказаться выше – в 18,9 % раза (~ 25 % ВВП США). Это потребовало бы среднегодовых темпов роста в 13 %, что едва ли достижимо. При всех условиях России требуется активная структурная политика. Кризис предоставляет шанс для достижения в этой области назревших позитивных тенденций.

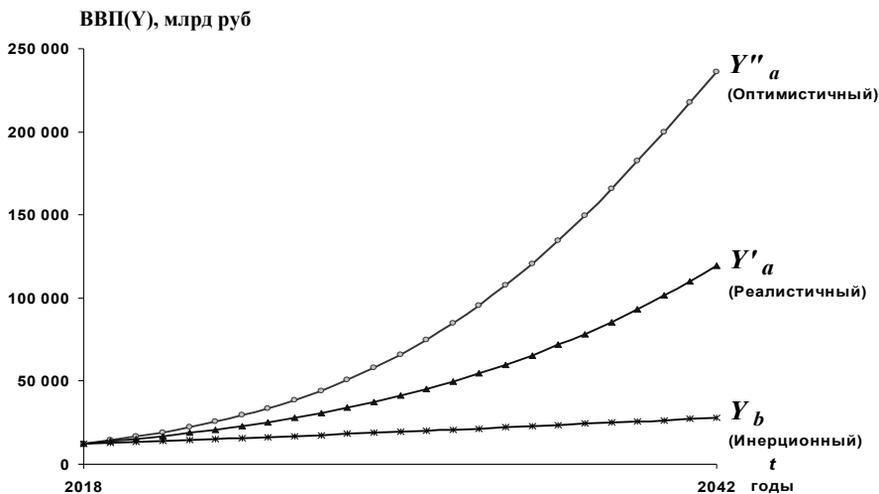

Рис. 2. Прогноз динамики реального ВВП России на период с 2018 по 2042 г.

О глобальных проблемах социально-экономического развития

Начиная с хорошо известного исследования Римского клуба, имевшего характерное название «Пределы роста»⁷, интерес ученых к проблеме ресурсных ограничений не ослабевал. Хотя мы не придерживаемся фаталистической позиции, но признаем, что ситуация в этой области может стать критической, если международное сообщество не выработает кардинальных мер по преодолению надвигающихся трудностей. В первую очередь это демографическая проблема. Хотя процессы в данной области, развивавшиеся вплоть до середины XX в. в «режиме с обострением», то есть по гиперболической закономерности, сменились режимом с ограниченным воспроизводством⁸, прибавка мирового населения в ближайшие 15 лет ожидается в 1 млрд человек (с 6,5 до 7,5 млрд человек). Это означает, что производство продуктов питания в мире за этот период должно возрасти примерно на 40 %. Соответственно возрастет потребление энергии, существенно обострится планетарная проблема потепления климата. При быстрорастущей численности населения восстановление окружающей среды требует все больших затрат энер-

⁷ Медоуз, Дон., Рандерс, Й., Медоуз, Ден. Пределы роста. 30 лет спустя. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2008.

⁸ Капица, С. П. Очерк теории роста человечества. Демографическая революция и информационное общество. – М.: Никитский клуб, 2008.

гии и ресурсов. Похоже, что для стабильного существования человечества в недалеком будущем придется практически все ресурсы (за исключением небольшой их части, идущей на потребление) тратить на восстановление окружающей среды.

Для развивающихся стран первостепенное значение в ближайшие десятилетия приобретет задача обеспечения баланса между производством продовольствия и ростом населения. Встает вопрос: можно ли будет при существующих и даже новых, более прогрессивных технологиях прокормить увеличивающееся население развивающихся стран при ограниченных ресурсах сельскохозяйственных земель и надвигающемся в них дефиците пресной воды? Велика вероятность, что к 2020 г. острую нехватку пресной воды будут испытывать около 2–3 млрд землян, а это значит, каждый третий из них, тогда как сегодня эта проблема затрагивает лишь каждого десятого⁹. Проблему воды будут усугублять ее загрязнение и глобальное потепление. Дефицит воды грозит стать крупной угрозой планетарного масштаба. Требуются широкомасштабные усилия с целью более рационального водопользования, обеспечения сохранности и санитарии воды в общемировом масштабе.

На уровень основной глобальной проблемы выходит в настоящее время сокращение мировой бедности. Мир, в котором менее 20 % людей потребляют 85 % товаров и услуг, становится иррациональным. Бедность – питательная среда для губительных инфекционных заболеваний, разрушения окружающей среды, внутренних распрей и международного терроризма. В ООН принято решение о сокращении к 2015 г. мировой бедности вдвое. Однако богатые страны избрали иной путь: с начала 1980-х гг. они почти наполовину сократили официальную помощь. США направляли на эти цели не более 0,1 % своего ВВП. Реальные надежды сегодня возлагаются на сами развивающиеся страны. В частности, стремительное экономическое развитие Китая показывает, что эта страна выработала при государственных способах перераспределения эффективный механизм самоподдерживающегося экономического роста, обеспечивающий успешное социальное развитие самой крупной по численности населения страны в мире. Этот пример поучителен.

Перспективы глобального инновационно-технологического развития

Ядром шестого кондратьевского технологического уклада, вероятнее всего, будут компьютерные технологии, биотехнологии и генная инженерия, мультимедиа, включая глобальные интеллектуальные информационные сети, сверхпроводники и экологически чистая энергетика¹⁰. Компьютерные технологии будут революционизированы с помощью наноэлектроники и квантовых компьютеров. Будут иметь более широкий диапазон применения и превращаться в источник коммерческой прибыли сверхпроводники. В биотехнологиях самостоятельную нишу заняла генная инженерия. Ожидается, что венчурные возможности для постгеномного бизнеса появятся в период 2010–2015 гг. Открытие человеческой эмбриональной стволовой клетки в 1998 г. создает возможность регенерации любого типа человеческой клетки и, следовательно, любого внутреннего органа. Отчетливо просту-

⁹ Ришар, Ж. Ф. На переломе: двадцать глобальных проблем – двадцать лет на их решение. – М.: Ладомир, 2006.

¹⁰ Садовничий, В. А. Указ. соч.; Hirooka, M. Innovation Dynamism and Economic Growth. A Nonlinear Perspective. – Cheltenham, UK; Northampton, MA: Edwards, 2006. – P. 426.

пают контуры кластеризации базисных технологий. Например, формируется весьма многообещающая область нанобиотехнологии (НБТ), связанная с применением биологических компонентов и использованием их способности к самоорганизации в наносистемах и наоборот – с применением наносистем для оптимизации биологических и биотехнологических процессов.

Когда возникает новая инновационная парадигма и начинается разработка инновационных продуктов, появляются и новые отрасли промышленности. В период четвертого и пятого циклов Кондратьева универсальной инновацией стали, например, компьютеры и электроника (микропроцессоры). В результате слияния электроники и металлорежущих станков появились высокоточные и высокоэффективные металлорежущие станки с числовым программным управлением. Внедрением электроники существенно улучшена работа автомобилей, повышена надежность самолетов и т. д. Инновации для полного раскрытия их потенциала должны охватить всю экономику через механизмы слияния технологий и институциональных систем. В условиях кризиса исключительно важно позаботиться о внедрении базисных технологий шестого цикла прежде всего в традиционных отраслях экономики. Пока что большинство сфер применения, например, нанотехнологий ограничивается бытовой, медицинской, сельскохозяйственной и энергетической отраслями, то есть традиционными отраслями экономики.

Инновации разрабатываются в развитых странах, продвигая их на более высокий уровень развития. Однако, воспользовавшись имеющимися в развитых странах инновациями, и другие страны также выходят на передовой уровень технологичности и начинают успешно экспортировать свои продукты, используя преимущество низких трудовых затрат. Благодаря синергетическому эффекту взаимодействия инноваций экономика и благосостояние развитых стран нарастают по экспоненте. ВВП США вырос в 30 раз за последние 100 лет, а в Японии – в 80 раз!¹¹ Именно за счет инновационно-технологического прорыва Япония в 1950–1960-х гг. смогла устранить столетнее отставание от США и других развитых стран. Стремление к лидерству в новых технологиях позволило Японии в тот период усилить позицию и в таких устоявшихся секторах промышленности, как производство стали, кораблестроение и автомобилестроение. Сходный путь проделала Республика Корея в период с 1970-х по 2000-е гг. на повышательной волне пятого кондратьевского цикла.

М. Хироока показал, что длинноволновые циклы всей мировой экономики синхронизированы и индустриализация запоздавших стран – что особенно важно – пришлось на периоды подъема кондратьевских циклов. Подлинный инновационный прорыв возможен только синхронно с подъемом очередного большого цикла Кондратьева. Если опоздал – придется ждать 40 лет! Об этом свидетельствует пример Кореи, которая в сравнении с Японией запоздала к началу четвертого цикла Кондратьева примерно на 10 лет и совершила инновационный прорыв только с началом пятого цикла Кондратьева. Представление о динамике экономического развития Кореи можно получить путем сравнения среднегодовых темпов прироста ВВП наиболее развитых стран (см. таблицу 2). Как видно из таблицы, наиболее динамичное развитие в первой половине рассматриваемого периода с темпами роста более 10 % в течение 25 лет наблюдалось именно у Кореи. Менее

¹¹ Hirooka, M. Op. cit. – P. 426.

впечатляющей эта динамика оказалась у США, Канады и Японии. Указанные страны были лидерами при освоении четвертого технологического уклада в 1950–1970-е гг., пожиная в дальнейшем плоды предыдущего инновационно-технологического прорыва. Средние ежегодные темпы роста экономики Японии в тот период также составили около 10 %. В последние 15–20 лет подобные темпы роста в экономике демонстрирует Китай. Этим подтверждается, что подлинный инновационно-технологический прорыв в развивающихся экономиках сопровождается высокими темпами прироста ВВП.

Таблица 2

Среднегодовые темпы прироста ВВП, %

Страна	1970 – 1975 гг.	1976 – 1980 гг.	1981 – 1985 гг.	1986 – 1990 гг.	1991 – 1995 гг.	1996 – 2000 гг.	2001 – 2005 гг.
США	3,1	2,2	2,9	2,6	1,8	3,3	2,3
Япония	4,4	3,2	3,0	4,9	1,3	0,2	2,0
Канада	6,2	3,8	1,4	2,1	1,2	4,1	2,9
Корея	13,3	10,6	9,1	11,4	9,7	3,3	3,6

Мы хотели бы особо подчеркнуть, что роль государственной политики в экономической сфере как на повышательной, так и на понижательной стадиях кондратьевских циклов призвана оставаться высокой и действенной. Этого можно достичь при надлежащем понимании правительствами циклических закономерностей, присущих экономической динамике. Государства должны отказаться от навязываемой неолибералами инфантильной веры во внутренние саморегулирующие возможности рыночного хозяйства. Опора на кондратьевское учение позволяет государству путем заблаговременного и целенаправленного стимулирования инновационной деятельности в период депрессии запустить процесс оживления и подъема экономики в рамках нового цикла Кондратьева.

Роль России в решении глобальных проблем высока!

В мировом масштабе, как выше было сказано, вызовом для развития становится нехватка сельскохозяйственных земель и дефицит пресной воды. На сегодня Россия свободна от этих забот. Если руководствоваться продуманной и реалистичной стратегией, она может оказаться среди лидеров мирового развития, используя представляющиеся новые возможности. Природные ресурсы России могут стать ее существенным и устойчивым конкурентным преимуществом в XXI в. при надлежащем развитии новейших технологий в энергетике и увеличении экспортной ориентации сельского хозяйства. Российские энергетика и сельское хозяйство могут послужить локомотивами экономического развития не только в самой России, но и в глобальном масштабе.

Успех добывающих отраслей российского ТЭК позволяет говорить о России как о ведущей энергетической державе, способной играть ключевую роль в решении глобальной энергетической проблемы. Другая задача на пути превращения ТЭК в устойчиво развивающуюся часть отечественной промышленности – техническое перевооружение энергетики с учетом мировых тенденций.

В сфере земледелия сбор зерновых в России может достигнуть 280 млн тонн, что вывело бы ее в число мировых лидеров¹². Данная оценка получена путем сопоставления российского потенциала со страной-аналогом, в качестве которой выбрана Швеция. Назрела разработка технологической и инвестиционной программы вывода России в число самых крупных мировых производителей сельскохозяйственной продукции. В 2005 г., например, стоимость экспорта пшеницы из России превысила 1 млрд долларов, с перспективой роста до полутора миллиардов долларов. Экспортный потенциал российского сельского хозяйства при должной государственной политике по его развитию мог бы стать такой же важной опорой экономики страны, каковой в настоящее время является экспорт энергоносителей. Например, США на экспорте продовольствия зарабатывают ежегодно в среднем 45 млрд долларов. Даже маленькая Дания зарабатывает около 8,5 млрд долларов ежегодно. В современном мире масштабный экспорт продовольствия считается признаком экономически сильной страны.

Россия способна совершить инновационно-технологический прорыв, ориентируясь не только и не столько на западные технологии, а путем самостоятельного опережающего освоения базисных технологий шестого уклада с учетом собственного уникального научно-технологического задела. К примеру, у истоков создания полупроводниковых наноструктур стоял выдающийся российский физик, лауреат Нобелевской премии академик Ж. И. Алферов, а за пионерские работы в разработке теории сверхпроводников Нобелевской премии был удостоен другой выдающийся российский физик – академик В. Л. Гинзбург. Инновационная деятельность и технический прогресс в целом являются процессами со свойственной им необратимостью. Первоначальный выбор базисных технологий во многом предопределяет успех в силу его решающего воздействия на весь ход дальнейшего развития. Недостаточная осмотрительность в деле первоначального отбора базисных технологий чревата потерей темпа и пустой затратой средств. Созданные в России мощные технологические корпорации инновационного типа, академическое и университетское сообщество способны в этой области сыграть ключевую роль.

Достигнутые в 50-е гг. прошлого века в СССР успехи в освоении и распространении достижений четвертого технологического уклада позволили модернизировать советскую экономику, занять лидирующие позиции в ряде направлений научно-технической революции и в особенности достичь военно-технического паритета с Западом. Однако в последующем по множеству причин инновационная активность стала угасать, энергия прорыва была потеряна. Запоздание с освоением технологических инноваций пятого уклада (1980-е гг.) явилось немаловажной причиной краха советской экономики и развала СССР.

Каждая новая длинная волна Кондратьева дает шанс экономически подготовленным и политически мотивированным развивающимся странам путем освоения нового кластера базисных технологий в промышленном секторе войти в круг развитых стран. Промышленность и в XXI в. остается локомотивом технического и экономического развития, несмотря на то, что вклад промышленности в ВВП сокращается. Темпы роста российской экономики в долгосрочной перспективе будут определяться темпами роста промышленной продукции¹³. Критики высоких тем-

¹² Акимов, А. В. 2030 год: глобальные проблемы и Россия. – М.: Восточный университет, 2008.

¹³ Акаев, А. А. Россия на пути к управлению экономическим ростом // Экономическая политика. – 2006. – № 4. – С. 149–165.

пов ежегодного роста в 7–8 % утверждают, что экономика при этом перегревается. Но нельзя забывать, что инновационный прорыв возможен только при темпах роста порядка 10 % в течение одного или двух десятилетий подряд, как это видно на примерах Японии и Республики Корея в прошлом веке, а также Китая в последние десятилетия. России в ближайшей перспективе предстоит в первую очередь активизировать политику, направленную на модернизацию промышленности, расширение доли продукции высокотехнологичных отраслей, ускоренное обновление основного капитала, особенно в обрабатывающих отраслях экономики. Как великая держава она должна иметь в составе своей экономики преимущественно высокотехнологичный конкурентоспособный промышленный сектор, который не допуская бы деиндустриализации экономики.

Устойчивый рост с высокими темпами будет целиком зависеть от уровня валовых накоплений в ВВП. Соотношение валовых инвестиций к ВВП в последние годы составляло в России в среднем 18,3 %, а темпы прироста инвестиций – 10,5–12,5 %. Однако этого недостаточно, необходимо добиваться, чтобы уровень валовых накоплений уже в ближайшие годы достиг 25–30 % ВВП при поддержании такого уровня накоплений в течение длительного периода времени (15–20 лет). Инвестиции способны дать желаемый долгосрочный результат только тогда, когда они насыщены инновациями, нововведениями. Следует также позаботиться, чтобы механизм инвестирования обеспечивал вливание средств именно в высокотехнологичное реальное производство для расширения выпуска инновационной наукоемкой продукции. Для инновационно-технологического прорыва потребуются огромные ресурсы. Мощный суверенный финансовый сектор, опирающийся преимущественно на внутренние источники ресурсов, способный брать на себя риски и оперативно кредитовать производственные предприятия, является необходимым условием успеха.

Инновационно-технологический прорыв требует инженерных и рабочих кадров, способных к творческому подходу, самопрограммированию, к быстрой перестройке под нужды новых производств и новых сфер деятельности, к использованию новых знаний для повышения производительности труда. Реформирование системы образования на всех уровнях – от средней школы до университетов – должно быть нацелено на совершенствование подготовки инженерно-технологических кадров в соответствии с требованиями новой технико-экономической парадигмы. И в университетском образовании приоритеты должны сместиться в сторону подготовки специалистов для инновационной экономики.

Первоочередное внимание должно быть уделено созданию в России национальной инновационной системы (НИС)¹⁴. Есть немало примеров состоявшихся в последние полвека успешных НИС, в числе которых инновационные системы Японии, Финляндии и ряда других стран. Многие элементы российской НИС уже созданы, но пока функционируют разобщенно. Национальные интересы требуют объединить их в единую мощную, но гибкую сетевую структуру. В управлении такой структурой следовало бы учесть опыт реализации таких эпохальных национальных проектов, как овладение атомной энергией и завоевание космоса. Как известно, Советскому Союзу хорошо удавались такие проекты. Опыт не забыт. В условиях современной России именно единая сетевая структура может стать

¹⁴ Инновационный путь развития для новой России / отв. ред. В. П. Горегляд. – М.: Наука, 2005.

эффективной основой для создания инфраструктуры новой инновационной экономики. Ядром этой структуры может стать инфраструктура знаний, которая обеспечит эффективную передачу знаний от академических учреждений и университетов венчурным предприятиям, призванным осуществлять коммерциализацию новых знаний и технологий. На сегодня это слабое место НИС России. Но без этого не будет продвижения инновационного процесса. Недавние решения государственного руководства России по совершенствованию университетского и вузовского образования дают надежду на коренной перелом в этой области. **У России есть хороший шанс повысить и закрепить свою глобальную роль путем инновационно-технологического прорыва на повышательной волне грядущего (шестого) цикла Кондратьева (2018–2042 гг.). Страна располагает для решения этой задачи достаточной финансовой базой, высоким научным потенциалом и большими человеческими ресурсами, которым надлежит привести инновационный механизм в действие.**

* * *

Учение Н. Д. Кондратьева родилось в России, но в своей стране не нашло должного применения. Развитые страны Запада, а затем азиатские «тигры» и «драконы» в XX в., используя циклические закономерности, совершили инновационно-технологический прорыв, значительно опередив остальной мир. Сегодня пришло время, когда идеи Н. Д. Кондратьева могут послужить родной стране, став ориентиром для успешного инновационно-технологического прорыва России в XXI в. и ее присоединения к авангардным странам. **Нельзя упустить этот шанс.**

В ПОИСКАХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ГЛОБАЛИСТИКИ

В. А. Лось

В предлагаемой работе автор, развивая представление о реальности становления глобалистики как науки, обосновывает эти воззрения рассмотрением системы соответствующих философско-методологических, социально-экономических и социокультурных категорий.

Введение

Вряд ли кто-либо «в здравом уме и твердой памяти», особенно в условиях современной мировой неустойчивости, будет возражать против того, чтобы изучение глобальных процессов преодолело доминирующий ныне уровень метода «проб и ошибок» и переместилось в сферу фундаментального теоретического анализа, в рамках которого можно было бы не только исследовать, но и адекватно прогнозировать динамику глобальной социосистемы. А если повезет, то по возможности и предотвратить реализацию негативных сценариев мирового развития.

Традиционно в этой связи научное сознание не видит другого способа, как инициирование процесса формирования специальной науки. Даже подобралось ее неплохое название – «глобалистика». Во всяком случае, издано уже немало соответствующих учебников и учебных пособий¹. Предполагается, видимо, что глобалистика как наука существует в контексте реальности.

Вместе с тем на этот счет существует широкий спектр мнений, а именно: от признания за глобалистикой статуса науки до отказа ей в праве на само существование².

Автор нижеприведенной работы придерживается той точки зрения, что к началу XXI в. реальна тенденция глобальной (всеобщей) интеграции современного научного знания (и усилий социума) для научного анализа и преодоления противоречий (проблем) глобального масштаба. Скажем, решение проблемы управления климатическими изменениями предполагает адекватное подключение всей, в сущности, системы современного научного знания, а также активизацию реальных практических действий значительной части мирового сообщества.

Глобалистика, с нашей точки зрения, на современном ее уровне – совокупность знаний и усилий социума, связанных с анализом и разрешением глобальных проблем, со стремлением придать процессам глобализации управляемый характер. В перспективе же имеются, однако, все предпосылки для того, чтобы в системе научного знания была сформирована глобалистика как особая наука интегрального типа. Именно на этих предпосылках акцентируется внимание в данной работе,

¹ Из сравнительно недавних из них см., например: Дергачев, В. А. Глобалистика: уч. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005; Прыкин, Б. В. Глобалистика: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007; Суэтин, А. А. Глобалистика: учебник. – М.: КНОРУС, 2008.

² См.: Чумаков, А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. – 2008. – № 1.

в которой акцент делается на выделении соответствующего категориального аппарата.

* * *

В рамках исторического подхода генезис научного знания о глобализации ассоциируется с различными формами познавательного процесса начиная примерно с XVIII в. Одни специалисты связывают истоки исследований глобального типа с теоретическими построениями Т. Мальтуса, вскрывшего специфику динамики мирового демографического процесса; другие – с теорией К. Маркса об интернационализации мирохозяйственных связей; третьи – с концептуальными построениями О. Шпенглера, доказывающего цикличность развития цивилизации, и др.

В этом же контексте значительна роль «русского космизма». Именно в рамках его философского (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров и др.) и естественно-научного (К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и др.) направлений обосновано представление об активной преобразующей функции человека в биосфере, реализуемой на основе научного знания. При этом выявляется взаимосвязь биосферных и космических процессов.

Теоретическая система В. И. Вернадского – фундаментальная предпосылка реального изучения процессов глобального масштаба. Именно в его биосферно-ноосферном учении не только рассмотрен процесс превращения человека в «крупнейшую геологическую силу», но показаны пути преодоления выявленной им перспективной биосферной напряженности (концепция «автотрофности человечества»). Идея автотрофно-ноосферного будущего социума в современной форме выразилась в стратегии устойчивого развития цивилизации, которая трактуется как возможный механизм «управляемой» глобализации.

Очевидно, что лишь к середине XX столетия мировое сообщество отчетливо осознало свою взаимосвязь (экономическую, социальную, технологическую, экологическую и др.). Социокультурные модели (теория НТР, концепция индустриального и постиндустриального общества, теория конвергенции и др.) исходили из того, что, несмотря на существенные различия между разными странами и типами цивилизаций, между ними выявляются общие элементы и тенденции (в моделях индустриализации, уровнях развития науки, характере образования и т. п.).

Впрочем, следует признать, что в наибольшей степени современные основания глобалистики как системы научного знания были заложены в докладах, инициированных Римским клубом. Действительно, на протяжении 70–90-х гг. XX в. именно в рамках его деятельности были сформированы предпосылки научного изучения процесса глобализации. А именно:

- во-первых, выявлен и обоснован научный статус феномена глобальных проблем (как формы выражения глобализации второй половины XX столетия);
- во-вторых, предложен теоретический подход («нулевой рост» – переход от количественного к качественному типу развития цивилизации), ориентированный на стратегическое преодоление противоречий в глобальной социоприродной системе;
- в-третьих, разработан и применен научный метод (глобальное моделирование), обеспечивающий адекватное исследование процессов планетарного масштаба.

Повышение теоретического уровня глобальных исследований (осмысление феномена глобальных проблем, разработка научных методов изучения социоприродных систем глобального масштаба и т. п.) обуславливает эвристическую значимость глобалистики в системе современного научного знания.

Глобалистика как наука (а не совокупность целенаправленно ориентированной системы научного знания) и к началу XXI в. находится на стадии формирования. И тем не менее попытаемся обозначить ее возможные базисные характеристики.

Объект глобалистики – процессы глобализации в различных формах их проявления. Выделим некоторые из этих форм:

– финансово-экономическая глобализация: взаимозависимость национальных и мировых финансовых и экономических систем, создающая новые формы мировых взаимоотношений;

– социально-политическая глобализация: адаптация национальных и региональных социальных и политических систем к процессам и тенденциям планетарного масштаба;

– научно-технологическая глобализация: применение современных научных и технических разработок, получающих адекватные условия для их планетарного распространения;

– информационная глобализация: использование современных технологий, переводящих все большую часть материальной реальности в «виртуальную форму» и способствующих созданию единого мирового информационного пространства;

– экологическая глобализация: обострение мировой биосферной напряженности и выявление планетарных механизмов ее разрешения;

– социокультурная глобализация: унификация мировых социокультурных процессов при сохранении их национальной и региональной специфики.

Предложенный – весьма неполный – перечень форм (или направлений) глобализации свидетельствует об имманентной интегральности этого процесса. Это обстоятельство обуславливает и системную интегральность глобалистики как науки.

Предмет глобалистики – изучение динамики глобальной социоэкологической системы, разработка путей рационального взаимодействия элементов планетарной системы «человек – социум – биосфера» и выявление ее прогностических тенденций.

Система подобного уровня общности носит внутренне противоречивый характер, ибо в ее рамках объединяются элементы различного уровня, масштаба, направленности и т. п. Вместе с тем ее глобальность (планетарность) обуславливает доминирование интегральных тенденций. Дело в том, что именно эти тенденции создают предпосылки для разрешения противоречий глобализации.

В научном контексте рассматривается взаимосвязь между интегральными и дифференциальными тенденциями в развитии современного научного знания. В социокультурном контексте анализируется возможность баланса между центробежными и центростремительными процессами в рамках планетарной и национальной социоэкологической системы.

Целевая установка глобалистики – разработка научных основ эффективного функционирования всех подсистем глобальной социоэкологической системы, создание предпосылок преодоления конфликтных противоречий между отдельными подсистемами и системой в целом. Одна из важнейших ее задач – оценка перспективных тенденций и возможных направлений развития процесса глобализации. Перспективы глобализации должны исходить из выявления возможности (и реальности), сохранив устойчивость глобальной социоэкологической системы, обеспечить планетарную безопасность цивилизации и повышение качественных показателей жизни человека.

Адекватный научный подход к феномену глобализации предполагает использование совокупности наиболее общих (фундаментальных) понятий, соответствующих его системной (интегративной) сущности. Искомый категориальный аппарат формируется на основе ассимиляции представлений, вырабатываемых в рамках смежных процессов в результате адаптации знаний в соответствующих его областях (философских, культурологических, социальных, экономических, политических и др.).

Выделим некоторую систему категориальных понятий в рамках научного знания, ориентируемого на изучение глобализации.

Философско-методологические категории

Интегративность / Дифференциальность

Сущность глобализации – усиление тенденции взаимосвязи практически всех сторон и сфер деятельности и бытия социума в планетарном масштабе. Интеграция рассматривается как процесс, альтернативный дифференциации социоприродных систем различного уровня. В данном контексте эффективно «работает» традиционная система философских (методологических) категорий, а именно: синтез и анализ, всеобщее и единичное, целое и частное, холизм и индивидуализм и т. п.

Во всеобщем (философском) смысле интеграция соответствует представлению «всеединства» (В. Соловьев). Всеединство – форма онтологического и гносеологического познания бытия на основе религиозного (взаимосвязь православия, католицизма и протестантизма) и познавательного (синтез рационального, иррационального и интуитивного) единства.

Реальная динамика социоприродных систем в значительной мере обусловлена соотношением интегративных и дифференциальных явлений, процессов и тенденций.

Дифференциация системы означает ее представление в качестве подсистемы или их совокупностей. При этом структурирование подсистем характерно для практически всех сфер существования и деятельности социума. Скажем, система мировой культуры как достаточно дифференцированная структура включает, исходя из религиозных особенностей, культуры различного типа, а именно: буддистскую, мусульманскую, христианскую, православную и др. Аналогичные тенденции характерны для других процессов (экономических, политических, социальных и т. п.). Например, страны мирового сообщества довольно четко различаются по уровню ВВП, доходам на душу населения, заработной плате; по специфике политической системы, социальной организации и др.

Интеграция системы любого уровня фиксирует усиление статуса тенденции к взаимосвязи (сближению, объединению и т. п.) различных ее подсистем, явлений, процессов и др. Выделим некоторые из основных направлений областей (сфер) интеграции:

– социокультурная интеграция, предполагающая укрепление взаимосвязей между национальными культурами, информационными потоками, формирование общечеловеческих ценностей на основе учета национальных стереотипов;

– социально-экономическая интеграция, представляющая собой взаимодействие национальных экономик и их элементов, а также социальных структур различного уровня, обеспечивающая эффективность развития как национальных, так и региональных экономических систем;

– межэтническая интеграция, связанная с расширением взаимоотношений этносов, отличающихся друг от друга (по языку, этическим нормам, отношению к природе и др.), но стремящихся выйти на уровень консенсуса, обеспечивающего выживание (экономическое, социокультурное, экологическое и т. п.) этноса в интеграционном мире.

Фиксируется два уровня интеграции, а именно: интеграция горизонтального и вертикального типов.

Горизонтальная интеграция исходит из укрепления и расширения взаимосвязей систем и их элементов примерно одного типа и сходного уровня сложности. Например, интеграция подобного типа характерна для процессов, происходящих в рамках Европейского союза.

Вертикальная интеграция предполагает активизацию процесса взаимосвязи систем различного уровня (экономического, социального, культурологического и др.) для реализации общей целевой установки. В качестве примера приведем процесс вестернизации, экспансия которого способствует объединению различных подсистем как западного, так и восточного типа развития.

В более обобщенной форме интегративность находит выражение в представлениях о *целостности* (холистичности) системы или объекта. Целостность рассматривается как важнейший атрибут системы любого уровня, в том числе и глобального масштаба.

В рамках целостной системы действует принцип аддитивности, в соответствии с которым свойства интегрального (целостного) объекта являются функцией характеристик элементов целостных систем. Так, мировая цивилизация, включающая совокупность цивилизаций западного и восточного типов развития, обладает как имманентными характеристиками, обусловленными целостностью глобальной социоприродной системы, так и свойствами, заимствованными из соответствующих подсистем.

Тем не менее взаимодействие подсистем дает сравнительно новое качество целостной системе, обусловленное их взаимодополнительной системностью. Целостной системе присущи свойства, которые отличаются от характеристик подсистем, ее составляющих, что обусловлено особенностями взаимосвязи и взаимоотношений между составными элементами системы.

Более того, в целостной цивилизационной (глобальной) системе формируется новый тип закономерностей, связанный с выходом на уровень *синергетизма*. Глобальная (планетарная) социоприродная система получает адекватную интерпретацию в рамках нелинейных представлений, не абсолютизирующих возможность эволюционного пути развития, учитывающих реальность бифуркационных точек, соотношение хаоса и порядка в коэволюции и др. Формирование интегральной системы глобального масштаба рассматривается как сложный эволюционный процесс, проходящий различные стадии (между порядком и хаосом, дифференциацией и интеграцией, линейностью и нелинейностью и др.).

Интеграция сложных систем связывается с принципом когерентности (взаимосвязи), в соответствии с которым интегрирующие подсистемы должны иметь некоторые общие параметры. Например, когерентным является объединение европейских стран, и представляется некогерентным вхождение в региональную европейскую систему государства, радикально отличающегося по своим параметрам (экономическим, социальным, культурологическим и т. п.). В этом смысле дискуссии о возможном вхождении, например, Турции в Европейский союз представляются вполне правомерными и обоснованными.

При этом выявляется новый статус человека в глобальной системе, где субъект не только объект управления, но и определяющий элемент динамики коэволюции. Человек, обладая большей степенью свободы, трактуется как более сложная система по сравнению с социальной группой. Тем самым нелинейность человека «выше», чем нелинейность социума.

Именно коэволюция человека (и социума) с подсистемами глобальной социоприродной системы обеспечивает такой уровень их интеграции, выйдя на который реализуется целостность универсального эволюционного процесса. Балансирование между порядком и хаосом в рамках динамики глобальной социоприродной системы обеспечивает историческую устойчивость формирующихся интегративных структур.

Конкретизацией интегративности является представление об *универсальности* мировых тенденций, то есть фиксации общих (единых) процессов, характерных для социоприродных систем различного уровня. Обозначим несколько форм выражения универсальности:

– панамериканизм (или панъевропеизм), когда конструктивные мировые тенденции, процессы и явления связываются преимущественно с распространением западнцентристских стереотипов на все, в сущности, национальные и региональные системы;

– планетарность мышления, в соответствии с которым, несмотря на национальную специфику, субъекты мировой социоприродной системы вольно (или невольно), сознательно (или бессознательно) тяготеют к некоторым единым (общечеловеческим) ценностям: любви к ближнему, безопасности мира, распространению информации, сохранению природы и др.;

– преодоление традиционной государственности, что при реализации сравнительно единых ценностей и стереотипов, обусловленных относительной схожестью экономической модели (технологизм, сциентизм, информатизм и т. п.) и политической системы (демократизм, открытость, плюралистичность и др.), известным образом трансформирует историческую роль государства в процессе принятия решений на национальном уровне – повышается статус международных структур в принятии решений, имеющих национальное значение.

Перспективы глобальной социоприродной системы, если исходить из теории самоорганизации, связаны с тем, что сложная интегральная система находится в состоянии динамического равновесия, обусловленного взаимоотношениями ее (системы) различных параметров, показателей и характеристик (порядка и хаоса, линейности и нелинейности, эволюции и инволюции, прогресса и регресса и др.). Под воздействием как внешних, так и внутренних противоречий интегральная система может потерять свою устойчивость, что ведет к дезинтеграции, то есть возможному образованию новых структур, более устойчивых к современным вызовам цивилизации.

Тем самым интегративность как одна из определяющих категорий глобализации сочетается с альтернативными категориями, а именно: дифференциацией (дифференциальностью), локализацией, национализацией (национализмом), децентрализацией и др.

Дифференциация – процесс разделения (расчленения) части системы различного уровня на ее элементы (подсистемы). В глобальной социоприродной системе выделим (по аналогии с интеграцией) следующие направления дифференциации:

– социокультурная дифференциация, предполагающая сохранение религиозно-духовной (православная, буддистская культуры и др.) и социокультурной (молодежная, массовая, элитарная культуры и т. п.) специфики в условиях глобализации;

– социально-экономическая дифференциация, исходящая из того, что, несмотря на усиление общих тенденций в динамике планетарного развития, мировая система подвергается дальнейшей дифференциации: если в 70-х гг. развивающиеся страны рассматривались преимущественно обобщенно (дифференциация носила, как правило, идеологический характер), то в XXI в. их дифференциация усилилась («новые индустриальные страны», «нефтедобывающие развивающиеся страны», «нефтеэкспортирующие развивающиеся страны», «наименее развитые развивающиеся страны»);

– межэтническая дифференциация, когда в процессе глобализации не только ослабляются противоречия на национальной и этнической почве, а напротив – фикси-

руются усиление и расширение националистических (и этнических) конфликтов, которые неуклонно выходят на уровень регионального и планетарного масштабов.

Очевидно, что интеграция (интегративность) и дифференциация (дифференциальность) – отнюдь не конкурирующие, а взаимодополнительные процессы (и категории) развития мировой системы. Предложен даже специальный термин (фрагмегративность), фиксирующий взаимодействие дифференцирующих (fragmentation) и интегрирующих (integration) тенденций в развитии мировой социо-природной системы.

Локализация (или *фрагментация*) – специфическая форма выражения и существования больших систем, ибо глобальная система – предельная степень интеграции подсистем различного уровня (местного, регионального, национального и др.). Если глобализация связывается с усиливающейся централизацией принятия решений, то локализация исходит из того, что эффективность управления предполагает перенесение тяжести ответственности при принятии решений на местный уровень. При этом децентрализация управленческого процесса рассматривается как существенный фактор, обеспечивающий повышение эффективности механизма принятия решений.

Впрочем, вряд ли конструктивно противопоставлять локальные и глобальные процессы: их взаимосвязь и взаимозависимость достаточно понятны. Скажем, проблема потепления климата, с одной стороны, имеет явную планетарную направленность, требуя реализации общемировой стратегии; с другой стороны, эффективность воплощения международных решений предполагает выход как на местный уровень (экологически оптимальное функционирование локальных промышленных объектов), так и на уровень государства (национальная реализация мировой климатологической стратегии). И закономерно появление такого понятия, как «глокализация», в рамках которого зафиксирована взаимосвязь процессов глобального и локального масштабов.

Процесс взаимодействия интегральных и дифференциальных тенденций в динамике мирового развития претерпел радикальные идеологические (концептуальные) трансформации. Отметим соответствующие базисные направления.

Анализ рыночных отношений получил наиболее четкое выражение в системе идеологии капитализма, которая на протяжении XVIII–XIX вв. демонстрировала свою эффективность и эвристическую значимость. Идеи капитализма, несмотря на появление альтернативных представлений, были доминирующими для цивилизации западного типа. Ситуацию можно характеризовать как интегративный идеологический монизм.

Однако к середине XIX в. фундаментальное теоретическое развитие получила альтернативная концептуальная модель (идеология социализма), которая на протяжении большей части XX в. приобретала широкое распространение. В ряде стран, в том числе и в России (СССР), принципы социалистической идеологии получили формы практической реализации.

В XX в. был утрачен интегративный идеологический монизм. Одновременно существовали (в социальной реальности) две идеологические модели, доказывающие свою эффективность. Возникла ситуация, которую можно охарактеризовать как дифференциальный идеологический плюрализм.

На рубеже XX–XXI в., после развала Советского Союза, произошло снятие (преодоление) идеологии социализма и возврат идеологического монизма, в рамках которого капитализм (и рыночные отношения) трактуются в качестве эффективной (и, в сущности, единственной) стратегии цивилизации. Однако «спиральность развития» обуславливает реальность представлений, в соответствии

с которыми происходит конструктивная модернизация капиталистической идеологии и рыночных отношений. Речь идет о реализации воззрений о капитализме «с человеческим лицом». Следовательно, интегративный идеологический монизм «размывается», повышая степень дифференциальности.

Отмеченные идеологические трансформации происходили на фоне взаимоотношений между двумя системами, которые исторически в течение XX в. находились на различных стадиях остроты. В обобщенной форме глобальная социоприродная система была биполярна, то есть находилась в состоянии дифференциальной интегральности.

К началу XXI в., после исчезновения системы социализма, сформировался цивилизационный монизм, когда функции лидера цивилизации были связаны с высоким статусом (военным, экономическим, политическим и т. п.) США. Глобализация в форме «американизации» мировой социоприродной системы обуславливала ее историческую неустойчивость.

Неравномерность регионального развития ведет к тому, что мировая система имеет тенденцию к преодолению цивилизационной монополярности, то есть доминанты американизации – абсолютизации североатлантических стереотипов и представлений. Возникающие и развивающиеся новые центры мировой интеграции (ЕС, Китай, Индия) уводят современный социум из состояния сравнительно неустойчивой цивилизационной монополярности и биполярности к состоянию полиполярности.

Разнообразие цивилизационных подсистем является важным фактором повышения степени их исторической устойчивости. Именно в этом и состоит историческая функция взаимосвязи интегральных и дифференциальных тенденций в динамике мирового развития.

Социально-экономические категории

Интернационализация / Национализация

Пространственной и временной формой выражения глобализации является *интернационализация* как категория, которая фиксирует взаимосвязь межгосударственных взаимодействий в различных сферах социокультурной деятельности. Интернационализация – социальная форма выражения процессов интеграции, проявляемая прежде всего в социально-экономических, социокультурных, межэтнических процессах и др.

В середине XIX в. феномен интернационализации трактовался в рамках теории марксизма как процесс образования «всемирного рынка», «уничтожения» национальной экономики, «ликвидации» местной и национальной замкнутости, укрепления «всесторонней связи и зависимости» наций друг от друга. Причем этот процесс связывался как с материальным, так и с «духовным производством» (Манифест Коммунистической партии, 1848 г.).

Следовательно, интернационализация – процесс, предшествующий глобализации, являющийся ее предпосылкой. В XX столетии, несмотря на противоположные тенденции, интернационализация неуклонно расширяется как объективный фактор мирохозяйственных взаимоотношений во всех сферах производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности (финансово-экономической, научно-технической, культурологической и др.).

«Альтернативной» формой выражения глобализации стала регионализация интернациональных процессов. *Регионализация* – объединение групп государств, имеющих общие природно-географические условия, единые социально-экономические и политико-идеологические установки, сходные природные ресурсы. Более

того, к середине XX в. интернационализация реализовалась в форме преимущественно альтернативных объединений (Варшавский договор/НАТО, СЭВ/ЕЭС и др.), что обуславливалось политико-идеологической и военно-стратегической конфронтацией между «двумя мирами» – капиталистической и социалистической системами.

При этом исторически регионализация сочетается с локализацией (национализацией), то есть со стремлением национальных государств сохранить свою социокультурную идентичность, экономическую самостоятельность, политическую независимость и т. п. Балансирование между национальными и региональными интересами – базисная целевая установка соответствующих организационных структур.

В конце XX в. были созданы условия для преобразования интернационализации в процесс глобализации. Отметим некоторые из них.

Во-первых, выявление противоречий мирового развития (глобальные проблемы), преодоление которых связывалось с выходом международного сотрудничества на планетарный уровень. Обосновывалась точка зрения, в соответствии с которой снятие противоречий глобального масштаба (военно-стратегических, энергетических, продовольственных, социально-экологических, научно-технических и др.) требует координированного сотрудничества всех, в сущности, стран мирового социума.

Во-вторых, распад социалистической системы, обусловивший сравнительный монизм (единство) мировой экономической системы (отказ от доминирования централизованных моделей управления и преобладание рыночных отношений), относительную общность социально-идеологических воззрений (демократия трактовалась как наиболее приемлемая форма идеологии и управления) и т. п. Во всяком случае, утратил былое значение исторический конфликт (состояние «холодной войны») между двумя сверхдержавами, одна из которых постепенно лишалась своего имперского статуса. Создавались реальные предпосылки для активизации совместных действий былых идеологических противников практически во всех сферах бытия.

В-третьих, высокий уровень технико-технологической базы цивилизации (тождественность высоких технологий, информатизация и др.) обеспечил реализацию интегративных стереотипов мирового развития, когда распространение информационных потоков приобрело отчетливо планетарные масштабы, фактически исключая национальные и региональные преграды.

В рамках интернационализации (середина XIX – первая половина XX в.) усиливающаяся взаимосвязь национальных систем, в особенности социально-экономических структур, обуславливая формирование мирового рынка, не приводила вместе с тем к утрате сравнительной автономности национальных образований. Экспансия глобализации (вторая половина XX в.) все в большей мере связывается с тем, что национальные социально-экономические структуры, становясь составной частью глобальной социоприродной системы, частично утрачивают историческую автономность.

Определяющим субъектом глобализации все более активно выступают не национальные государства, а транснациональные корпорации (ТНК). Их деятельность становится все более решающим фактором воздействия как на национальную, так и на международную ситуацию (экономическую, политическую, социальную и т. п.). При этом устойчивость глобальной социоприродной системы, в особенности ее экономической подсистемы, является функцией повышения «степени» управляемости национальных экономических систем мировыми интегративными структурами (и зависимости от них).

Национальные европейские системы находятся во все большей зависимости от процессов западноевропейской региональной интеграции (ЕС), активизируются североамериканские институты региональной интеграции (например, НАФТА). Несмотря на постоянную критику, сохраняется высокий имидж традиционных международных организаций (ООН, ее специализированных учреждений – Экономического и социального совета ООН, Всемирного банка, Банка реконструкции и развития и др.).

Итак, процесс интернационализации, преодолевая историческую локальность национальных государств, выводит цивилизацию через регионализацию на уровень глобализации. С одной стороны, в ее рамках создаются предпосылки того, что государство, являясь основной политико-экономической единицей мирового развития, может утратить свои былые функции. С другой стороны, современное государство делает все, чтобы, преодолев последствия регионализации (и глобализации), сохранить национальную идентичность. Иное дело, что под воздействием интернационализации, исходя из логики современных мировых социально-экономических, политико-идеологических, научно-технических, социально-экологических и социокультурных тенденций, усиливаются процессы эрозии традиционной суверенности национального государства.

Государственный суверенитет – принцип независимости государства в процессе принятия решений, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю сферы политики.

Внутренний суверенитет – взаимоотношения государства и общества, то есть формы деятельности отдельных людей и их совокупности – социума, целевые установки которого могут как совпадать, так и не совпадать с государственными стереотипами. Государство регулирует социальные процессы, принимая соответствующие законодательные документы, наделяя властными полномочиями определенные структуры. В рамках законодательной системы устанавливается свобода функционирования общества в различных сферах (политической, экономической, культурологической и др.), не разрушающая стереотипы государственного суверенитета.

Внешний суверенитет – механизм функционирования национального государства в системе международных взаимоотношений. Принятие государственных решений на национальном уровне предполагает ориентацию на такую стратегию, чтобы, с одной стороны, реализовывались национальные приоритеты, а с другой стороны, по возможности учитывались бы интересы других государств, участвующих в разрешении того или иного межгосударственного противоречия.

Вестфальская модель государственного суверенитета – теоретическая схема механизма оптимального взаимоотношения между отдельными национальными государствами. Исторически процесс принятия решений на национальном уровне предполагал активный учет как внутренних, так и внешних факторов. Тем самым суверенность в процессе принятия государственных решений носит относительный характер.

«Степень суверенности» национального государства имеет тенденцию к уменьшению в процессе продвижения цивилизации к XX в., особенно в условиях расширения глобализации. Более того, современная глобальная взаимосвязь (и взаимозависимость) национальных государств во всех, в сущности, сферах человеческой деятельности (производственно-хозяйственной, финансово-экономической, научно-технической, природоохранной, социокультурной и др.) радикально трансформирует традиционные государственные функции, а именно: значительная часть решений, принимаемых на государственном уровне, осуществляется под воздействием не столько внутренних, сколько внешних факторов.

Отметим лишь некоторые причины, объясняющие изменяющийся статус национального государства в условиях глобализации в процессе принятия решений.

Во-первых, угрозы (или вызовы), стоящие перед цивилизацией, выходят на такой уровень остроты и масштабности, адекватное преодоление которых имманентно связано не с национальными, а с принципиально международными решениями. И, во-вторых, национальные социоприродные системы настолько взаимообусловлены (и взаимозависимы), особенно в финансово-банковской, торговой или информационной структурах, что их независимое функционирование в условиях мирового рынка уже не представляется реалистичным.

Это не означает, что национальный суверенитет рассматривается как анахронизм. Напротив, именно на рубеже XX–XXI вв. усиливается *партикуляризм* – стремление к национальной автономности, сохранению идентичности – определенный синоним дифференциальности мирового развития, альтернатива интегральной универсальности.

Выделяется несколько направлений современного партикуляризма, а именно:

– государственническое направление, когда специфика мировой политической ситуации (и в частности, развал СССР) обернулась образованием национальных государств (Украина, Беларусь и др.); развал социалистического лагеря привел к расширению дифференциальных процессов (разделение Чехословакии, военный распад Югославии и др.);

– религиозное направление, преимущественно связанное с абсолютизацией исламского фундаментализма, в рамках которого преувеличиваются расхождения между православными и исламскими ценностями, обостряются конфликтные ситуации, трактуемые на основе религиозных противоречий;

– этническое направление, когда преувеличиваются национальная специфика и ментальные характеристики личности, обусловленные в значительной мере реальным расслоением социума (экономическим, социальным, культурологическим) в связи с усилением, в частности, миграционных потоков («Юг») в западноевропейские страны («Север»).

Традиционные представления национального суверенитета, неуклонно «размываясь» под воздействием глобализации, тем не менее, ориентируются на сохранение былого статуса государства. И если внешние факторы суверенитета с трудом поддаются национальному регулированию, то в рамках внутренних условий создаются соответствующие предпосылки на государственном уровне, а именно: используются различные формы экономического протекционизма, в рамках которого национальные правительства, с одной стороны, различным образом создают преференции национальным структурам, а с другой – в той или иной мере затрудняют функционирование ТНК.

Конечно, еще в длительной исторической перспективе национальное государство, сохраняя суверенитет, останется субъектом и объектом мирового процесса. И тем не менее глобализация неуклонно трансформирует традиционные формы государственного суверенитета.

Социокультурные категории

Модернизация / Традиционализм

Исторической формой глобализации выступает *модернизация* – процесс преобразования социума в различных областях деятельности (экономической, социально-политической, социокультурной и др.). Модернизация ассоциируется с вестернизацией, а именно: во-первых, с имманентным развитием западной модели социума («Север») и, во-вторых, с экспансией западных принципов в другие социокультурные и природно-климатические условия («Юг»).

Генезис модернизации связывается с эпохой модерна. *Модерн* (modernity) – период активного формирования и развития западноевропейского типа духовной организации социума, ассоциируемый, как правило, с эпохой Просвещения (XVII в.); социальные формы модерна выстраивались под воздействием европейских революций 40-х гг. XIX в. и др.

В рамках эпохи модерна выявлялись и закреплялись европейские ценности, получившие постепенно статус универсальных, имеющих общечеловеческое значение. Отметим важнейшие из них:

- свобода личности в различных ипостасях ее проявления и выражения;
- доминанта рыночных отношений в экономической сфере как форма эффективной производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности;
- политический плюрализм, позволяющий учитывать различные спектры мнений в процессе принятия решений;
- рационализм как доминирующий метод познавательной деятельности, обеспечивающий динамизм научно-технического развития;
- культурологический европоцентризм, в рамках которого западноевропейские духовные ориентиры рассматриваются в качестве образцов мирового масштаба;
- динамизм как стремление к экспансии западноевропейских ценностей и стереотипов.

В середине XX в. процесс модернизации в форме вестернизации (western), то есть распространения западных принципов развития, стал активно реализовываться в условиях стран, освободившихся от колониальной зависимости. В развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки вестернизация (модернизация) выражалась в поисках перспективной национальной концептуальной модели и попытках адаптации западных стереотипов («Севера») к условиям стран «Юга». В более конкретной форме соответствующие процессы реализовывались в выходе на уровень адекватных национальным представлениям социально-политических систем; разработке особых технико-промышленных производств, соответствующих природно-климатическим и социокультурным условиям развивающихся стран («промежуточная технология») и др.

Позднее, после развала «советской империи», процесс модернизации рассматривался применительно к России, которой как субъекту цивилизации евразийского типа присущ, как полагают неославянофилы, особый, «третий путь развития». «Особенность» российского развития исторически обуславливается ее «промежуточным» стратегическим положением между Западом («Севером») и Востоком («Югом»).

На рубеже XX–XXI вв. процесс модернизации (как формы выражения глобализации) стал интерпретироваться в терминах постмодерна (postmodernity). *Постмодерн* – современный период развития социума, для которого характерна совокупность особенностей, отличающих его от предшествующих этапов социокультурной динамики. Выделим некоторые из этих особенностей применительно к различным сферам социального бытия.

Социальная сфера. Генезис и развитие модерна, динамика рыночных отношений привели к стратификации социума, классовой дифференциации, которая в значительной степени и обусловила, с одной стороны, социально-экономическое развитие общества, а с другой – обострение противоречий в системе общественных отношений. Их острота угрожала стабильности исторической (капиталистической) социально-экономической системы. В условиях постмодерна классовая

стратификация в значительной мере утрачивает свою историческую антагонистическую остроту. Этому способствуют элементы «партнерства» между работодателем и работником. Все большая часть прибыли (прибавочной стоимости) направляется предпринимателем для поддержания стабильности социально-экономической системы на цели, соответствующие интересам работника. Конечно, классовые противоречия отнюдь не исчезают, а лишь нивелируются. Социальная стратификация базируется не на классово-экономической, а на иной основе (возрастной, образовательной, этнической и др.).

Экономическая сфера. В эпоху модерна преобладал классический тип рыночных отношений, основанный на принципе свободного обмена товарами и услугами между производителем и потребителем; фордизме – доминировании масштабного производства с использованием малоквалифицированной рабочей силы; преобладании материального характера деятельности, а также использования технологических нововведений; активной роли профсоюзов как посредника между работником и предпринимателем. Для постмодерна характерна радикальная трансформация исторически сложившихся отношений. Традиционные элементы рынка заменяются все более жесткими и масштабными процессами и формами регулирования; преобладающее развитие получают локальные производства, интегрированные в более целостную систему, где доминирует применение высококвалифицированной рабочей силы, соответствующей уровню высоких технологий; материальный характер деятельности неуклонно заменяется информационными процессами, что, во-первых, усиливает статус научных исследований и разработок и, во-вторых, выводит деятельность в область «виртуальной реальности»; профсоюзы неуклонно утрачивают свою историческую миссию, ибо квалифицированные работники получают возможность на экономических основаниях регулировать свои отношения с работодателем.

Политическая сфера. В условиях модерна реализовывалась идея сравнительной автономности государства и общества. Государство устанавливало лишь правила социального функционирования, существенно не вмешиваясь в производственно-хозяйственный процесс. В процессе становления эпохи постмодерна неуклонно повышается статус государства в динамике социума. Государство активно участвует в производственно-хозяйственной деятельности, соединяя частное предпринимательство и государственный интерес, то есть повышается степень государственного участия в предпринимательской деятельности. Более того, современное государство западного типа все больше усилий (финансовых, материальных, организационных и др.) направляет на поддержку наименее защищенных слоев социума.

Экологическая сфера. Становление модерна не было связано с учетом возможных социально-экологических последствий развития масштабной производственно-хозяйственной деятельности. Лишь в эпоху постмодерна в этой сфере произошли радикальные изменения. Во-первых, преодоление социально-экологических противоречий рассматривается как одна из определяющих целевых установок позитивного прогностического развития современной цивилизации. И, во-вторых, разработана, принята и реализуется мировая стратегия устойчивого развития, ориентированная на перспективную рационализацию элементов системы «человек – биосфера – социум».

Планируется продолжить разработку категориального аппарата глобалистики как науки. Предполагается выявить ее аксиоматические основания.

НОВАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

Ань Цинянь

Сегодня, когда современный мир уже вступил в эпоху глобализации, ученые многих стран серьезно размышляют над тем, как познать этот мир. По моему мнению, центральный вопрос здесь заключается в глубоком понимании новой научно-технической революции, произошедшей в XX столетии, и том влиянии, которое она оказала на современный мир. Это ключ к пониманию того, почему современный мир вступил в эпоху глобализации, а также стоящих перед ним проблем и тенденций его развития.

I. Новая научно-техническая революция XX столетия

XX в. – это век, когда наука и техника получили революционное развитие, которое началось с физики и базируется на новых результатах, достигнутых в ходе революции в ней. И когда XX в. называют «веком физики», это соответствует действительности. В XIX в. и еще раньше знание материального мира в основном оставалось на уровне вещества, наиболее репрезентативной в этом отношении являлась механика Ньютона (конечно, еще до нее существовала физика Галилея). Благодаря закону всемирного тяготения, а также трем великим законам механики она дала удовлетворившее всех объяснение взаимодействия тел объективной природы, а также происходящих под его влиянием изменений. В конце XIX в. многие ученые пришли к выводу, что исследования в области физики дошли до своего предела и в этой области науки уже ничего нельзя открыть. Однако в это время было обнаружено, что некоторые материальные объекты могут излучать неизвестные до этого лучи, причем их масса может уменьшаться. Пришло осознание того, что прежние знания о материальном мире недостоверны.

Возникло противоречие с учением классической физики. Согласно представлениям последней, мир состоит из атомов, которые неделимы, атомы имеют массу, материя неуничтожима. В рамках подобного теоретического понимания открытие радиоактивности означало, что атомы могут уничтожаться, а следовательно, и материя тоже может уничтожаться. Данная проблема стимулировала изучение многими физиками структуры атома. В 30-х гг. XX столетия открыли новый «кирпичик космоса» – элементарные частицы; была обнаружена структура атома, выяснено, что он состоит из ядра и вращающихся с большой скоростью вокруг него электронов, несущих электричество; в свою очередь ядро атома состоит из протонов, несущих положительное электричество, и нейтронов, не обладающих им; в результате появилась новейшая физическая теория – квантовая физика.

Это была революция в истории развития физики, она углубила представления ученых о материальном мире. Раньше исследования велись на уровне вещества, позднее – на уровне атома, теперь, после открытия структуры атома и создания квантовой физики, они перешли на более глубокий, чем атом, уровень элементарных частиц. Это не только привело к значительному углублению представлений о мире, например познанию материального единства мира, происхождения и эволюции Вселенной. Более важным явилось то, что это революционное развитие физической теории значительно повысило способность человечества использовать и преобразовывать материальный мир (включая способность преобразования атомов, более того, создания новых), привело к революции в области техники. Она проявилась главным образом в трех знаковых результатах.

Первый – создание атомной бомбы.

В начале 1945 г. США создали атомную бомбу и 7-го и 9-го августа того же года сбросили ее на Хиросиму и Нагасаки. Громадная разрушительная сила атомной бомбы потрясла мир и в значительной степени способствовала завершению Второй мировой войны. Создание обладающей громадной мощностью атомной бомбы непосредственно связано с новыми знаниями ученых о структуре материи, полученными ими в ходе революции в физике. Один из главных представителей квантовой физики, инициатор создания атомной бомбы А. Эйнштейн был напуган ее громадной разрушительной силой. А. Эйнштейн – великий физик, а также выдающийся мыслитель и философ. Будучи проникательным человеком, он понял, что впервые в истории человечество стало обладать силой, могущей уничтожить весь мир. С этого момента способность человечества преобразовывать природу поднялась на небывалую высоту.

Второй – изобретение и использование вычислительных машин.

Во время Второй мировой войны в целях создания нового оружия американские ученые приступили к изучению новейшей вычислительной техники. Математик фон Нейман в 1946 г. создал проект вычислительной машины, которая появилась в 1949 г.

Изобретение и использование ЭВМ привело к начавшемуся во второй половине XX столетия и продолжающемуся до сих пор стремительному прогрессу вычислительной и информационной техники. Успех в создании ЭВМ также является результатом революции в области физики. Именно благодаря тому, что физика в своем познании материи смогла дойти до более мелкого, чем атом, уровня, была создана электроника и появилась возможность использовать ее достижения для сбора, переработки и распространения информации. Новая техника позволила частично заменить способности человеческого мозга, она намного повысила возможности человека в скорости подсчета операций. Благодаря этому человечество приобрело важный инструмент для изучения сложных теоретических и технических вопросов и овладения ими, расширило пространство для исследований, значительно повысило способности человечества по познанию и преобразованию мира.

Третий – обнаружение структуры двойной спирали ДНК.

При изучении наследственности уже давно было обнаружено, что жизнь человека определяется наследственными генами, которые содержат в себе дезоксири-

бонуклеиновую кислоту, находящуюся в хромосоме ядра клетки, то есть ДНК. Однако структура молекулы двойной спирали ДНК была открыта лишь в 1953 г. Д. Уотсоном и Ф. Криком. Предпосылкой для этого открытия также послужила революция в физике. Революционное развитие физики привело к появлению разных типов микроскопов и другого экспериментального оборудования, благодаря чему для исследований в области биологии и химии ученые получили такой эффективный инструментарий, который ранее им трудно было себе представить. Открытие структуры двойной спирали ДНК явилось результатом использования именно этого инструментария. Данное открытие позволило вести исследования в области биологии на молекулярном уровне, на этой основе появилась бионика, биотехнология – генная инженерия. Это означает, что человечество овладело тайнами жизни и что оно может по своему желанию сознательно преобразовывать биологические виды, более того, может создавать лабораторным путем живые существа, ранее не существовавшие в природе. Жизнь – это самое сложное, что существует в мире; благодаря открытию структуры двойной спирали ДНК способность людей познавать и преобразовывать мир поднялась на немыслимую высоту, поскольку у человека появилась возможность создавать новую жизнь; в определенном смысле можно сказать, что он стал «императором».

В XX столетии было сделано большое количество других важных технических изобретений, например появление новых материалов и космической техники и т. д., все они так или иначе связаны с революционным развитием физики, позволили преодолеть ограниченные возможности человека в отношении природы и открыли ему пространство для нового развития.

II. Влияние новой научно-технической революции в XX столетии

Новая научно-техническая революция оказала чрезвычайно большое влияние на развитие мирового сообщества в XX столетии. К этому влиянию можно подойти с трех сторон.

Прежде всего самое непосредственное ее влияние заключается в том, что наука и техника становятся первой производительной силой или же, другими словами, производство становится областью применения науки и техники. Это происходит потому, что информационная техника, микроэлектроника, биотехнология, а также новые материалы приобретают все более важную роль в производстве, достигнутые ими результаты намного превосходят повседневный опыт людей, опыт трудящихся, непосредственно участвующих в производстве. Без научных открытий, сделанных учеными в лабораториях, невозможен новый прогресс в технике и технологии. Сегодняшнее материальное производство все больше становится сферой практического применения результатов науки и техники, которые становятся фактором, играющим решающую роль в материальном производстве. Рабочие и крестьяне – трудящиеся, которые непосредственно участвуют в производстве, – уже играют в нем периферийную, неглавную роль.

Далее. Прямым результатом вышеназванных изменений становится тот факт, что меняются критерии определения качества общественного строя, что вызывает глубокие социальные реформы во многих социалистических странах. До возникновения новой научно-технической революции при оценке общественного строя обычно исходили из того, может ли он в значительных масштабах стимулировать

активность непосредственно участвующих в материальном производстве рабочих и крестьян. В то время производство носило экстенсивный характер, удельный вес науки и техники был невысоким и поэтому размер производственного потенциала зависел от соотношения вложенного живого труда (производственной активности и сознательности рабочих и крестьян), а также «мертвого» труда (продукции, произведенной рабочими и крестьянами прежде). Причина, почему стахановское движение в период индустриализации в Советском Союзе смогло оказать большое стимулирующее влияние на развитие экономики страны, состояла в том, что созданный после Октябрьской революции общественный строй позволил рабочим массам осознать себя хозяевами государства, вследствие чего возник небывалый трудовой энтузиазм. Новая научно-техническая революция приводит к применению в производстве науки и техники. Поэтому принципиальным критерием оценки качества общественного строя становится его возможность в больших масштабах стимулировать развитие науки и техники, а также с самой быстрой скоростью превращать их результаты в непосредственную производительную силу. Это крупное изменение принесло с собой ряд глубоких социальных последствий.

С одной стороны, оно влило новые силы в капиталистической строй. Перед Второй мировой войной с первого взгляда было ясно, какой строй имеет превосходство – западный, капиталистический, или советский, социалистический. Возникший в конце 20-х и начале 30-х гг. экономический кризис в западном мире и поразительно быстрое развитие в то время общества и экономики Советского Союза лучше всего говорили, какой строй предпочтительней. Однако положение изменилось после Второй мировой войны, особенно в 70-х гг. прошлого столетия. Поскольку в капиталистическом мире существует конкуренция, то для того, чтобы добиться преимущества на рынке, каждый капиталист стремился всячески обновить производственную технику. Он изо всех сил стимулировал развитие науки и техники. Следует добавить, что частная собственность на средства производства также способствует приобретению капиталистом новой производственной техники, ибо для этого ему не нужно одобрения каких-либо других лиц, он немедленно превращает ее на своем предприятии в непосредственную производительную силу. Поэтому капиталистический мир стал переживать «вторую молодость» – произошел стремительный рост производительных сил, жизненный уровень населения значительно повысился. Кроме того, узкие рамки национальных государств уже были не в состоянии удовлетворять потребности достигнувших высокого уровня развития производительных сил. Транснациональные компании стали появляться, словно весенние побеги бамбука после дождя, и постепенно складываются единый мировой рынок и международная экономическая система, имеющая черты интеграции.

С другой стороны, добившийся блестящих результатов социалистический строй в Советском Союзе утратил свое прежнее превосходство. Это произошло потому, что созданный в 30-е гг. прошлого столетия строй обладал такими особенностями, как высокая концентрация власти, общественная собственность на средства производства, плановая экономика, распределение по труду. При существовавшем строе отсутствовала политическая демократия, не хватало свободы мышления, а также возможности обмена мнениями с зарубежными коллегами, поэтому интеллигенции было трудно проводить исследования в области науки

и техники творческого характера. Между предприятиями не существовало рыночной конкуренции, их задача заключалась лишь в том, чтобы выполнить план, спущенный сверху, у них не было необходимости и власти, чтобы инициативно развивать и обновлять технику. Поскольку предприятия не были самостоятельными в принятии решений, то даже в случае появления новой техники и технологии их применение должно было пройти через многоступенчатое одобрение бюрократических инстанций, поэтому они не могли вовремя становиться непосредственной производительной силой. Все это привело к тому, что наметившееся отставание советской экономики от западной после 70-х гг. прошлого столетия стало большим, советское общество вступило в период застоя и постепенно оказалось в невыгодном положении в конкуренции с Западом. Модель сталинского социализма с высокой степенью централизации оказалась в тяжелом положении. Новая научно-техническая революция заставила все социалистические страны пойти по пути реформ. Подлинными глубокими причинами реформ в Советском Союзе и Китае являются именно в этом. Новая научно-техническая революция показала, что существовавший ранее социалистический строй уже пришел к своему историческому концу. Маркс говорил: «Пар, электричество и сельфактор были несравненно более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Раскайль и Бланки»¹.

Маркс прав. Однако в данном случае объектом социальной революции, обусловленным прогрессом науки, оказался не капитализм, а социализм сталинской модели.

Пути реформ в различных государствах, как, например, в России и Китае, отличаются друг от друга, однако их основное направление одинаково. Оно заключается в том, что проводимые в обеих странах реформы ориентированы на превращение науки и техники в первую производительную силу, создание условий для развития и использования науки и техники, а для этого необходимо плановую экономику превратить в рыночную, от высокоцентрализованной власти перейти к политической демократии. Это ясно просматривается в реформах, проводимых во всех социалистических странах. Но Россия начала свои реформы с построения политической демократии, а Китай поставил своей первоочередной задачей строительство рыночной экономики и развитие производства. Китай не только строит рыночную экономику у себя в стране, но и активно вступает в большой мировой рынок. Еще в 80-е гг. прошлого столетия он, используя опыт Гонконга, Тайваня, Южной Кореи и ряда государств Юго-Восточной Азии, выбрав в качестве своей четкой цели создание экономики по модели «заимствование двух извне» (капиталов, техники и рынка из-за границы), стал изо всех сил стремиться войти в большую сеть мирового рынка.

Наконец, третьей стороной влияния новой научно-технической революции на современный мир является возникновение волны глобализации. Как мы уже отмечали, произошедшая в XX столетии новая научно-техническая революция значительно углубила знание человечества о природе, что значительно увеличило возможности по ее преобразованию. Непрерывное появление новых источников энергии и новых материалов, высокая степень автоматизации всемирной информационной сети, непрерывное обновление средств передвижения, высадка людей

¹ Маркс, К., Энгельс, Ф. Полн. собр. соч. – М., 1958. – Т. 12. – С. 3.

на Луну и т. д. – все это увеличивает возможности человека, земной шар становится маленьким, появилось даже понятие «мировая деревня». В концентрированном выражении эти изменения представляют собой революционный прогресс в отношении производительных сил человечества. Как уже отмечалось выше, основанные на рыночной экономике капиталистические государства создали благоприятные условия для применения научно-технических инноваций и новых достижений в области науки и техники. Они использовали исторический шанс, предоставленный новой научно-технической революцией, в результате материальные производительные силы стали быстро развиваться. Для того, чтобы найти пространство для высокоразвитых производительных сил, эти государства вызвали к жизни волну экономической глобализации. В то же время прежние социалистические государства стали одно за другим поворачиваться к рыночной экономике, в интересах собственного развития им было необходимо соединиться с большим международным рынком, и они активно влились в волну экономической глобализации. В результате существовавшие в капиталистических и прежних социалистических государствах потребность и взаимная заинтересованность привели к тому, что создание единой мировой большой рыночной экономической системы стало непреодолимой исторической тенденцией. В настоящее время волна экономической глобализации охватила весь мир, она определяет все. Одновременно с этим связи между различными государствами мира в политической, культурной и других областях также становятся все более тесными.

Проблемы глобализации вызвали интерес у людей различных стран. Причины ее появления много, однако в конечном счете все сводится к новой научно-технической революции XX столетия.

III. Новая научно-техническая революция и зигзаги (изломы) человеческой цивилизации

Глобализация, о которой мы сегодня говорим, в основе своей имеет глобальную экономическую интеграцию, это создание единой рыночной экономической системы в масштабах всего мира. Мы имеем дело с невиданным распространением в мировом масштабе рыночной экономики, причем роль главного распорядителя в этой мировой рыночной экономической системе играют капиталистические государства во главе с США. Общеизвестно, что в течение длительного периода времени ставили знак равенства между рыночной экономикой и капитализмом. Поэтому многие люди считают, что глобализация есть победа во всем мире капиталистического строя, по словам американского ученого японского происхождения Фукуямы, это означает конец истории. Однако на самом деле подобный взгляд является поверхностным. Волна современной глобализации в огромной степени выходит за рамки идеологического противостояния капитализма и социализма, это знак поворота человеческой цивилизации, символизирующего, что существовавшая в течение семисот с лишним лет начиная с эпохи Просвещения промышленная цивилизация подошла к своему историческому завершению. И капитализм, и социализм – и тот и другой строй обращают внимание на развитие науки и техники, на их использование для развития промышленного производства и увеличения материального богатства. Ценности, которые отрицает волна глобализации, являются ценностями промышленной цивилизации².

² При исследовании проблем глобализации научная общественность Советского Союза использовала понятие «глобальные проблемы», в современной России оно заменено другим понятием, взятым из западной

Вплоть до настоящего времени главной созидательной силой промышленной цивилизации была буржуазия, судьба которой тесно связана с капиталистическим строем. Особенность этого строя состоит в том, что здесь все подчинено потребностям капитала, сущностью которого является возрастание, безграничное самовозрастание. Только поэтому промышленность, заменив сельское хозяйство, становится главной формой материального производства человечества, а безграничное расширение материального производства становится основной особенностью капиталистического строя и всей промышленной цивилизации. Почему капиталистический строй может обладать подобными свойствами? Это определяется основными ценностными ориентациями людей в буржуазном обществе.

Возникшее в XIV в. движение Просвещения подвергло критике подавление христианством в Средние века природы человека, оно провозгласило, что человек является центром жизни, выдвинуло идеи гуманизма. Гуманизму было присуще утверждение справедливости и разумности материальных желаний человека и стремлений к получению материальных удовольствий в целях их удовлетворения. Удовлетворение материальных удовольствий требует наличия достаточного количества денежных средств, для чего необходимо развивать производство. Поэтому индивидуальное кустарное производство постепенно заменяется кустарными мастерскими и промышленным производством с широким использованием машин. Отличие промышленности от сельского хозяйства состоит в том, что она на основе познания природы, используя машины, сознательно преобразует ее. Поэтому становление и развитие промышленности сильно стимулировало развитие науки и техники, вследствие чего значительно усилилась роль научного разума рациональности, что привело к появлению в XVIII в. просветительского движения, представленного французским материализмом. Под влиянием рационалистического Просвещения и буржуазных политических революций история человечества вступила в новую эпоху. Под углом зрения политики и идеологии это была эпоха капитализма, под углом зрения способа производства – эпоха рождения промышленной цивилизации. Замену промышленной цивилизацией аграрной называют также эпохой модернизации. Кратко говоря, всю историю человечества – с периода Возрождения и до сегодняшнего дня – можно рассматривать как эпоху промышленной цивилизации. Она появилась вслед за рождением буржуазии, поэтому следует сказать, что и в России до Октябрьской революции промышленная цивилизация практически также была цивилизацией капиталистической.

История капиталистической цивилизации есть история людей, вдохновленных материальными желаниями, которые стремятся с помощью научного разума использовать развитие промышленного производства для получения материальных богатств и материальных удовольствий. Основными ценностными ориентациями

литературы, – «глобалистика». С определенной точки зрения это шаг назад. Первое понятие делало упор на «проблемы», то есть на принесенные глобализацией проблемы, оказывающие свое отрицательное влияние на существование человечества, которые ему необходимо решить; что касается второго понятия, то оно рассматривает глобализацию как нейтральный, технический вопрос. Первое понятие – специфически русское, понятие социалистического Советского Союза, второе имеет хождение в западном капиталистическом мире, оно проникнуто духом прагматизма. Факты свидетельствуют о том, что глобализация, способствуя развитию материального производства, одновременно вызвала к жизни множество серьезных проблем, и поэтому имеет также серьезный отрицательный эффект. Мы должны обратить внимание именно на этот эффект, поскольку он представляет собой серьезную угрозу самому существованию человечества.

гуманизма капиталистов была погоня за материальными богатствами и материальными удовольствиями. Буржуазию и капиталистический строй не заботило ничего, кроме личной выгоды, все их интересы были связаны только с ней. Вдохновленные материальными желаниями, погоней за деньгами, ремесленники, торговцы и возникший затем весь класс капиталистов непрерывно развивали науку и технику, расширяли производство, занимались жесткой конкуренцией, рыскали повсюду, они оказывали большое влияние на развитие производительных сил, и неизменно в течение нескольких столетий путь капитализма сопровождался триумфальным маршем. Поэтому неслучайно в «Манифесте Коммунистической партии» Маркс и Энгельс, говоря о буржуазии, прежде всего дают высокую оценку совершенной ею в истории революции мышления, то есть ее проповеди индивидуализма и эгоизма.

Как говорили Маркс и Энгельс, буржуазия и капитализм сыграли в истории революционную роль, включая то, что они стимулировали новую научно-техническую революцию XX столетия и возникновение волны экономической глобализации. Однако новая научно-техническая революция является как раз последовательным отрицанием ценностных ориентаций капиталистического строя и капиталистической промышленной цивилизации, так как под влиянием этих ориентаций капитализм подошел к своей естественной границе, впервые столкнувшись с непреодолимым препятствием.

Желания человека не имеют пределов. Самовозрастание капитала, его неограниченное расширение не имеет каких-либо рамок. Однако подобное расширение неизбежно встречает препятствия на своем пути, оно непременно сопровождается сопротивлением и кризисными явлениями. С исторической точки зрения подобное расширение вызвало к жизни третий кризис капиталистического строя.

Первый кризис был связан с тем, что расширение капитала и его воспроизводство встретили сопротивление рабочего класса, одновременно это вызвало к жизни конфликты между самими капиталистами. Наглядной демонстрацией сопротивления рабочего класса явился бурный рост рабочего движения в западных странах в XIX в. и ожесточенная борьба буржуазии и пролетариата. Конфликты между капиталистами главным образом проявлялись в свободной конкуренции на рынке, что приводило к экономическим кризисам. Классовая борьба и экономические кризисы свидетельствовали о том, что капиталистический строй становится оковами для развития производственных сил и что он уже подготовил своего могильщика. Тогда впервые капиталистический строй оказался в кризисе. Марксизм явился продуктом именно этого кризиса.

Под давлением классовой борьбы рабочих буржуазия была вынуждена изменить свою тактику, следствием чего явилось смягчение классовых противоречий; благодаря появлению кейнсианства она нашла эффективные методы противодействия экономическому кризису, и он был постепенно разрешен в рамках капитализма.

Второй кризис капиталистического строя связан с двумя мировыми войнами, вызванными движением национального капитала вовне своих государственных границ и возникновением империализма. До превращения науки и техники в первую производительную силу увеличение богатства капиталистов опиралось главным образом на эксплуатацию и захват: внутри страны – на эксплуатацию рабочих, вовне ее – на захват колоний. Алчное стремление к материальному богатству

заставляло капиталистов вслед за развитием производительных сил раздвигать рамки национальных государств, идти во внешний мир и проводить разнообразную империалистическую политику. Связанное с этим расширение капиталов неизбежно приводит к конфликтам между империалистическими государствами за пространство для своего развития. Обе мировые войны как раз и явились проявлением этих конфликтов. Последовавшие одна за другой, они показали, что расширение капитала встретилось с новыми препятствиями и ограничениями и что капитализм вступил в новый кризис. Однако создание ООН и появление такой международной организации, как ВТО, свидетельствуют о том, что буржуазия различных государств согласилась на определенные общие правила игры, благодаря чему этот кризис также был разрешен в рамках капитализма.

Третий кризис возник под влиянием научно-технической революции, он связан с кризисом существования самого человечества. Этот кризис общеизвестен, он проявляется в следующих трех моментах. *Первый.* Революционное развитие производительных сил, вызванное новой научно-технической революцией, значительно увеличило возможности и масштабы деятельности человека по преобразованию природы. В результате мы имеем сегодня постоянное ухудшение экологической обстановки, уменьшение природных ресурсов, поэтому серьезной проблемой является сама дальнейшая возможность существования человечества и производства. *Второй.* Экономика быстро глобализируется, однако человечество до сих пор не имеет соответствующего механизма сознательного реагирования на мировые проблемы экономической и политической жизни, поэтому в процессе глобализации непрерывно возникают многочисленные конфликты между различными государствами и регионами. С одной стороны, это вызывает большое количество экономических кризисов глобального характера, наносится ущерб производительным силам; с другой стороны, происходит постоянное обновление оружия массового уничтожения, поражающая сила которого непрерывно увеличивается. Два этих факта в совокупности приводят к тому, что международные конфликты являются подлинной угрозой для существования человечества. *Третий.* Одновременно с развитием и использованием науки и техники, ускорением развития производительных сил и увеличением материального богатства значительно увеличивается всеобщее отчуждение человека. Материальному достатку сопутствуют напряженность в духовной сфере, монотонность и однообразие жизни.

Вышеотмеченные изменения неизбежно приводят к мысли о том, возможно ли дальнейшее существование человечества, нужно ли искать новый путь развития, – это становится реальной, очень серьезной проблемой. Чем дальше, тем больше людей начинают проявлять беспокойство за судьбы человечества, размышлять о промышленной цивилизации и ее ценностях. В сравнении с двумя предыдущими кризисами этот – третий – кризис не может быть разрешен в рамках капитализма. Причина, порождающая этот кризис, не связана с какими-либо конкретными техническими вещами или конкретными политическими мероприятиями. Она коренится в ценностях, которых придерживается буржуазия со времен эпохи Возрождения: безграничном увеличении материального богатства в целях удовлетворения непрерывно увеличивающихся материальных желаний. Это основа образа жизни капиталистической цивилизации, а также всей промышленной цивилизации, включая Советский Союз и другие социалистические страны. Если однажды эти ценно-

стные ориентации будут отброшены, то, не говоря уже о капитализме, вся промышленная цивилизация закончит свое существование. Но есть ли у человечества другой выбор? Нет. Если не хотим исчезновения человечества, следует отбросить прежние ценности, завершить промышленную цивилизацию. Факты говорят в пользу этого.

Промышленная цивилизация основывается на науке и технике, их развитие приводит к тому, что она достигает своего исторического пика, а это вызывает волну глобализации и угрозу для существования человечества. Это самоотрицание промышленной цивилизации. Понимание глобализации должно сочетаться с пониманием угроз, представляющих в настоящее время опасность для существования человечества, что, в свою очередь, должно основываться на глубоком понимании процесса развития науки и техники, в особенности новой научно-технической революции XX в. Возникновение промышленной цивилизации связано с эпохой Возрождения, поэтому завершение этой цивилизации будет означать в истории человечества такой же поворот, как и эпоха Возрождения. Если мы не сможем поднять изучение проблем глобализации на должную высоту, оно будет чисто внешним и поверхностным. Факты свидетельствуют, что сделать это нелегко. На Западе многие люди выступают против глобализации, потому что она способствует перемещению капитала по всему миру, что приводит к уменьшению возможностей для людей найти работу в своих странах; в ряде развивающихся стран, к примеру в Китае, некоторые ученые приветствуют глобализацию, поскольку она представляет шанс для развития собственной экономики, они стремятся найти в ней полезные аргументы для своих теоретических умозаключений.

Конечно, есть большое количество людей, серьезно размышляющих над этим значительным поворотом истории. Окончание промышленной цивилизации с точки зрения марксизма означает замену капитализма коммунизмом; с точки зрения руководителей Китая, это означает осуществление научной концепции развития и построение гармоничного общества; с точки зрения академика В. Стёпина – окончание техногенной цивилизации; с точки зрения российского ученого В. Иноземцева – приход постэкономического общества. Говоря по существу, описание тенденций развития человеческой цивилизации уже давно дала русская философия Серебряного века, среди них самой глубокой, самой блестящей работой является великое произведение Н. Бердяева «Смысл истории». Хотя оно было издано свыше 80 лет назад, то, что в нем говорится, прямо относится к фактам сегодняшнего дня. Это драгоценнейший вклад русской нации в историю человеческой мысли. Данное произведение должен прочитать каждый человек современной эпохи.

*Перевод доктора философских наук
В. Г. Бурова*

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПРОБЛЕМА НОВОГО МИРОУСТРОЙСТВА

И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин

20–23 мая 2009 г. в Москве состоялся первый Международный научный конгресс «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». Основным организатором конгресса стал Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова при участии Российской академии естественных наук, Российской экологической академии, Российского философского общества и содействии научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы». В оргкомитет, возглавляемый ректором МГУ им. М. В. Ломоносова вице-президентом РАН В. А. Садовничим, вошли руководители факультета глобальных процессов МГУ, ведущие отечественные и зарубежные ученые. В работе конгресса приняли участие более 500 человек из России, Азербайджана, Великобритании, Германии, Казахстана, Латвии, Литвы, Монголии, Нидерландов, Польши, США, Таджикистана, Туниса, Турции, Узбекистана, Украины, Чехии, Швеции. Программа конгресса включала в себя пленарное заседание, семь секций, три круглых стола, две дидактические игры, выставку изданий факультета глобальных процессов МГУ, фотовыставку «Лики Земли», демонстрацию видеofilmа о факультете глобальных процессов МГУ, праздничный вечер, посвященный Всемирному дню многообразия культур во имя диалога и развития, и другие мероприятия.

На пленарном заседании выступили: сопредседатель организационного комитета конгресса научный руководитель факультета глобальных процессов МГУ, профессор И. И. Абылгазиев, первый заместитель мэра Москвы Ю. В. Росляк, депутат Государственной думы Герой Советского Союза, Герой России, член-корреспондент РАН А. Н. Чилингаров, президент Российской экологической академии академик РАН Ю. А. Израэль, депутат Государственной думы С. А. Марков, главный научный сотрудник Института математических исследований сложных систем МГУ иностранный член РАН А. А. Акаев, президент Российской академии естественных наук ректор университета «Дубна» О. Л. Кузнецов, первый вице-президент Российского философского общества профессор А. Н. Чумаков, проректор Мичиганского университета, руководитель центра исследований Восточной Европы и России профессор Н. Грэхэм, президент Федерации мира и согласия В. И. Камышанов, декан факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова доцент И. В. Ильин, научный руководитель факультета нелинейных процессов Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чер-

нышевского член-корреспондент РАН Д. И. Трубецков, проректор Российского государственного гуманитарного университета профессор И. В. Карапетьянц, директор Института антропологии им. Д. Н. Анучина МГУ член-корреспондент РАН А. П. Бужилова, вице-президент научно-производственной корпорации «Интеллектуальные системы» профессор С. В. Прокопчина, академик РАО, профессор В. И. Купцов, профессор Будапештского университета А. Кисс, заведующий кафедрой социологии международных отношений социологического факультета МГУ профессор П. А. Цыганков.

Сессионная работа конгресса проходила в рамках семи секций: «Философские аспекты глобалистики» (председатель – профессор А. Н. Чумаков, сопредседатели – профессора Э. В. Гирусов, В. А. Лось), «Глобализация и образование» (председатель – академик РАО В. И. Купцов, сопредседатели – профессор Н. М. Мамедов, доцент И. В. Ильин), «Политическая глобалистика и международные отношения» (председатель – профессор П. А. Цыганков, сопредседатели – профессор О. Г. Леонова, кандидат исторических наук К. В. Миньяр-Белоручев), «Человек в глобализирующемся мире» (председатель – член-корреспондент РАН Б. Г. Юдин, сопредседатели – член-корреспондент РАН А. П. Бужилова, доцент А. И. Андреев), «Экономическое измерение глобализации» (председатель – доктор экономических наук И. В. Ивахнюк, сопредседатели – доценты И. А. Алешковский и Ю. Н. Максимов), «Геоэкология и глобалистика» (председатель – член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян, сопредседатели – член-корреспондент РАН Д. И. Трубецков, кандидат геолого-минералогических наук А. В. Иванов), «Моделирование и прогнозирование глобальных процессов» (председатель – академик А. А. Акаев, сопредседатели – профессора Г. Г. Малинецкий и А. В. Коротаев). В итоге было заслушано и обсуждено более 150 докладов.

В рамках конгресса прошли заседания трех круглых столов: «Мировой антиэкономический кризис и антикризисные гуманитарные стратегии» (ведущий – член Общественной палаты РФ А. В. Чадаев), «Устойчивое развитие: перезагрузка. Мир будущего: Земля, Техника, Человек» (ведущие – член-корреспондент РАН Д. И. Трубецков, академик А. А. Акаев, профессор А. Н. Чумаков), «Многообразие культур перед вызовами глобализации» (ведущий – заместитель директора Института Европы профессор А. А. Громыко).

На заключительном заседании были подведены общие итоги конгресса: заслушаны выступления руководителей секций и круглых столов, зачитаны резолюции секций, принят проект итоговой резолюции конгресса.

Участники конгресса всесторонне рассмотрели причины и возможные последствия глобального кризиса начала XXI в. и представили научному сообществу и мировой общественности ряд моделей нового мироустройства. Было отмечено, что глобальный кризис является закономерным этапом в развитии мировой системы. Он обусловлен сменой экономических, социальных, политических и духовных императивов человечества, произошедшей на рубеже тысячелетий. Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. является ступенью глобального кризиса XX–XXI вв. Его развитие обусловлено не только спекулятивным характером современной финансовой системы, но и антисоциальными принципами деятельности транснациональных корпораций, требующими всестороннего пересмотра. В основе новой системы мироустройства должны лежать прежде всего нравственные принципы: гуманизм, социальная ответственность, общечеловеческая соли-

дарность. Без соблюдения этих принципов человечество не сможет навести порядок в своем глобальном доме и выстроить новую устойчивую систему взаимоотношений между странами и народами Земли.

Участники секции «Философские аспекты глобалистики» подчеркивают: кризисный характер глобальных процессов начала XXI в. свидетельствует о том, что современной цивилизации для выживания в контексте всемирно-исторической перспективы целесообразно трансформировать некоторые направления своего развития. В качестве главной задачи глобалистика видит преодоление разрыва между ушедшей вперед экономической глобализацией и значительно отставшей глобализацией в области политики и управления социально-экономическими процессами. Конструктивное исследование процессов глобализации с целью преодоления ее негативных последствий предполагает целенаправленное формирование соответствующей системы теоретического знания интегративного типа. Такой системой должна стать глобалистика – междисциплинарная сфера научного знания, всесторонне изучающая процессы социоприродного развития планеты Земля.

Открытие феномена глобализации привносит существенные коррективы в цели и содержание образования, установки просветительной деятельности – отмечается в резолюции секции «Глобализация и образование». По существу, речь идет о предстоящей революции в социализации индивида, о принципиальном изменении сознания людей, всестороннем, целостном понимании природной и социальной действительности. Устойчивое развитие современного общества диктует необходимость развития у людей глобального сознания, глобального способа мышления, ориентированных на адекватное восприятие реальности во всех ее противоречиях, на понимание единства природных, социальных, экономических, технологических и иных связей в целостном мире.

Гуманитарные аспекты глобального кризиса были всесторонне рассмотрены участниками секции «Человек в глобализирующемся мире». В резолюции секции отмечается: современная наука должна не устраняться от глобальных гуманитарных вызовов современности, бесстрастно констатируя негативные, а зачастую и деградационные процессы эволюции человека, но смело брать на себя ответственность за их преодоление. Экономика знаний должна базироваться не только на непрерывном образовании, но и на непрерывном воспитании человека – личности и гражданина. Ни одна сила, кроме ученых и педагогов всего мира, объединенных осознанием глобальных проблем, не выполнит эту задачу.

В резолюции секции «Геоэкология и глобалистика» подчеркивается, что решение глобальных проблем человечества, гармонизация взаимоотношений человека с природой и обеспечение устойчивого развития невозможны без познания специфики глобальных природных и природно-антропогенных процессов на фоне глобальной (универсальной) эволюции Земли. Геоэкологические представления являются важнейшими опорами современной глобалистики. Выступая в качестве физической основы формирования, функционирования и эволюции глобальных систем, геоэкологические структуры во многом определяют особенности современных глобальных природно-антропогенных процессов.

Участники секции «Политическая глобалистика и международные отношения» считают, что наиболее актуальными в современной геополитической теории являются следующие проблемы: трансформация глобального геополитического пространства; формирование многополярного мира, формирование системы гло-

бальной безопасности; социальные, политические и социокультурные последствия глобализации. Особую роль отечественная глобалистика должна отвести таким вопросам, как геополитическая стратегия России в XXI в. и формирование ее национальной доктрины в глобальном мире.

В рамках секции «Экономическое измерение глобализации» ключевыми направлениями исследований являются: поиск путей выхода из финансово-экономического кризиса; глобальные демографические процессы; обеспечение экономической безопасности в глобализирующемся мире; использование «старого» инструментария для оценки новых процессов глобализирующейся экономики и др.

Участники секции «Моделирование и прогнозирование глобальных процессов» констатируют принципиальное значение работ по математическому моделированию для определения коридора возможностей человечества в XXI в., рекомендуют правительствам всех стран мира активнее использовать достижения математического моделирования в целях мониторинга и прогнозирования глобальных процессов в сфере экономики, экологии, геополитики, разработки стратегий социально-экономического развития, обеспечения национальной и региональной безопасности.

В целом участники конгресса отмечают, что миропорядок будущего в его оптимальном состоянии должен быть основан на непрерывном диалоге различных международных институтов с учетом мнений всех членов глобального сообщества. Глобальный кризис – это кризис не столько социальных, экономических и политических отношений на планете, сколько кризис самого Человека. XXI в. должен стать веком гуманитарных технологий, направленных на гармоничное развитие как самого человека, так и его взаимоотношений с обществом и природой в целях сохранения уникального объекта Вселенной – планеты Земля.

Конгресс явился наиболее крупным научным мероприятием, инициированным и подготовленным факультетом глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова. Меняются научная картина мира и структура самой науки. Это неизбежно вызовет в будущем еще более серьезные, чем мы наблюдаем сегодня, трансформации в научно-образовательной системе человеческой цивилизации.

Глобалистика переживает этап становления как мультимеждисциплинарное направление, и, следовательно, возникает естественный блок вопросов образовательного характера. Как развивать глобалистические исследования и вводить их результаты в процесс подготовки выпускников классического университета, которые должны обладать широким кругозором, приобрести способность к общепланетарному и космическому осмыслению происходящих процессов и анализу возникающих проблем?

Глобальные проблемы сегодня все более обостряются и осознаются человечеством, глобалистика предстает сегодня в трех ипостасях: как мультимеждисциплинарное научное направление, как основа нового мировоззрения современного человека и как движение. В этом отношении современная глобалистика все более сходна с иными научными направлениями (движениями) широкого мультимеждисциплинарного плана, такими как экология и синергетика, а также эволюционизм. Такая специфика несет свои как положительные, так и отрицательные черты: наряду с бурным конструктивным развитием глобалистики как научного направления имеют место вульгаризация терминологического аппарата, попытки превращения науки в моду, околонучные и лженаучные течения и т. п.

Сегодня в МГУ развивается одна из немногих в мире специализированная в области глобалистики научно-образовательная структура – факультет глобальных процессов. Перед коллективом факультета остро встает ряд концептуальных вопросов: как развивать научные исследования и образовательный процесс, каково оптимальное комплексирование методов при глобалистических исследованиях, как наиболее рационально расположить и увязать дисциплины в формате учебного плана и т. п. Очевидно, что для молодого факультета необходима разработка научно-образовательной концепции дальнейшего развития, а для всего научно-образовательного сообщества, связанного с предметным полем глобалистики, – ориентиры в широком спектре многочисленных взаимосвязанных глобальных систем, процессов и проблем.

Во-первых, сегодня возможно говорить о трех основных предметах глобалистики: глобальных системах, процессах и проблемах. Они взаимосвязаны, и для каждого понятия необходимо выделять свою специфику критериев глобальности.

Во-вторых, сегодня невозможно говорить только о природных или только об антропогенных глобальных системах, процессах и проблемах. Они имеют комплексный природно-антропогенный характер, причем в дальнейшем взаимодействие и коэволюция природной и антропогенной составляющих будут прогрессировать.

Необходима синтетичность научного восприятия глобализации, глобальных природных и природно-антропогенных систем, процессов и проблем, означающая необходимость широкого системного и эволюционного подхода в междисциплинарном исполнении, комплексирования и постановки совместных исследований естественниками и гуманитариями. Глобальный процесс не может быть познан, а глобальная проблема не может быть решена силами одного классического научного направления – необходимо их широкое взаимодействие.

Также представляется необходимым широкое толкование и восприятие глобалистики и критериев глобальности, что подразумевает всеобщность действия глобальных процессов; пространственно-временное восприятие; учет новейших достижений в области изучения глобальных природных процессов. Очевидно, что необходим «глобально-научный» всеобъемлющий междисциплинарный подход.

Кроме того, в глобалистике должны более широко задействоваться современные подходы, получившие развитие в других научных направлениях. К таковым относятся прежде всего синергетический подход, экологический подход (в широком понимании экологии как науки о взаимодействиях систем разных уровней организации), сквозной эволюционный подход к познанию глобальных процессов через концепцию коэволюции геосфер (восприятие происходящего сегодня через призму совместной глобальной истории Земли, жизни и человечества).

Все глобальные проблемы выражаются регионально и локально. Наиболее фундаментальное и практически эффективное изучение глобальных систем, процессов и проблем достижимо при массовом сборе и тщательном изучении материала по локальным местностям и отдельным регионам с последующим его сопоставлением, обобщением и осмыслением в глобальном масштабе.

Обозначим ключевые, на наш взгляд, проблемы современной глобалистики.

Сегодня в глобалистике преобладает решение «морфологической» задачи, что наряду с положительными моментами изучения глобальных систем и процессов современного мира можно позиционировать как одну из ее проблем. Действитель-

но, налицо преобладание констатации, фиксации, наблюдения глобальных природных и природно-антропогенных систем. Необходимо серьезно усилить внимание к исторической и ретроспективной (прогнозной) задачам.

Мы подходим к главной теме нашего конгресса. Проблема изучения кризисов должна рассматриваться с применением всего имеющегося в современной науке методологического арсенала, с широким использованием разработок по таким важнейшим направлениям, как анатомия кризисов, теория катастроф, исследования кризисов в глобальной эволюции Земли. Обострение одной глобальной проблемы неизбежно затронет другие и приведет к развитию кризиса. Глобальные кризисы нельзя рассматривать как только экологические, политические, финансовые, психологические и т. д. Кризисные явления носят комплексный характер – «беда не приходит одна». И результативный подход к ним может быть только комплексным, междисциплинарным, синтетическим.

Проблема развития моделирования, прогнозирования и предвидения глобальных систем, процессов и проблем представляет главный практический интерес и должна решаться путем проведения соответствующих исследований и подготовки кадров, владеющих соответствующим математическим аппаратом.

Вместе с тем глобальный экономический кризис – это не только цифры и сводки экономической статистики, это и кризис гуманитарный, мировоззренческий, наглядно демонстрирующий в конечном итоге проблему отсутствия единой синтетической глобалистической концепции. Создание и развитие такой концепции может рассматриваться как ключевая стратегическая задача и основа научной концепции не только нашего факультета, а всего научного сообщества.

Необходимо сказать несколько слов о научной работе ФГП как структуры, созданной в том числе для выполнения функции центра кристаллизации глобалистических идей и проведения соответствующих исследований.

Учитывая многообразие факторов, определяющих состояние и развитие международных отношений на современном этапе, НИР факультета носит междисциплинарный характер и строится на основе интеграции образования, науки и практики. В то же время НИР факультета способствует развитию и совершенствованию учебного процесса путем внедрения научных разработок в учебные курсы, а также имеет целью привлечение студентов к решению научных задач. На факультете изучаются проблемы взаимодействия человека, общества и природы: концепция устойчивого развития и ее реализация в России; проблемы развития человеческого потенциала – вопросы демографии, миграции населения; перспективы и современное состояние СНГ; национальные интересы и стратегия России и СНГ; мировые центры силы (США, Европа, Япония, Китай, новые индустриальные страны) и стратегия России в мировом развитии, и, конечно же, во всех этих направлениях нас интересуют проблемы глобализации и регионализации в международных отношениях, а также общие, методологические вопросы глобалистики.

Результаты исследований по названным направлениям систематически обсуждаются на крупных научных мероприятиях. Факультет ежегодно принимает активное участие в организации и проведении Международного молодежного научного форума «Ломоносов» (работает специальная секция глобалистики). При нашем участии организованы Международная летняя школа молодых ученых СНГ «Интеграции и инновации – 2008», научная конференция «Будущее СНГ» (совместно с Кабардино-Балкарским государственным университетом), симпозиум

«Проблемы синергетики и коэволюции геосфер» (секция глобалистики) (совместно с СГУ) и т. д. В 2008 г. на факультете создан научно-исследовательский центр с целью активизации научной работы по всем направлениям. Начал работу междисциплинарный научно-образовательный семинар «Актуальные проблемы глобальных процессов», на котором уже рассмотрен ряд весьма оригинальных проблемных докладов: «Коэволюция геосфер и глобалистика» А. В. Иванова (СГУ), «Глобальные сетевые структуры с точки зрения биополитики» А. В. Олескина (биологический факультет МГУ), научные сообщения особо талантливых студентов. При участии ФГП МГУ, Российского философского общества и НПК «Интеллектуальные системы» запущен важнейший научно-образовательный проект «Кто есть кто и что есть что в глобалистике» (научный руководитель – профессор А. Н. Чумаков).

Обратимся к наиболее интересным идеям и высказываниям участников конгресса, сделанным в рамках работы секций «Философские аспекты глобалистики», «Политическая глобалистика и международные отношения» и «Геоэкология и глобалистика».

Первый в России международный научный конгресс, посвященный всему комплексу проблем глобалистики, стал точкой отсчета на трудном пути преодоления противоречий, которые существуют сегодня в трактовке глобализации, отметил в своем выступлении кандидат философских наук доцент Р. С. Выходец (Санкт-Петербург).

Действительно, существует множество трактовок сущности глобализации, которые в свою очередь имеют множество оттенков и нюансов в зависимости от научного подхода к анализу данной категории и предметной области исследования этого многомерного феномена. Очень часто термин «глобализация» трактуется весьма упрощенно или искаженно как синоним диктата США или транснациональных корпораций. «В большинстве работ анализируются только экономические, политические, социокультурные, экологические и другие аспекты глобализации общества..., при этом недооценивается единый эволюционный процесс развития всей жизни в единстве природного и социального» (кандидат философских наук доцент Е. А. Дергачева, Брянск).

Конгресс способствовал раскрытию и лучшему пониманию сущности глобализации. Так, кандидат философских наук доцент Б. В. Аксюмов (Ставрополь) считает, что «глобализация может пониматься, с одной стороны, как процесс естественный и объективный, а с другой стороны, как искусственный и управляемый».

Р. С. Выходец в своем выступлении отмечает, что до сих пор нет ясности в разделении понятий «глобализация» и «глобализм». В большинстве случаев эти два ключевых понятия глобалистики либо употребляются как синонимы, либо утверждается, что глобализм – это некая идеология (как правило, неолиберальная), которая «навязывается мировой закулисой всему человечеству». Р. С. Выходец дает свое понимание данных категорий. Глобализацию он рассматривает как процесс усиления глобальной зависимости, основанной на научно-техническом прогрессе, развитии телекоммуникационных технологий и транспорта. Глобализм есть «специфическая форма глобализационных процессов, характеризующая их цивилизационное содержание на определенном этапе истории».

Доктор технических наук профессор С. Н. Гринченко (Москва) справедливо замечает, что «существующая неопределенность термина “глобализация” делает весьма сомнительными перспективы получения на его базе конкретных прогнозов процесса развития Человечества и <...> формирования рекомендаций по желательным его корректировкам». Исследуя сущность глобализации, он высказывает мысль, что процесс планетаризации (глобализации) сопровождается трудностями, которые «проистекают... из особенностей протекания процессов коэволюции формирующейся общепланетарной подсистемы Человечества с его ранее возникшими региональными и местными подсистемами».

«Глобализацию понимают по-разному, – отметил в своем докладе доктор исторических наук главный научный сотрудник Горбачев-фонда А. Б. Вебер (Москва). – Одни – как пространственное расширение на всю планету потоков товаров, капиталов и услуг благодаря современной информационно-коммуникационной революции. Другие распространяют это понятие практически на все историческое время человечества, отождествляя глобализацию с всемирно-историческим процессом. <...> Согласно второму подходу глобализация предстает как естественно-исторический процесс, как постепенное накопление предпосылок для развития контактов, связей между различными частями первоначально разрозненного человечества». Сущностью глобализации, по его мнению, является «направляемая новыми центрами влияния и власти экспансия интернационально организованного финансового капитала».

Кандидат философских наук доцент А. А. Лазаревич (Минск) определяет глобализацию как «закономерный процесс системной организации отдельных элементов, всегда испытывающих влияние целостности всей системы...», что проявляется в обязательном следовании определенным унифицированным принципам и нормам развития, несоблюдение или нарушение которых ведет к распаду целостности». Он же отмечает, что интеграция и глобализация – совершенно разные феномены по своей природе и сущности. Первая строится на учете интересов, вторая – на доминировании и экспансии некоторых из них. При этом темпы доминирования играют весьма заметную роль в числе наиболее значимых признаков современной глобализационной динамики.

Свой взгляд на проблему интеграции глобального мира предлагает кандидат физико-математических наук доцент В. К. Потехин (Москва). В своем выступлении он сказал, что «многие политики видят в глобализации неотвратимую интеграцию этносов, народов и наций, унификацию обществ, единое обустройство мира, отмирание национальных государств и взамен построение общемирового государства». На примере речных цивилизаций и при помощи методов математического моделирования он показал «иллюзорность этих попыток», так как «интеграции и дифференциация мира – две стороны одного процесса».

Пониманию сущности глобализации также способствует рассмотрение ее как «процесса коренного не столько количественного, сколько качественного изменения (трансформации) мира, а точнее, отдельных стран, сфер...; расчленение ее на стадии (начальный этап институализации глобализации, постглобализация); фиксирование неопределенности круга основных элементов процесса глобализации» (кандидат философских наук доцент Л. В. Митякина, кандидат социологических наук доцент Т. В. Кузьменко, Саранск).

Кандидат философских наук доцент В. И. Фалько (Москва) считает, что глобализация – это «процесс роста целостности мировой системы», который «проис-

ходит не в соответствии с принципами единства многообразия, а как смешение разнородных систем, привнесение единообразия, разрушающего прежний порядок». Выступающий также отметил, что «такие способы установления миропорядка если и обеспечивают некоторый рост глобальной целостности, то ценой понижения уровня целостности системы. Это вступает в противоречие с законом необходимого разнообразия, и, как следствие, наблюдается утрата ряда жизненно важных свойств системы и ее подсистем».

Интересен взгляд кандидата философских наук доцента Е. И. Мороховой (Саратов), которая считает, что «глобализация представляет собой многофакторный синергетический процесс по созданию глобальных экономических, финансовых, коммуникационных и информационных сетей, которые интегрируют цивилизацию в единую систему».

Весьма различны оценки самого феномена глобализации. Одни видят в нем позитивный результат современного цивилизационного и научно-технического развития. Другие рассматривают глобализацию в ее нынешнем варианте как путь к неминуемой гибели человечества (доктор философских наук И. К. Лисеев, Москва).

В настоящее время достаточно полно и подробно исследованы проблемы, порождаемые глобализацией, дана их характеристика, изучены области и аспекты глобализации, ее субъекты. Меньше внимания ученые уделяют анализу признаков, факторов и критериев глобализации.

Поэтому сегодня назрела необходимость философского осмысления глобализации, формирования единого понятийного аппарата, настало время дать объективную оценку глобализации.

На конгрессе были проанализированы некоторые качественные характеристики глобализации. В сложившейся мировой глобальной системе, как отмечает А. Б. Вебер, «присутствуют некоторые элементы сетевого глобального управления – в таких областях, как поддержание мира и безопасности, мировые финансы, мировая торговля, международное воздушное сообщение, морское судоходство и т. п. В целом же для нее характерны фрагментарность, множественность центров принятия решений и влияния, крайне неравномерное распределение власти и ресурсов, общая неустойчивость».

Важной качественной характеристикой глобализации, по мнению кандидата философских наук профессора В. Н. Гасилина (Саратов), является экономикоцентризм, «который возвышает “экономического человека”, ориентированного на прибыль». «Экономикоцентризм фактически поддерживает прикладные научные исследования и разработки, которые способны принести сиюминутные прибыли».

Облик глобального мира определяется «системой взаимоотношений ведущих субъектов политики, представляя собой сложное переплетение ценностных установок, стратегических целей и конкретных интересов», кроме того, необходимо учитывать «объективно заданные параметры поведения тех или иных политических сил на мировой арене, связанные с пространственно-временным расположением», считает доктор политических наук профессор З. А. Жаде (Майкоп).

Сегодня можно смело утверждать, что конгресс способствовал решению многих назревших задач и проблем, в частности внес свой вклад в разработку методо-

логии глобалистики. Так, доктор философских наук профессор А. И. Костин и А. И. Волошин (Москва) считают, что глобалистику можно рассматривать «в качестве продукта объединения таких направлений познания, как: 1) философское осмысление мира социального; 2) позитивистское осмысление мира социального; 3) философское осмысление мира социального; 4) позитивистское осмысление мира природного».

По мнению кандидатов философских наук А. И. Костяева и Н. Ю. Максимовой (Химки), глобализационный подход можно соотнести с уровнем общенаучных принципов и правил. «Сдвиг глобализационного подхода в сторону теории представляет собой продукт обособления методологии исследований и результат ее внутренней логики». В целом имеется необходимость разработки единой модели объекта глобализационного процесса. А расширение и углубление исследований привело к выделению философских аспектов глобализационного подхода в особую сферу анализа. Авторы доклада считают, что «наиболее адекватным философским основанием следует считать понимание глобализации как целостного, сложного объекта». Исследователи выдвигают тезис, согласно которому глобализационный подход имеет статус метатеории. Специфика же данного подхода заключается в следующем:

«– будучи методологией, глобализационный подход оказывает влияние на всю современную гуманитаристику;

– методологическую функцию понятие “глобализации” выполняет лишь тогда, когда его употребление не просто обозначает объект, а приводит к формулировке проблемы, к построению нового предмета исследования;

– интуитивно выделяемая содержательная сторона всегда оказывается более широкой, чем та область социокультурной реальности, которая описывает с помощью понятийного аппарата».

Кандидат философских наук доцент О. В. Плебанек (Санкт-Петербург) предлагает рассматривать глобализацию на основе синергетической парадигмы. Он считает, что «глобализационные процессы являются синергетическими, происходящими в сложных, многоуровневых, саморазвивающихся системах».

В результате проведенных участниками конгресса исследований глобалистика предстает как «интегральная наука, так как она родилась в результате синтеза ряда наук: экологии, социологии, экономики, демографии, философии. Глобалистика сделала первый шаг на пути синтеза фундаментальных и прикладных наук» (кандидат исторических наук доцент Г. И. Юсупова, Махачкала).

В ряде докладов были представлены новые или уточнялись достаточно известные категории глобалистики. Р. С. Выходец, рассматривая цивилизационное взаимодействие, использует категорию «глобальная волна», под которой понимает «совокупность цивилизационных, геополитических кодов и моделей развития в основных сферах социальной жизни, принадлежащих одной геочивилизации, которые через процессы глобализации транслируются на другие геочивилизации и принимаются, полностью или частично, их большинством».

Кандидат философских наук доцент Л. В. Митякина и кандидат социологических наук доцент Т. В. Кузьменко (Саранск) рассматривают в своем докладе понятия «глобализационный процесс», «глобальный процесс», «глобализирующийся процесс», «процесс глобализации» и соотношение между ними.

Уточняет понятие «глобальные процессы» О. В. Плебанек, которая рассматривает их как «процессы, имеющие надсистемное содержание, то есть выходящие за

пределы какой-либо социальной системы и даже вообще за пределы социальной сферы».

Обращает внимание на необходимость разграничения понимания глобализации как процесса и как проблемы И. К. Лисеев. Процесс глобализации мира выступает как абсолютно объективный социоприродный процесс, отражающий современный этап исторического бытия человечества. Объективные глобальные процессы перерастают в глобальные проблемы, несущие угрозу человечеству, что является «проявлением глубинного системного цивилизационного кризиса».

Анализу понятий «полюс» и «центр силы» как категорий многополярного мира посвятила свой доклад доктор политических наук профессор О. Г. Леонова (Москва).

Кандидат философских наук доцент К. С. Хруцкий (Великий Новгород) рассматривает термин «многополярный», который, «используя присущие смыслы слова “полюс”, – отражает, во-первых, принадлежность (всех полюсов) к единой сфере (единому целому); во-вторых, наличие у каждого “полюса” собственного “осевого” (присущего, фундаментального) положения в “целостной сфере”; в-третьих, – означает противоположение своего полюса по отношению к другим полюсам; ...в-четвертых, – полюса принадлежат вращающейся сфере, что обуславливает циклические изменения по отношению к элементам (полюсам), составляющим данную сферу».

Обычно глобализацию рассматривают в традиционных аспектах как многоуровневый процесс, состояние современного общества, как систему взаимоотношений акторов мировой политики, традиционно выделяя ее экономические, политические, социокультурные, экологические и другие аспекты.

На конгрессе в некоторых докладах были затронуты важные малоизученные аспекты глобалистики.

Е. А. Дергачева обращает внимание на важность такого аспекта глобализации, как социоприродный переход жизни на планете Земля от ее биосферных форм к постбиосферным, искусственным (социализированным, трансгенным). Она считает, что данный подход нельзя сводить только к экологическому аспекту социоцентрического понимания глобализации. Общество не просто глобализуется в мировом масштабе, а оно качественно изменяется, становится техногенным и подчиняет в ходе своего эволюционного развития биосферу, уничтожает ее, трансформирует живое вещество планеты, формируя с помощью нанотехники и техносферы уже постбиосферный живой мир на основе биосферного. «Социоприродное измерение глобализации основывается на исследовании трансформационных процессов противоречивого изменения природно-социальной среды жизнедеятельности, ее техносферизации в направлении формирования глобального техногенного общества, предельного наполнения социоприродной системы искусственностью».

На объективные и субъективные аспекты глобализации обратили внимание и дали им характеристику в своем докладе кандидаты философских наук А. А. Гезалов и А. А. О. Гамзаев (Астара). Сегодня в глобалистике сложились три основных направления, суммировала в своем докладе Ю. Н. Бобылева (Шахты): 1) социологическое, включающее изучение экономических и политических мироотношений. В рамках данного подхода изучается проблема глобализации мироэкономических

связей и мирового политического порядка; 2) антропологическое направление делает акцент на отношения человечества и природы и позволяет рассматривать проблемы выживания человеческого рода, эволюционных экологических кризисов; 3) культурологическое направление исследует современную и классические цивилизации, делая упор на проблемы глобализации культур и возможности рождения глобальной культуры, на взаимодействие цивилизаций, на описание контуров и признаков мировой (или общечеловеческой) цивилизации. К этому перечню можно добавить разработку глобальных проблем в ключе информационных и семиотических теорий.

Свое видение моделей глобализации представил кандидат философских наук доцент Г. П. Куликов (Владивосток). Им выделяются: «1. Однополярный глобализм во главе с США, которые пытаются построить мир “по-американски”. 2. Корпоративно-региональная модель глобализма во главе с Западной Европой, стремящейся навязать планете “мир по-европейски”». Анализу основных проблем, особенно остро проявившихся в связи с мировым финансово-экономическим кризисом, среди которых формирование глобальной экономики, реконфигурация политической власти, конец национальной культуры, посвятили свой доклад доктора философских наук профессора С. П. Иваненков и А. Ж. Кусжанова (Санкт-Петербург). Авторы доклада считают, что поскольку глобалистика – это еще молодая, становящаяся наука, не стоит спешить с глобальными обобщениями о роли тех или иных социальных институтов в процессе глобализации, сделанными на основе изучения короткого периода развития определенной сферы общества. Другой их методологический вывод состоит в том, что процессы глобализации продолжают носить стихийный, неуправляемый характер, что приводит к возникновению глубоких противоречий, с которыми человеческая цивилизация еще не сталкивалась, и у нее еще нет адекватных механизмов и институтов для их разрешения.

Доктор философских наук профессор И. Г. Митченков (Кемерово) оспаривает ставшее традиционным мнение о движении современного мира ко все большей целостности. Он считает, что «назвать эту тенденцию всеобщей и единственной никак нельзя», так как формирование единого глобального рынка, единой коммуникационной среды, информатизация общества, экономическая и финансовая прозрачность – все эти процессы охватывают в лучшем случае одну пятую населения земного шара. Во многих отдельно взятых странах происходит не глобализация, а нечто противоположное ей – регионализации и фрагментация общественных отношений, бурно прогрессирующая этнизация сознания. «Парадокс и противоречие современного мира... состоят в том, что мир, становясь в ходе информационных, технологических и финансовых процессов последней трети XX века все более доступным, компактным, поддающимся охвату, вместе с тем давно ...и трагически не един».

Во многих докладах представлены попытки выявить основные тенденции глобализации. В развитии глобализационных процессов, как считает А. Б. Вебер, наблюдаются следующие тенденции: нарастание предпосылок становления общности человечества; складывание экономической интеграции мира; развитие средств всемирной коммуникации; появление новых угроз; формирование в представлениях людей Мы-образа человечества; «не выглядит совсем утопичной» идея по-

степенного складывания «глобального нормативного синтеза – на основе сближения ценностей Востока и Запада».

Азербайджанский ученый К. А. Гезалова отмечает ряд тенденций развития глобализации. Так, она ведет исключительно к конвергентным процессам: начиная с производства всемирно известных брендов до формирования мультинациональной деловой культуры; в значительной степени трансформирует сферу организации общественных отношений и транснационального взаимодействия между государствами, экономическими и социальными системами; ведет к появлению нового вида международной конкуренции – мегаконкуренции; кардинально меняет социально-экономические порядки в мире, имеющие национальное приложение; серьезным образом сказывается на возможностях проектирования национального общественного порядка, экономических перспективах каждой страны; трансформирует функции государства, которое вынуждено выполнять все более сложные и разносторонние функции.

Глобализация, по мнению доктора философских наук профессора В. Е. Золотухина (Ростов-на-Дону), оказывает свое влияние на мировоззрение россиян. Это прослеживается в следующих аспектах: нарастание открытости мировоззренческих структур, их плюрализма, толерантности, пластичности (нередко избыточно); усиление эклектического характера отдельных мировоззренческих структур; ослабление роли убеждений в структуре мировоззрения, растущий разрыв знаний и убеждений, что приводит к релятивизму, конформизму, прагматизму, апатии; кризис смысложизненных ориентаций людей, подрывающий устойчивость и укорененность их бытия; козволяция разорванных ранее отдельных форм мировоззрения – научного и вненаучного, материалистического и идеалистического, атеистического и религиозного. Это все показывает признаки «деструкции и отрицания старой мировоззренческой парадигмы».

Еще одну тенденцию глобализации отметил в своем докладе кандидат философских наук профессор Н. З. Ярошук (Москва). Так, наряду с тенденцией интеграции, прежде всего в экономической сфере, все более явно обозначается тенденция к национально-государственной дезинтеграции. Действительно, глобальный мир един, но в нем существуют сотни государств со своими национально-государственными особенностями, и их количество все возрастает. Это создает определенные проблемы межгосударственного взаимодействия в рамках глобализации. В большинстве государств удельный вес нетитульных этносов все более возрастает. В последнее время реальностью становится болезненно извращенное восприятие национальности (национальной принадлежности), впрочем, как и конфессиональной, когда национальное перерастает в националистическое и принимает формы национального (этнического) и религиозного экстремизма. Как с ними бороться? – задается вопросом Н. З. Ярошук. «Насильственные методы показывают свою контрпродуктивность, приводят к воспроизводству подобных организаций и действий. Продуктивной является переориентация носителей национализма или религиозной нетерпимости из националистического на подлинно национальное, из религиозно-экстремистского – на подлинно религиозное».

Важной задачей, стоявшей перед участниками конгресса, было проанализировать последствия глобализации.

«Глобализация порождает новый тип социальности – транстерриториальную социальность», – считает А. Б. Вебер. Он отмечает парадоксальное явление: при становлении глобального общества, мира, все более интенсивных взаимосвязей и взаимозависимости стран и народов углубляются контрасты в их положении, обычаях, уровне и качестве жизни. Следствием глобализации в результате являются экономический антагонизм между странами, который возрастает по мере стремления развитых и развивающихся стран обеспечить свой экономический рост и в ходе борьбы за доступ к ограниченным природным ресурсам; экологический антагонизм, особенно между Севером и Югом, которые пытаются взвалить ответственность за состояние окружающей среды друг на друга; разрыв в уровнях и качестве жизни между странами Севера и Юга; экономическое возвышение Китая и Индии – самых населенных стран мира.

Одним из весьма спорных последствий глобализации, по мнению кандидата философских наук доцента О. К. Ефимовой и доктора политических наук профессора Л. Г. Титовой (Ярославль), является кризис демократии. Этот кризис проявляется: в падении доверия населения к политическим институтам в развитых демократиях; исчерпании либеральной парадигмы демократии; снижении объема политических прав и гражданских свобод в ряде демократий развивающегося мира; силовом продвижении западной модели демократии на Восток; неспособности развитых демократий противостоять мировому терроризму; недемократическом характере отношений между государствами, затрудняющем формирование глобального демократического порядка. Для преодоления этого кризиса, как считают авторы доклада, демократия должна быть переосмыслена как «двусторонний процесс», что означает не только сохранение и углубление демократии в рамках национального сообщества, но и расширение демократических форм и процессов, происходящих независимо от национальных границ.

Доктор философских наук профессор И. Ф. Кефели считает, что взаимодействие политических акторов в условиях глобализации порождает ряд проблем. Во-первых, это проблема ответственности различных акторов за их действия на международной арене, так как они могут идти вразрез с национальными интересами. Во-вторых, деятельность таких акторов порождает ситуацию неопределенности, размытости политической картины мира, непредсказуемости их действий. В-третьих, нарушается соподчиненность и согласованность действий акторов в рамках одного государства или региона. В-четвертых, политическая карта мира представлена геоцивилизациями, которые объединяют государства по исторически сложившимся этническим, хозяйственным, конфессиональным, пространственным параметрам. Однако нормы международного права не регулируют отношения между геоцивилизациями. Поэтому И. Ф. Кефели делает вывод, что это является показателем фундаментальных подвижек в Вестфальской системе мира и необходимости определения контуров новой системы мира совместными усилиями теории, мировой политики, международного права и геополитики.

Подведение итогов и обобщающий анализ современному состоянию развития глобалистики сделал в своем докладе доктор философских наук профессор А. Н. Чумаков (Москва). Главное противоречие современной эпохи, считает он, состоит в том, что политическая глобализация не соответствует экономической. Мировое хозяйство, а также сложившееся единое информационное, коммуника-

тивное, экологическое пространство не привели к появлению адекватных глобальному миру интеграционных процессов в сфере политики. Существующие в настоящее время международные структуры и организации, прежде всего ООН, не в состоянии выполнить функцию управления глобальным миром. Разговоры об однополярном мире следует считать заблуждением, так как на фоне глобального финансового и экономического кризиса становится все более очевидным, что управлять мировой глобальной системой даже в одной сфере (экономической) из одного центра не представляется возможным. Мировое сообщество, представленное национальными государствами, являет собой многополярную систему. Эффективное глобальное управление должно иметь общую систему основополагающих ценностей и общечеловеческую мораль, которые составят основу глобального мировоззрения, а также дееспособное глобальное право.

В целом, как считает И. К. Лисеев, для выхода из глобального кризиса необходимы выработка новой парадигмы общественного развития, изменение цивилизационных ориентаций, норм и идеалов, создание нового формата международных отношений.

В докладах секции «Геоэкология и глобалистика» были рассмотрены вопросы развития глобальных природных и природно-антропогенных процессов и их взаимосвязь с глобально-экологическими проблемами человечества.

Ряд докладов был посвящен общим методологическим и геософско-глобалистическим вопросам. Так, М. С. Орлов (геологический факультет МГУ) выступил с докладом «Смена представлений о современной геоэкологии». Основной вывод автора гласит: следует менять и совершенствовать экологическую парадигму, отказаться от устаревшей противопоставительной идеи человека и природы и выдвинуть новую. В качестве новой идеи, по мнению докладчика, может быть рассмотрена эоцентрическая схема. В ней нет субъективного термина «окружающая среда», она построена на ноосферном подходе к устойчивому развитию мира и является наглядным выражением «закона отрицания отрицания». Эоцентрическая схема представляет собой систему компонентов и связей. Компонентов может быть различное количество, поэтому появляется возможность рассматривать полные и редуцированные системы. Главными же в системе являются связи, определяющие модели процессов переноса вещества, энергии и информации либо в сторону накопления, либо в сторону рассеяния. Изображенная таким модельным образом экосистема имеет ряд важных свойств. Она неиерархична, то есть не содержит более важных или менее важных компонентов. Это, в частности, означает, что и человек, и биотические компоненты «уравниваются в правах» с абиотическими и биокосными. Система обладает своей пространственной и временной структурой благодаря различному сочетанию в компонентах свойств проницаемости и емкости и проявлению соответствующих функций: транспортирующей и депонирующей.

Оживленную дискуссию вызвал проблемный доклад Ю. Н. Голубчикова (географический факультет МГУ) «Эволюционизм или катастрофизм?». Обозначенный вопрос был рассмотрен им всесторонне как в контексте истории научных идей, так и с позиции глобального мышления современности. Докладчик особо подчеркнул, что обоснованию постулатов эволюционизма и атеизма посвящены множество монографий и солидных статей, а серьезным доводам против них не уделено, по его мнению, должного внимания.

В. И. Морозов (Российская экологическая академия, Москва) и И. В. Морозов (Департамент природопользования и охраны окружающей среды г. Москвы) представили доклад «Глобализация и экологические риски: степень опасности и основные угрозы для населения». Авторы предложили оригинальные подходы и алгоритмы по экологической инвентаризации полей опасного техногенного загрязнения с определением состава, пространственной структуры и массы приоритетных загрязнителей в почвах и донных образованиях, а также способы экономико-финансового воздействия, способствующие дополнительной мобилизации материально-финансовых ресурсов на санацию участков с катастрофическими уровнями техногенного загрязнения.

Не обошли вниманием и актуальный вопрос глобальных изменений климата. По этой проблеме выступил И. А. Макаров (факультет экономики и управления Орловского государственного университета) с докладом «Потепление климата: экологическая проблема как стимулятор развития качественно новых экономических процессов». Он обосновал, что названная глобальная геоэкологическая проблема становится настоящим двигателем экономических изменений в мире. Потепление климата не только влечет дополнительные затраты на противодействие ему, но создает новые механизмы перераспределения финансовых средств между экономиками мира и между экономическими агентами внутри стран, а также новые рыночные институты и даже рынки. Это позволяет, по мнению докладчика, говорить о глобальном потеплении климата не только как о глобальной экологической, но и как о глобальной экономической проблеме. Устойчивость природных территориальных комплексов, по мнению докладчика, может рассматриваться как лимитирующий фактор взаимоотношений человека и природы.

Один из оригинальных аспектов глобального взаимодействия оболочек планеты нашел отражение в совместном докладе специалистов факультета глобальных процессов МГУ (И. В. Ильин) и кафедры геоэкологии Саратовского государственного университета (С. А. Браташова, А. В. Иванов) «Глобальная спелеология как новое научное направление». Авторы отметили, что в течение истории человечества из использования выведено гигантское количество антропогенных подземных макрополостей. Их исследованием в настоящее время занимается новое междисциплинарное научное направление на стыке геоэкологии, спелеологии, археологии – спелеология, изучающая заброшенные подземные выработки и архитектурные сооружения. Предмет ее изучения непрерывно расширяется. Авторы доклада прослеживают развитие новых тенденций: процессы урбанизации начинают входить в противоречие с развитой системой «ископаемых» подземных сооружений. С ростом вибрационных и статических динамических нагрузок на геологическую среду современных городов стремительно увеличиваются число провалов и просадок грунта, деформации и разрушения строений, рост интенсивности опасных экзогенных процессов. Негативная динамика зафиксирована на всех континентах за исключением Антарктиды. Глобальное развитие урбосферы ставит перед спелеологией две острейшие проблемы, связанные с наличием на урбанизированных территориях заброшенных, антропогенных подземных макрополостей: обеспечение безопасности и экологической комфортности проживания человека и сохранение культурно-исторического наследия. По мнению авторов доклада, возможно ставить и рассматривать вопрос об общепланетарных аспектах функциони-

рования и эволюции систем антропогенных пещер и, следовательно, о возможности формирования нового научного направления, которое можно определить как «глобальная спелестология».

Оказались затронутыми среди общих глобально-геософских вопросов также и космистские аспекты. М. В. Решетников (кафедра геоэкологии Саратовского государственного университета) представил доклад «Множественность цивилизаций и парадокс Ферми в свете глобальной эволюции Земли», выполненный под руководством профессора СГУ А. В. Иванова. По мнению автора, конструктивный результат при решении проблемы множественности земных и внеземных цивилизаций достижим в процессе синтеза гипотезы Дрейка, идей Ферми и концепции уникальной Земли с закономерностями и особенностями глобальной эволюции Земли, жизни и разума на ней. Докладчик показал, что если признать существование множества цивилизаций (достигавших разного уровня развития), астросоциологического парадокса Ферми и уникальности Земли, то рационально предположить присутствие в геологическом прошлом множества цивилизаций именно (или в том числе) на Земле – как зародившихся непосредственно на планете, так и пришедших извне. Крайним вариантом такой точки зрения (особенно удовлетворяющим гипотезе уникальной Земли) может быть предположение, что все цивилизации множества Дрейка появлялись и развивались преимущественно на Земле. Учитывая возраст Земли и краткость «жизненного цикла» цивилизации, их число представляется достаточно обширным. Теоретически такой модельный вариант можно рассматривать как одно из вероятных решений парадокса Ферми, не исключающее строго существование цивилизаций за пределами планеты (отдельные внеземные цивилизации могли развиваться несинхронно с земными). Представляется перспективной для изучения прежде всего геохимическая составляющая портретов палеоцивилизаций. Современная цивилизация производит весьма серьезные преобразования геохимии планеты (о чем, развивая идеи В. И. Вернадского, говорили многие исследователи), которые явно сохранятся геологически длительное время после гибели человечества. В разрезе стратисферы будет фиксироваться аномальная концентрация железа, некоторых радиоактивных элементов, следов разрушения полимерных материалов и т. д. Теоретически соответствующим образом интерпретировать, например, известную иридиевую аномалию, приуроченную к границе мела и палеогена. Отдельным важным аспектом можно рассматривать возможности поиска в стратисфере наноструктур разумного происхождения, ибо вероятность их сохранности в геологической летописи планеты представляется более высокой. Решение обозначенных вопросов, по мнению М. В. Решетникова, можно связывать с перспективами наноскопических исследований, молекулярной и бактериальной палеонтологии, детальной палеогеохимии и палеогеофизики.

Значительный интерес вызвал доклад «Мертвые города Казахстана – элементы глобальной системы антиурбосферных структур», подготовленный совместно факультетом глобальных процессов МГУ (С. С. Сбитнев, Р. А. Гумилев) и кафедрой геоэкологии Саратовского государственного университета (И. А. Яшков). Авторы пришли к выводу о том, что кризисные и катастрофические явления различной природы в развитии городских систем являются причиной возникновения элементов антиурбосферы. Мертвые города и поселения представляют собой очаги глобально-экологического бедствия, в которых нарушены механизмы коэволюции геосфер, в частности городской среды как элемента урбосферы и человека как

элемента ноосферы. Изучение проблемы мертвых городов является необходимой научной задачей на пересечении предметных полей глобалистики, геоэкологии и урбоэкологии. Разработка этой задачи позволит определить причины и предотвратить потенциальную возможность возникновения элементов разрушения урбанизированного пространства.

Одна из ключевых проблем современной геоэкологии – глобальная проблема отходов – нашла отражение в докладе Е. Б. Золотых «Глобальные техносферные материальные потоки и проблема неустранимости отходов». Автор рассмотрела проблему синтетически с позиций как глобально-экологических, так и ресурсно-природопользовательских, что вызвало у слушателей значительный интерес и ряд вопросов.

Значительное внимание было уделено не только общенаучным, но и более конкретным геоэкологическим аспектам глобальных проблем применительно к крупным регионам. Так, Н. Н. Гольчикова и В. В. Кудинов (Астраханский государственный технический университет) представили весьма содержательный доклад «Геоэкологическое состояние Прикаспийского региона в связи с освоением месторождений нефти и газа». Активное освоение нефтегазовых месторождений Северного Прикаспия значительно осложняет геоэкологическую обстановку и вызывает серьезную озабоченность в плане необратимых последствий для состояния геологической среды и экосистем в целом. В качестве основных путей решения данной проблемы докладчиками предлагаются: выявление основной составляющей (определение фонового состояния окружающей среды и состава основных загрязнителей); определение законодательной базы, которая будет эффективно действовать на региональном, межрегиональном, государственном и межгосударственном уровнях; формирование системы геоэкологического мониторинга в пределах всей территории Северного Прикаспия и акватории Северного Каспия. В настоящее время система как регионального, так и межрегионального геоэкологического мониторинга практически отсутствует, что не позволяет оценивать общее геоэкологическое состояние Северного Прикаспия на основе комплекса исследований по всем компонентам природной среды и по всем районам освоения месторождений углеводородного сырья в реальном времени. Недропользователями данной территории осуществляется ведение только промышленного геоэкологического мониторинга, однако вопреки законодательству РФ материалы мониторинговых исследований недоступны как для научной общественности, так и для населения. Промышленный геоэкологический мониторинг, как правило, ограничивается лишь геохимическими исследованиями атмосферы, поверхностных и подземных вод, почвенного покрова по локальному участку без учета изменений всего природного комплекса, всех его компонентов, без анализа влияния освоения месторождений углеводородного сырья на прилегающие ландшафты, акватории; внедрением геоинформационных систем, не работающих в региональном плане на настоящий момент. Единая информационная база о природной среде Северного Прикаспия в настоящее время отсутствует, и главная сложность ее создания, по мнению авторов доклада, – ведомственная разобщенность.

«Региональные особенности процессов глобализации (на примере Республики Алтай)» рассмотрели В. Е. Мельченко и В. В. Снакин (Московская государственная академия водного транспорта, Институт фундаментальных проблем биологии РАН, г. Пушкино). Авторы показали, что культурные и социально-экономические

особенности Алтая предопределяют особенность происходящих в нем глобализационных процессов. Глобализация проявляется в разрушении локальных связей и переключении на связи другого уровня иерархии. Пространство глобализации обеспечивается в социально-экономическом аспекте финансовыми инвестициями, транспортными и информационными связями. Здесь наблюдается преобладание информационного аспекта над материальным. С одной стороны, транспортная малодоступность, замедляющая глобализацию; с другой – низкая плотность населения, упрощающая глобализацию. Имеет место смешение различных культур с различным сопротивлением глобализации. С одной стороны, кочевники (алтайцы), предрасположенные к глобализации, с другой – староверы (кержаки), пример антиглобалистского, замкнутого социума. Рассматриваемая территория – исторически приграничная область – зона активного контакта и одновременно противостояния, сопротивления контакту. Так, налицо использование особенностей природоохранных процессов как глобальных – природоохранного аспекта в качестве политически ангажированного, в политически нужном ракурсе. Процесс глобализации неразрывно связан с отчуждением от ресурсов, прежде всего с отчуждением от земли, особенно молодежи. Возрастание доли земельной собственности в руках представителей других регионов происходит ввиду бедности местного населения. Сопротивление глобализации связано с доминирующим механизмом «свой – чужой». По мнению авторов доклада, прослеживается заниженный уровень нравственных ограничений по отношению к «чужому» (проявляется в различии результатов открытого и тайного голосования). Влияют и особенности развития хозяйства в условиях глобализации; преобладание экспортно ориентированной продукции (мараловодство, пчеловодство и др.). Кроме того, необходимо учитывать проблемы развития туризма, прежде всего продажу этнокультурного атрибутива через туризм. Специфика проявления глобализационных процессов заключается также, с одной стороны, в повышении самосознания, значимости собственной культуры, а с другой – в потере сокровенной самобытности и отчужденности от природы.

Участники секционного заседания затронули и медико-экологические аспекты в связи с геоэкологическими особенностями проживания населения. Доклад на тему «Глобальные гидроклиматические изменения и проблемы здоровья человека» представил Л. И. Эльпинер (Институт водных проблем РАН, Москва). Предлагаемый им подход основан на совместном использовании данных об изменении состояния водных ресурсов в связи с глобальными изменениями климата и данных о прямом и косвенном влиянии водного фактора на условия жизни и состояние здоровья населения. Сущность подхода состоит в сочетании прогностических возможностей научных дисциплин, исследующих гидрологическую обстановку (гидрологии, гидрогеологии, гидробиологии, гидрохимии, экологии вневодоемных биоконплексов) и изучающих процессы формирования здоровья и заболеваемость населения (гигиены, эпидемиологии инфекционных и неинфекционных болезней, паразитологии). При этом должны учитываться изменения во всех сферах среды обитания человека: водной, воздушной и почвенной, связанные с воздействием гидроклиматических условий. Используемая природоведческая основа позволяет более детально определять характер, особенности и последовательность построения прогноза формирования здоровья населения с изменениями гидрологической обстановки во времени и пространстве.

Оригинальный доклад на тему альтернативных источников энергии «Производство биотоплива второго поколения из растительного сырья в России. Пер-

спективы и ограничения» представил Г. А. Булаткин (Институт фундаментальных проблем биологии РАН, Москва).

Были рассмотрены также весьма интересные и оригинальные вопросы на стыке геоэкологической и глобалистической науки с познанием художественного творчества. Е. Г. Романова (Ульяновский государственный технический университет), А. В. Иванов (кафедра геоэкологии Саратовского государственного университета) и О. Д. Смилевец (Саратовский государственный технический университет) представили доклад «Элементы глобально-экологического мышления в творчестве Достоевского». В нем авторы показали, что в творчестве Ф. М. Достоевского затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с самыми различными разделами современной экологии и глобалистики. Согласно выводам докладчиков, в произведениях Достоевского наглядно художественно демонстрируется многогранность, сложность, комплексность экологических проблем разного уровня вплоть до глобальных и, следовательно, необходимость междисциплинарного подхода к их решению. Из анализа творчества Достоевского следует (становящаяся сегодня все более очевидной) невозможность решения глобально-экологических проблем без серьезного взаимодействия естественников и гуманитариев, науки и искусства, логики и интуиции, материального и духовного. Достоевского можно рассматривать в качестве одного из писателей XIX в., чье творчество содержит элементы пророчества назревающего глобально-экологического кризиса современности.

Исходя из изложенных представлений о глобалистике, можно сформулировать наше видение особенностей подготовки специалиста по глобальным процессам.

Во-первых, гармоничное представление гуманитарной и естественно-научной составляющих посредством комплексного раскрытия в соответствующих дисциплинах глобально-экологического, глобально-политического и глобально-экономического направлений.

Во-вторых, широкое использование мультимедисциплинарных направлений – синергетики, универсального эволюционизма и т. д.

В-третьих, широкое применение достижений современных синтетических концепций и теорий: теории систем, глобального эволюционизма, концепции ноосферных структур, анатомии кризисов, теории катастроф, концепции коэволюции геосфер.

Анализируя программу нашего конгресса, мы вполне можем позиционировать его как глобальное событие и глобальное явление. Сегодня нашим конгрессом запускается глобальный процесс – такое мероприятие должно стать периодическим и развивающимся вместе с самой глобалистикой как междисциплинарным научным направлением.

В работе нашего конгресса участвовали как классики отечественной науки, так и молодые коллеги: студенты, аспиранты, молодые ученые. Это позволяет рассматривать конгресс как совместное научно-образовательное творчество учеников и учителей, в процессе которого студенты и аспиранты могут доложить результаты своих исследований на серьезном мероприятии наравне со старшими коллегами, а учителя – обратить внимание на перспективных молодых ученых для дальнейшего сотрудничества. Преемственность идей и передача опыта молодым ученым чрезвычайно важна для науки, особенно переживающей этап становления.

Обозревая предметное поле и особенности развития глобалистики, сегодня можно констатировать отсутствие единой концепции, объясняющей структуру, функционирование и эволюцию глобальных систем, процессов и проблем и способной служить базой для прогнозных оценок. Нам предстоит создать ее, встав на путь синтеза философских, политических, экономических, экологических и иных глобалистических аспектов. В этом плане конгресс представил достойное начало пути к синтетической теории глобалистики.

Участники конгресса приняли решение об активном совместном участии в процессах преодоления кризисных явлений. Участники конгресса предлагают придать глобалистике статус академической дисциплины и ввести ее в систему образования в качестве дисциплины, обучающей основам глобального мировоззрения и практики принятия управленческих решений с учетом последствий глобального характера.

Участники конгресса поддерживают инициативу факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова о создании «Международной ассоциации исследователей глобальных процессов» и призывают объединиться под ее эгидой ученых, педагогов, общественных и политических деятелей, представителей бизнеса и культуры.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОСМОПОЛИТИЗМ

КРИТЕРИИ, ПОДХОДЫ И ЖИЗНЕННЫЙ ОПЫТ*

П. МакКормик

В настоящей статье я делаю предположение о том, что современное понимание глобализации послужило причиной по крайней мере одной серьезной проблемы. Мне также хотелось бы отметить, что, возможно, в разрешении этой проблемы поможет свежий философский взгляд на кардинальное концептуальное изменение былого космополитизма.

Подобная помощь была бы важной. Поскольку, как отметил в своей речи «Границы, которые нас объединяют» Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций кореец Пан Ги Мун накануне саммита «Большой восьмерки», проходившего в начале июля 2008 г. у озера Тояко на японском острове Хоккайдо, мы должны признать, что современные совершенно новые проблемы являются глобальными и требуют глобальных решений¹. Однако среди этих проблем можно также упомянуть и недостаточно критическое понимание современной глобализации как таковой. Я полагаю, что практически забытое понятие космополитизма может помочь нам сформулировать более приемлемое понятие сегодняшней глобализации. Я считаю, что узы, которые нас связывают, – это не столько общемировые заботы, о которых говорил Пан Ги Мун, сколько наша собственная древняя космополитическая человеческая сущность.

Во введении я хочу сделать несколько оговорок о том, как будут использованы в дальнейшем ключевые термины «глобализация» и «космополитизм».

В современном британском английском языке в том виде, в котором он записан в большинстве новейших оксфордских словарей² (мы называем его оксфордским английским), «глобализация» – сравнительно новое английское слово. То же относится к его эквивалентам в других языках. В повседневном английском языке слово «глобализация» появляется не раньше середины XX в.³ И сегодня слово «глобализация» относится к «процессу глобализации» в смысле осуществления какой-то деятельности, масштабы которой охватывают весь мир. Таким образом, в английском языке в слове «глобализация» акцент делается на всеобщности.

Напротив, «космополитизм» в оксфордском английском – слово относительно старое. В обычной английской речи его использовали еще в середине XVII в. Се-

* Это переработанный вариант доклада для пленарного заседания на симпозиуме «Глобализация и космополитизм», сделанного во время XXII Мирового философского конгресса, который проходил в Национальном университете Сеула (Южная Корея) с 5 июля по 30 августа 2008 г. Я благодарю организаторов за приглашение, а участников симпозиума Френсиса Шневеля (Швейцария), Сирила Б. Конне (Буркина Фасо) и Александра Чумакова (Россия) за их комментарии.

¹ См. его доклад на французском языке «Ces liens qui nous unissent» в ведущей утренней газете Франции «Le Figaro» от 3 июля 2008 г.

² Такие новые словари основаны на дополнительной базе The British National Corpus of the English Language database, the Oxford English Corpus database и the Oxford Reading Programme database.

³ Здесь и далее я основываюсь на «Кратком оксфордском словаре английского языка» (Shorter Oxford English Dictionary: in 2 vols. – 6th ed. / ed. by W. R. Trumble. – 2007).

годня под словом «космополитизм» в основном подразумевают качество, которым могут обладать люди или группы людей. Некоторые словари описывают эту черту фразой «чувствовать себя как дома». То есть некоторые чувствуют себя как дома не только в родной стране, но и практически в любой точке мира. Подразумевается, что такие люди или группы людей больше не ограничивают себя привязанностью к стране, в которой родились. Здесь больше подчеркивается универсальность, а не всеобщность⁴.

Тогда с точки зрения повседневного современного употребления оксфордского английского философский симпозиум под названием «Глобализация и космополитизм» может оказаться интересным философским переосмыслением не только некоторых повседневных вопросов, таких как всемирное распространение информации, средств коммуникации и финансовых технологий. Скорее всего, название такого симпозиума предполагает, что внимание будет сфокусировано на двух достаточно абстрактных понятиях, скажем, на всеобщности и универсальности. И действительно, на этом симпозиуме наши коллеги исследовали преимущественно общее и универсальное⁵.

А теперь, принимая во внимание эти вводные замечания, позвольте мне коротко рассмотреть всего четыре небольших вопроса: во-первых, общий характер современного понимания глобализации; затем одну вполне реальную опасность, возникающую в результате этого общего понимания глобализации; в-третьих, для контраста, универсальный характер одной из недавних трактовок космополитизма; и наконец то, что может объединить некую глобализацию и некий космополитизм в нечто большее, чем так называемая европейская или африканская «антропоцентрическая этика»⁶ или просто так называемая восточноазиатская «экоцентрическая этика»⁷.

1. Современная глобализация как распространение систематических когнитивных технологий

Конечно, мы уже понимаем, что глобализация – явление разноплановое. Ведь помимо распространения по всему миру наук и технологий более унифицированными в мировом масштабе стали и другие важные сферы человеческой деятельности, особенно за последние несколько поколений.

Так, некоторые культурные явления сейчас можно обнаружить практически повсеместно, например доминирование определенных направлений популярной западной музыки. Аналогично некоторые промышленные технологии, такие как доминирующие восточноазиатские оперативные системы производства и техниче-

⁴ Более специфические особенности можно найти в «Словаре английских слов и выражений» (Roget's Thesaurus of English Words & Phrases. – 150th anniversary edition / ed. by G. Davidson. – London: Penguin Reference, 2002).

⁵ См. замечания председателя симпозиума Ф. Шневала (F. Cheneval) о трех вариантах современного употребления слова «космополитизм» и последнюю критику космополитизма в докладе С. Конэ (C. Koné) «Mondialisation et Cosmopolitanisme» и докладе А. Чумакова (A. Chumakov) «Globalization and Cosmopolitanism in the Context of Modernity».

⁶ См., например: Park Ynhui. Human Nature and Human Worth / Park Ynhui // Man, Language and Poetry. – Seoul: Seoul National University Press, 1999. – P. 41.

⁷ См., например, критические замечания Имамичи Томонобу (Imamichi Tomonobu) о таких примитивных «эко-эксцентричных» взглядах и развитие его альтернативной идеи об «экоэтике» в его влиятельном труде «Eco-Ethica». Впервые он был опубликован на японском языке в 1990 г., впоследствии в сокращенном варианте был переведен на корейский язык Джунг Мионг-Хваном (Jung Myong-Hwan), а недавно – на немецкий язык Стефаном Долем (Stefan Döll).

ские приемы хранения материалов, сегодня также можно найти практически везде. Еще один пример глобализации – порядок ведения бухгалтерской отчетности во Всемирной торговой организации, где сейчас широко используются согласованные методы классификации первичных, вторичных и третичных товаров и услуг. Таким образом, глобализация – явление далеко не однородное, оно состоит из различных научных, технологических, финансовых, промышленных, политических и культурных аспектов, и это далеко не полный перечень.

Более того, глобализация в смысле всемирного распространения некоторых видов человеческой деятельности проявлялась в истории человечества много раз, а не только на нашей памяти, в современной повседневной жизни.

Приведем только один пример. Вспомним, что в конце XIX в. и вплоть до начала в XX в. войны, которую грозно назвали Первой **мировой**, промышленная революция – по крайней мере, в теории – распространилась по всему миру. Это движение назвали первой современной глобализацией. То есть страны по всему миру уже тогда начали извлекать выгоду из применения эффективных производственных технологий, которые до этого использовались только в одной части мира. Современные ученые, изучающие всемирную историю, приводят множество других примеров глобализации в древности, в эпоху Средневековья и Нового времени, например распространение древнегреческой культуры в Древнем мире во времена Александра Македонского или распространение китайской морской торговли в средневековый период и т. д.

Многие специалисты по всемирной истории, кажется, даже достигли предварительного согласия, по крайней мере по двум аспектам глобализации. Так, по всей видимости, историки в большинстве своем согласились, во-первых, с тем, что наиболее важный период обширной и по-настоящему всеобъемлющей глобализации – это современная эпоха. Во-вторых, они к тому же большей частью согласны, что наиболее выдающаяся глобализация – это глобализация современной науки и технологии. С учетом последнего мы можем говорить о глобализации, используя удачный термин Имаичи Томонобу, как о «технологическом соединении» («the technological conjuncture»), то есть как о наиболее важной на данный момент исторической эре глобальных взаимосвязей информационных и коммуникационных технологий.

Если глобализация сегодня не является, в сущности, ни однородным по качеству, ни уникальным по количественному показателю явлением, то почему бы нам не взять некоторые наиболее яркие черты глобализации, чтобы далее кратко охарактеризовать ее? Вспомним всего несколько элементов глобализации, которые были выделены во время одной из множества современных попыток провести подобный анализ.

Так, мы можем с полным основанием предметно охарактеризовать глобализацию как совокупность по крайней мере шести теоретических признаков, которые здесь нет необходимости располагать в определенном порядке⁸, а именно: во-первых, на международном уровне глобализация проявляется в систематизации и распространении экономических явлений; во-вторых – социальных отношений; в-третьих – политических объединений; в-четвертых – во всеобщем уменьшении разнообразия; в-пятых – в исчезновении дихотомии между специфическим и уни-

⁸ Среди прочих см., в частности: Waters, M. *Globalisation*. – 2nd ed. – London: Routledge, 2001. – P. 15–16. Этой ссылкой я обязан Чейку Мбаке Гуйе (Cheikh Mbacké Gueye). О его исследовании см. в его замечательной книге: Gueye, Ch. M. *Late Stoic Cosmopolitanism*. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. – P. 147–159. Отмечу, однако, что мои рассуждения по поводу *oikeiōsis* не связаны с его идеями (см. сноски 12 и 13 далее).

версальным; и, наконец, в стирании грани между доверием и риском. Такая довольно схематичная характеристика требует точных определений. Тем не менее эта свежая предметная характеристика глобализации очень хорошо отражает мнение современных специалистов.

Если мы теперь продолжим размышлять над сложившимся единодушием историков и теоретиков глобализации, возможно, мы наконец выделим очень важную и даже фундаментальную черту современной глобализации. Я могу предположить, что в качестве такой черты в итоге можно не без основания взять важнейшую на сегодня тенденцию глобализации распространять по всему миру такие практические знания, которые англоязычные люди называют «ноу-хау» – особое когнитивное сочетание творческой силы и технических методов. В таком случае в наших целях здесь мы можем рассматривать глобализацию как планетарное распространение систематизированных практических ноу-хау. Возможно, мы можем назвать распространение такого рода знаний «культурной глобализацией».

2. Проблема современной глобализации как когнитивного распространения преимущественно технических ноу-хау

Теперь я перехожу ко второму пункту – важной проблеме современного общепринятого понимания глобализации как преимущественно культурной глобализации в смысле распространения знаний, понимаемых в основном как технические ноу-хау.

Проблема в том, что это недостаточно критическое понимание глобализации слишком часто приводит к разрушительным культурным последствиям. К таким последствиям я отношу зачастую достаточно необдуманную западную критику большинства азиатских так называемых «экоцентрических» этических принципов, «азиатских ценностей» и абсолютного главенства ценности и значения природы. И наоборот – к таким негативным последствиям я также отношу часто достаточно необдуманную азиатскую критику большинства европейских и африканских так называемых «антропоцентрических» этических принципов, «гуманистических ценностей» и абсолютного превосходства человека.

Но, возможно, самым важным негативным последствием слишком узкого, однако доминирующего понимания современной глобализации преимущественно в терминах культурной глобализации является постепенное подчинение всей планеты обобщенному и в значительной степени некритическому взгляду на знания и идеи. Это взгляд на знания и идеи как в высшей степени систематизированные практические ноу-хау в противоположность представлению о знаниях и идеях как еще и всегда незавершенному приближению к более адекватным знаниям о себе и других⁹. Это подчинение мыслительного стремления к подлинному самопознанию – творческому, философскому и духовному – в свою очередь неумолимо ведет к инструментализации самой природы и природы человека где бы то ни было: в задымленном небе современного Пекина, в тлеющих лесах Борнео, в истощенных и безрыбных водах Средиземноморья или на уже практически полностью застроенном побережье Италии, Франции или Испании.

Это достаточно серьезная проблема, однако в ней частично могут содержаться элементы принципиального решения. Сегодня *абсолютная власть* культуры, которая сама и распространила по всему миру чрезмерно практичную интерпрета-

⁹ См., например, статью о неразрешимости и неполноте в недавней работе о Гёделе: Delahaye, J.-P. Presque tout est indécidable! // Pour la Science. – 2009. – № 375 (January). – P. 88–93.

цию знаний и идей как систематизированных когнитивных ноу-хау, скрывает у своих истоков плодотворное философское зерно. Это зерно – понимание рефлексивного космополитизма в терминах стабильного, но динамичного равновесия между фундаментальными первичными, внешне и внутренне направленными импульсами в центре самой человеческой природы.

Помимо распространения систематизированных практических ноу-хау теперь в глобализацию необходимо включить определенный критический космополитизм. Такой критический космополитизм был бы универсальным, а не просто общим осознанием того, что человеческая природа включает в себя и естественный эгоизм, и естественную близость с другими и вообще со всем живым, и эти качества в равной степени являются первичными для всех людей.

Но при таком взгляде на глобализацию и космополитизм ни инструментализация человеческой природы в целом, ни обожествление всей вселенной в конечном счете не удовлетворяют нас. Простая истина, уже признанная повсюду, заключается в том, что ни человеческий род, ни природа не являются чем-то священным. В результате нам не подходит ни антропоцентрическая, ни эоцентрическая этика. Различия слишком глубоки.

Для того, чтобы оценить, насколько они глубоки, только на секунду представьте один из тех скучных так называемых «диалогов» между одним бывшим европейским политическим лидером, находящимся с визитом в Восточной Азии, и принимающим его восточноазиатским хозяином, которого он со всей вежливостью пытается убедить, что постоянные нарушения прав человека в его стране с этической точки зрения неприемлемы нигде. И представьте подобный скучный «диалог» одного восточноазиатского политического лидера, посещающего Европу, с европейским лидером, которого он также предельно вежливо убеждает, что постоянное нанесение урона окружающей среде в европейской стране с этической точки зрения неприемлемо нигде.

В Европе европейский лидер в ответ на критику своего восточноазиатского гостя вполне может поставить под сомнение абсолютное превосходство природы, которым ее наделяют восточноазиатские люди, в том смысле, что приоритетом в конечном счете обладают люди, которым необходимо разумно использовать природу для своего логичного развития. А в Азии восточноазиатский лидер также может ответить на критику своего европейского гостя сомнениями по поводу абсолютного главенства прав человека, на котором настаивают многие европейцы, в том смысле, что для любого по-настоящему гуманного правительства обеспечить гармонию природы и общества, по существу, является более важным приоритетом, чем права человека. Основной вопрос здесь состоит в том, как внимательно выбрать связующее звено между этими фундаментальными различиями, так чтобы сохранить подлинное понимание всех основных картин мира и при этом найти взаимоприемлемый способ уладить несоответствия между ними.

Мы должны быть осторожными и не преуменьшать глубокий характер подобных различий, различий в том, какая из двух первичных ценностей в конечном счете рассматривается как абсолютная в смысле ее первостепенной значимости, поскольку за подобными фундаментальными различиями между природой и человеком как абсолютными ценностями лежат еще более глубокие культурные предпосылки. Эти исходные предпосылки существуют не только на уровне стран, языков или религий, но и на уровне всех цивилизаций, где существенно отличающиеся глобальные мировоззренческие взгляды властвовали на протяжении многих столетий.

Таким образом, сегодня для многих европейских философов (а они часто, не подозревая того, находятся под влиянием своего иудейского, греческого, римского или христианского наследия, которое доказывает абсолютный приоритет человека над природой) одно глубокое убеждение неизбежно является исходной предпосылкой осмысленности и – даже более того – разума под маской греческого *логоса*¹⁰. Напротив, для многих восточноазиатских философов (они также часто, не подозревая того, находятся под влиянием буддистского наследия, будь оно индийского, китайского, тибетского, корейского или японского происхождения, и защищают абсолютное превосходство природы над человеком) одно глубокое убеждение может стать предпосылкой действия и даже более – страдания в виде сан-скритской «дукха»¹¹. В конце концов, каким удовлетворяющим обе стороны образом может здравомыслящий европейский философ, исходящий из фундаментальной культурной предпосылки об универсальном мировом разуме, спорить со здравомыслящим восточноазиатским мудрецом, который мыслит, исходя из фундаментальных культурных постулатов об универсальном мировом страдании?

Как поступить?

Чтобы найти хотя бы частичный ответ, если не решение этой проблемы, в условиях современного чрезвычайно узкого толкования глобализации, позвольте обратить ваше внимание на некоторые аспекты одного из примеров рефлексивно-го космополитизма в прошлом.

3. Вчерашний рефлексивный космополитизм и осознание всемирного сходства

Если мы условно согласимся принять сомнительную природу современной глобализации только как исключительно планетарное распространение систематизированных практических ноу-хау, тогда каким образом сможем мы в дальнейшем обоснованно объяснить природу и значение космополитизма?

Как и глобализация, космополитизм не является ни однородным, ни уникальным. То есть космополитизм по существу не является неким единым явлением, и в истории он возникал не один раз. Вовсе нет. Я думаю, что в ходе исторических и тематических исследований, подобных тем, что мы только что перечислили, говоря о глобализации, выяснится, что космополитизм – тоже явление разноплановое и имело место в истории неоднократно. В особенности это справедливо для явления, которое мы обычно называем *рефлексивным* (или *философским*) *космополитизмом*. И это главным образом относится по крайней мере к одной важнейшей концептуальной особенности античного западного стоического космополитизма.

Короче говоря, сейчас вслед за Александром Чумаковым мне бы хотелось вспомнить о стоиках Древней Греции. Я полагаю, что основной концептуальный элемент, особенно явно проявившийся в космополитизме поздних стоиков в один из ключевых моментов для зарождения иудейской, греческой, римской и христианской Европы, может и сегодня оказаться эффективным в других частях света, поскольку представление стоиков о вчерашнем космополитизме может стать зна-

¹⁰ См., например, о необычном взгляде японца Сейзо Секина: Seizō Sekine. A Comparative Study of the Origins of Ethical Thought: Hellenism and Hebraism / transl. by J. Wakabayashi. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2005.

¹¹ См., например, неазиатский взгляд американца Глена Уоллиса (Glenn Wallis), который изложен в новой компиляции, переводе и замечаниях, напечатанных в его книге: Wallis, G. Basic Teachings of the Buddha. – N. Y.: Modern Library, 2007.

чительным концептуальным ресурсом для удачного переосмысления в целом одно-стороннего и недостаточно критического понимания современной глобализации.

Этот практически забытый концептуальный признак – то, что поздние греческие и ранние римские стоики обозначали трудно переводимым выражением *oikeiōsis*, или *oikeiōusthai*. Весьма приблизительно в английском языке существительному *oikeiōsis* соответствует «устремление», или «присвоение», или «приближение», или «признание чего-то как принадлежащего самому себе». *Oikeiōsis* более часто встречается в глагольной форме как *oikeiōusthai* и означает (опять же очень приблизительно) «стать (или быть изначально) склонным к чему-либо»¹².

Философы-стоики начали свои размышления с общего убеждения в том, что человеческая природа неотделима от природы вселенной¹³. Соответственно человеческая природа и природа вселенной, несмотря на очевидные различия в масштабах и других параметрах, с точки зрения стоиков, едины так же, как едино целое со своими частями. Мыслители-стоики изучали природу космоса в основном в контексте своей логики и физики. Также они изучали человеческую природу в соответствующих контекстах своей логики и этики.

В частности, многие мыслители-стоики полагали, что они могут достоверно изучить природу человека, начав эмпирически с внимательных наблюдений за новорожденным человеком, а затем сравнив свои собственные наблюдения с выводами выдающихся мыслителей-нестоек о новорожденных. Таким образом, был сопоставлен ряд фундаментальных наблюдений, а противоречия там, где возможно, были разрешены путем рассуждений.

Некоторые эпикурейцы считали, что наблюдение за новорожденным человеком показывает: он изначально от природы наделен главной склонностью – стремлением к наслаждению. Напротив, некоторые мыслители-стоики настаивают на том, что самый главный врожденный, природный, первичный импульс новорожденного человека (так же как у новорожденных животных и недавно появившихся растений) – не к наслаждению, а к самосохранению.

Более того, мыслители-стоики утверждали, что во всех случаях этот первичный импульс направлен на то, как человек, животное или растение будут, так сказать, «организованы». Эта организация, хотя и остается в целом постоянной, тем не менее со временем изменяется. В случае с людьми в целом стабильный характер организации является естественной основой эгоцентрической сферы – центра представления о себе. А индивидуальный развивающийся характер организации играет основную роль в «аллоцентрической» сфере – центре представления о других.

Таким образом, по многочисленным высказываниям поздних стоиков, человек сохраняет фундаментальную связь со своей собственной естественной организацией, с самим собой. Вместе с тем с развитием естественной организации человека развивается и осознание его естественного фундаментального родства с другими.

¹² Первый перевод Б. Инвуда был опубликован в его книге: Inwood, B. *Ethics and Human Action in Early Stoicism*. – Oxford: Oxford University Press, 1985; второй перевод А. А. Лонга и Д. Н. Седли (A. A. Long and D. N. Sedley) – в их образцовом собрании текстов и переводов на английский: *The Hellenistic Philosophers: in 2 vols.* – Cambridge: Cambridge University Press, 1987; третий перевод выполнен Б. Инвудом и П. Домини (B. Inwood and P. Donini) и напечатан в их обширной статье «*Oikeiōsis* and Primary Impulse» в авторитетном издании *Cambridge History of Hellenistic Philosophy* (ed. by K. Algra et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 675–738); четвертый перевод Дж. Стрикера (G. Stricker) «*The Role of oikeiōsis in Stoic Ethics*» появился в его собрании очерков *Essays on Hellenistic Epistemology and Ethics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – P. 281–297).

¹³ Здесь, в этой вводной статье, я придерживаюсь в основном перевода Инвуда и Домини 1999 г.

То есть у человека существует естественная родственность как с самим собой, так и с другими людьми¹⁴.

В двух словах, учения поздних стоиков об *oikeiōsis* включают набор хорошо аргументированных эмпирических данных и философских теорий. Согласно этим взглядам, все люди естественным образом наделены стабильной и в то же время динамичной природной организацией, сохранить которую – главный смысл их существования. Они также обладают естественным сходством со всеми остальными людьми в том смысле, что все остальные люди имеют абсолютно такую же природную организацию. Человеческая природа заставляет всех людей осознанно и рефлексивно принимать свою двойственную привязанность к себе как отдельному индивидууму и ко всем остальным людям, ведя внимательную (по отношению к другим), разумную и добродетельную жизнь в интересах, как сказал бы Сириль Коне, развития новой солидарности.

Достаточно кратких воспоминаний об одном из примеров рефлексивного космополитизма в прошлом. Подлинный критический космополитизм – почти забытый на сегодняшний день источник для переосмысления природы глобализации – совершенствовался как в ходе постоянных эмпирических исследований, так и в процессе постоянных философских споров.

4. Критерии, подходы и философская дружба

Теперь мне хотелось бы обратиться к четвертому (и последнему) замечанию о связи глубоко противоположных философских взглядов вроде тех, что лежат в основе некоторых современных наиболее трудных этических споров об абсолютных ценностях. Этот последний пункт – не более чем умозрительное предположение. Такое предположение не является результатом дальнейших размышлений о некритичной глобализации систематизированных практических ноу-хау. Скорее, оно возникает в результате стремления воскресить старый идеал следования добродетелям космополитической философской дружбы, широко представленной как в традиционных восточноазиатских, так и в традиционных европейских рефлексивных культурах. Позвольте мне изложить это последнее предположение не в типичной европейской форме развернутых философских споров, какие были между греческими эпикурейцами и поздними римскими стоиками, а в более широкой и свободной форме небольшого личного воспоминания.

Итак, факт состоит в том, что в заключение мне нечего предложить вам в качестве теории о том, как, в конце концов, сгладить такие серьезные расхождения,

¹⁴ Заметим, что поздние эпикурейцы пытались объяснить, почему в дружбе наше собственное удовольствие важнее, чем удовольствие друга, и в то же время почему наше собственное удовольствие в дружбе не может быть важнее, чем наслаждение друга, если не подходить фундаментально к удовольствиям друга. Поскольку, как показывает опыт, если рассматривать друзей исключительно как средство достижения собственного удовольствия, в конечном счете дружба разрушается. А если рассматривать друзей как самоцель, то будет ниспровергнута основная эпикурейская доктрина о первенстве собственного наслаждения. Обращаясь к этой проблеме в книге первой *De finibus*, Цицерон отмечал следующее. Он утверждал (по крайней мере, согласно официальному прочтению), что «хотя наслаждения и благосостояние наших друзей по сути не так важны, как наши собственные, мы должны любить их так, как если бы они были такими. И единственный способ сделать это – на самом деле почувствовать к друзьям то же, что и к себе... Следовательно, [эпикурейская] теория [дружбы] создана для того, чтобы убедить относиться к друзьям альтруистически» (I.67–68). Утерянный текст был обнаружен в *Sent. Vat.* 23. Этот перевод содержит, однако, хорошо обоснованное текстовое изменение относительно *airetē* (достойного выбора) в интересах *arête* (добродетели). См.: Erler, M., Schofield, M. *Epicurean Ethics // The Cambridge History of Hellenistic Philosophy* / ed. by K. Algra et al. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 668. – N. 61.

которые существуют между контрастными базовыми культурными постулатами. Однако, как у многих из нас, живущих и в Азии, и в Европе, у меня есть достойные подражания учителя, которых я часто вспоминаю. И, опять же, как у многих других, у меня есть опыт философской дружбы, над которой можно поразмыслить. Сейчас я бы хотел использовать этот опыт в неформальном виде, чтобы привнести немного реализма в эти, возможно, слишком абстрактные размышления. Также я надеюсь, что некоторым из вас это напомнит похожие ситуации из собственной жизни.

С чувством глубокой признательности я часто вспоминаю одного из самых требовательных моих учителей. Он чувствовал себя как дома в двуязычной, многоконфессиональной эльзасской культуре Франции, культуре моей бабушки по материнской линии; впрочем, он чувствовал себя комфортно практически всюду. Он не просто обобщил, но и сделал всеобщими определенные рефлексивные идеи о правильном достижении истинного самопознания, которое подразумевает признание истинного родства с другими – он бы сказал: «*soi-même comme un autre*» («я сам как другой» – *фр.*). А в разговоре о сложных размышлениях понастоящему великих философов он часто говорил: «Не надо постоянно искать ошибки. Даже в лучших работах лучших философов всегда найдется слишком много ошибок. Всегда ищите у них хорошие идеи. А затем стремитесь снова и снова более подходящим образом переосмыслить эти хорошие идеи». После нескольких лет совместной, но всегда независимой работы мы стали друзьями, друзьями-философами.

С таким же чувством глубокой признательности я вспоминаю одного из самых смелых коллег. Он чувствовал себя как дома в окружении японской культуры, культуры заклятых врагов моего отца, но одновременно чувствовал себя так же практически всюду. Как и мой французский друг-философ, он тоже не только обобщил, но и сделал всеобщими определенные рефлексивные практики, особенно те, которые являются результатом отношений между *дзирики* и *тарики*, между собственными силами и силами других людей. Обсуждая со мной успехи и неудачи, которые постигли философов, пытавшихся осмыслить, что есть добро, он часто останавливался и замолкал. Он просто сидел, молча сидел. Как и многих западных людей, меня сильно беспокоило такое поведение, и все же я не решался нарушить это молчание, боясь его обидеть. Спустя некоторое время мой коллега снова начинал говорить. Затем паузы становились длиннее. В конце концов меня перестало беспокоить его продолжительное молчание. И после нескольких лет встреч мы стали друзьями, друзьями-философами.

В случае с моим европейским другом-философом в основе нашей дружбы лежали долгие разговоры как на его родном французском, так и на моем языке – английском, в процессе которых мы пытались понять, что есть добро. Я думаю, что, собрав вместе наиболее убедительные слова, мы смогли открыть для себя свежие философские идеи, которых теперь придерживаемся с чувством глубокого уважения, признательности и свободы. Я также убежден в том, что, стремясь сформулировать, что есть добро, мы смогли полнее осознать фундаментальное родство между некоторыми собственными добродетелями и тем, что существует в каждом человеке. Возможно, я заблуждаюсь, но благодаря моему другу сейчас временами я больше похож на него, я чувствую себя немного комфортнее практически повсюду, по крайней мере, какое-то время.

Однако в случае с моим восточноазиатским другом-философом я обнаружил, что попытка совместно осмыслить, что есть добро, не является предметом бесконечных разговоров, возникающих, когда речь заходит о таких запутанных вопросах; скорее это становится причиной затянувшегося молчания. Причина в том, что хотя мой друг говорил и на английском, и на немецком, он все же не мог говорить со мной на своем родном языке, поскольку я не мог ни говорить по-японски, ни понимать японскую речь. Часто мы просто молчали.

Однако размышления в моменты молчания, которые поначалу мешали нам, в конечном счете стали основой нашей философской дружбы. Сейчас я понимаю, что такие периоды молчания освободили пространство для появления гораздо более широких контекстов, которые мы научились разделять. К тому же я полагаю, что раз за разом стараясь молчать, пока молчит мой друг, мне не столько удалось открыть какие-то философские доводы относительно того, что есть добро (к этому мы вместе могли прийти путем рассуждений). Скорее я пришел к выводу (опять же, возможно, ошибочному), что, может быть, мы с моим другом смогли понять тот более широкий круг обстоятельств, который не только подтверждает верность отдельных философских доводов, но и лежит в основе некоторых наиглавнейших философских установок, совокупности обстоятельств, разделяемых всем человечеством.

Оба варианта философской дружбы – опыт, которой сегодня, я уверен, имели многие и в Азии, и на Западе, – дали мне основания для заключительного предположения. Оно состоит в том, что изучение универсализации рефлексивного космополитизма, которое мы обнаруживаем в традиционном понимании философской дружбы, может помочь оценить часто опасные последствия самого распространения на сегодняшний день понимания глобализации в терминах распространения систематических практических ноу-хау. Рефлексивный космополитический подход, который делает возможным с философской точки зрения критически перенять доктрины стоиков об *oikeiōsis*, – это один из аспектов, способствующих распространению философской дружбы. Кроме того, рефлексивный космополитизм может служить причиной борьбы за динамическое равновесие между эгоцентрическими интересами и альтруистической заботой о других, между собственными силами и силами других, между обычной антропоцентрической моралью и обычной экоцентрической моралью.

Перевод с английского К. А. Бирюковой

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЧАЛА КОСМОГАРМОНИИ

А. Е. Аствацатуров, М. А. Басилаиа

В процессе глобализации человечество критически относится к традиционным идеалам развития цивилизации. Идет напряженный поиск рациональных путей развития, новых ценностей, которые могли бы разрешить противоречия и защитить цивилизацию от глобальной катастрофы. Любая философская система есть разрешение противоречий времени. Философское понимание экологического противоречия и пути восхождения к ноосфере дает концепция космогармонии, опирающаяся на диалектическое единство фундаментальных и философских знаний, ведущих к новому миропониманию.

Информационная эра с ее технологиями, глобальными взаимосвязями и их последствиями неузнаваемо изменила наш мир. Человечество еще не успело адаптироваться к быстро развивающимся информационным технологиям, изменившим традиционно существующие представления людей о себе, о взаимодействии их между собой и средой своего обитания, развитии общества и культуры. Сегодня почти все сферы человеческой жизни оказались во власти глобальной компьютерной сети Интернет, его новых принципов организации нашего бытия: сетевого, виртуального, интерактивного. В результате возникли такие новые явления, как цифровая экономика, дистанционное обучение, электронное управление и контроль и т. п., способствующие созданию виртуальных сообществ, объединяющих огромное количество людей разных континентов, приверженных какой-либо определенной идее.

Новая информационная открытость и технологическая революция способствовали ускорению синтеза национальных экономик в единую общемировую систему, породившую коммуникационное сближение индустриальных стран, открывших буквально лавинное движение товаров и капитала, качественно изменивших природу бизнеса.

Принципиально важно, что при этом произошло и продолжает развиваться изменение предмета производства современного общества. Если на протяжении всей истории человечества основной базой существования были природные ресурсы, то сейчас появляется новый феномен. Поскольку современные информационные технологии стимулировали появление новых более прибыльных направлений в бизнесе, проблема преобразования природы дополнилась фактором изменения как индивидуального, так и коллективного человеческого сознания. Оба этих фактора, как известно, являются приоритетными в процессах катастрофического развития глобального экологического кризиса.

Таким образом, глобализация, в создавшихся объективных условиях определяемая рыночными, а не государственными силами, содержит опасный потенциал расширения экологической катастрофы. В этой связи и без того актуальнейшая проблема экологической безопасности становится доминирующей мировой проблемой¹.

В экологических процессах планеты механические, химические и биологические явления природы состоят почти полностью из непрерывного превращения энергии. Любая сложная система независимо от того, искусственная она или естественная, строго подчинена важнейшим законам природы, имеющим универсальное значение. Биосфера, или глобальная экосистема, не подчиняющаяся этим законам или поставленная в условия, при которых законы природы будут нарушены, обречена на гибель.

Закономерно, что идея о новой эре физики начала формироваться с появлением закона сохранения энергии. Именно этот закон, как мы понимаем, должен привести в конечном счете к широкому раскрытию, пониманию и обобщению космогармонии и достижению экологического равновесия. Именно поэтому для поддержания логической связи с экологической безопасностью вспомним несколько основных положений из термодинамики.

Энергию в экологических системах (как и энергию вообще) определяют как способность производить работу, иначе говоря, энергия экосистемы понимается как сумма способностей этой системы к действиям, определяющим ее жизнедеятельность. Первый закон термодинамики, или закон сохранения энергии, гласит, что энергия способна переходить из одной формы в другую, но она есть величина неизменная, то есть не исчезает и не создается заново. Второй закон термодинамики, или закон энтропии, утверждает, что процессы, связанные с превращениями энергии, могут происходить самопроизвольно только при условии, что энергия переходит из концентрированной формы в рассеянную (деградирует); другими словами, поскольку некоторая часть энергии всегда рассеивается в виде недоступной для использования тепловой энергии, эффективность самопроизвольного превращения кинетической энергии (например, солнечного света) в потенциальную (например, энергию химических соединений протоплазмы) всегда меньше 100 %.

Изучая сложные процессы, связанные с рассеянием энергии, то есть стремлением мировой энергии к повсеместному уравниванию, Клаузиус вводит термин «энтропия», под которым понимает величину уже превращенной энергии, то есть энергии, поставленной в такие условия, что она уже не совершает обратных превращений (например, теплота, рассеянная в космосе). Отсюда понятны основные положения Клаузиуса: 1) энергия Вселенной постоянна; 2) энтропия Вселенной стремится достигнуть максимума². Таким образом, сумма энергии всей Вселенной есть величина неизменная, но этого нельзя сказать о различных частях Вселенной, в том числе и об экосистемах. Хотя согласно первому закону термодинамики энергия не создается и не уничтожается, тем не менее все разнообразие проявлений жизни характеризуется непрерывными превращениями энергии. Жизнь живых организмов поддерживается не энергией как таковой, а ее превращениями (процессом).

¹ Мазур, И. И., Чумаков, А. Н. Глобалистика: Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М., 2003. – С. 199–204.

² Clausius, R. *Therie mecanique de la chaleur*. – Paris: Lacroix, 1868. – Т. 1. – Р. 420.

Обратимся к интересующей нас теме, событиям совершенно реальным, но вполне противоположным оптимистичным увлечениям тенденцией экологической стабильности.

Экологические системы, их взаимодействия, в глобальном смысле обеспечивающие условия жизни на нашей планете, тесно связаны с теми родами превратимой энергии, которые распределены на Земле³.

В наше время постоянно растущую роль в балансе энергетического бюджета биосферы начала играть энергетическая компонента, вносимая деятельностью человеческой цивилизации. Эта относительно новая для планеты информационно-энергетическая составляющая жизнедеятельности биосферы, естественно, никогда не входила в «расчеты» стабильной эволюции Земли и ее жизненно важного энергетического баланса. Однако реальные процессы «технического прогресса» цивилизации почти никогда практически системно не связываются с глобальными экологическими событиями с целью сохранения стабильности жизнеобеспечивающих процессов планеты. С каждым днем растут потребительские устремления так называемых «цивилизованных» государств с откровенной целью получения сверхприбылей.

Соблазн потребительства увлекает сегодняшнюю цивилизацию (во всяком случае, огромную ее часть) в бесконечную бездну иллюзорных плотских «радостей», носящих печать бездуховности и одичания, обрекая на гибель все то, что является основой жизни человека и всей биосферы – природу, гармонию земных структур Вселенной. А все, что ведет к разрушению основ цивилизации, естественно, отражается в нашем сознании, запечатлевая все реальности и формируя сознание, соответствующее плотско-потребительской, роковой, очень трудно излечимой болезни⁴.

Характерно, что термин «*krisis*» в переводе с греческого означает «решение», «приговор», «решительный исход». Таким образом, понятие «экологический кризис» достаточно точно и четко раскрывает смысл приговора и решительного исхода за алчное, бесконтрольное, мотивированное лишь бесконечной прибылью разрушение природы. И это наперекор подлинным ценностям материальной и духовной жизни общества и соблюдению его моральных устоев.

Когда среди глобальных катастроф, описанных летописью человечества, мы находим сведения о гибели материка Атлантиды, о внезапных крупномасштабных, с трагическими последствиями разрушениях (потопах, землетрясениях, извержениях и т. п.), то невольно начинаем размышлять над тем, что подобные явления уже начали проявлять себя с невиданной частотой, особенно интенсивно со второй половины XX в. При этом опыт показал, что трагические последствия для общества могут заключаться не только в человеческих жертвах и материальном ущербе, они могут также выражаться в тяжелой психической травме (как отдельных индивидуумов, так и общественного сознания, втянутого в глобальные катастрофы),

³ Вот основные из них: энергия вращения Земли вокруг Солнца и вокруг своей оси; внутренняя теплота Земли, которая проявляется в извержениях вулканов, землетрясениях (силы неожиданного, пертурбационного, разрушительного действия); движение воздуха (ветер); химические средства и соединения; сила водных течений и перемещений воды; энергетические события, связанные с деятельностью антропосферы и техносферы.

⁴ Басилаиа, М. А. Эволюция экологического сознания в условиях современного общества. – Ростов н/Д., 2006.

приводящей к коренным изменениям сознания с последующей деформацией характеров, принципов, взглядов и устоев людей, определяющих их образ жизни. Разумеется, все это находило отражение во взглядах мыслителей, принадлежащих к самым разным эпохам.

В последние десятилетия XX столетия энергетике как ключевому фактору любого развития уделялось много внимания в научных публикациях как в нашей стране, так и за рубежом. Однако адекватного резонанса в обществе не наблюдалось, скорее, были некоторые бросания в крайности: надвигающийся грозный дровяной кризис в развивающихся странах и постоянные скачки цен на нефть на мировом рынке; в середине 70-х гг. мир захлестывала технократическая эйфория, связанная с тем, что АЭС разрешит все энергетические проблемы.

Итак, происходит расхищение природной жизнеобеспечивающей энергии и одновременно накопление негативной разрушающей энергии, бесконтрольное действие которой не может быть прогнозируемо. Под расхищением экологической энергии мы понимаем действия людей, вызывающие рассеяние (деградацию) глобальных экосистем, ведущие к уменьшению бюджета превратимой энергии биосферы. Понятие «расхищение природной энергии» связано с действиями человечества, ибо помимо таких действий происходит постоянная утечка энергии в окружающее пространство, то есть естественное рассеяние⁵. Расхищение природной энергии подразумевает увеличение этого рассеяния особой деятельностью людей, неизбежно провоцирующее растрату лишней энергии, результатом которой становится экологический дисбаланс с вытекающими из этого негативными последствиями, в том числе и для человеческого общества.

К числу серьезно угрожающих экологической безопасности планеты относятся, например, все крупные энергетические корпорации и другие структуры, имеющие прямое отношение к атомной, нефтяной, газовой, угольной и т. п. промышленности, создающие сверхзагрязнения (то есть выбросы, которые природа не в силах очистить своими силами), радиационные отравления регионов, уничтожение флоры и фауны планеты. Экологической безопасности угрожают войны со всеми катастрофическими для экологии планеты последствиями на суше, в воде и в атмосфере. Все эти явления не более как расхищение природно-экологической энергии, находящейся в распоряжении сферы жизни – биосферы. Нет сомнения, что возможность более разумного для природы и выгодного для человечества распределения этой энергии находится в очень высокой степени в руках самого человека.

В. И. Вернадский одним из первых предсказал, что человечество становится мощной геологической силой и что мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы и входим в ноосферу. А пока результаты научных анализов свидетельствуют о том, что экологический кризис окружающей среды, вызванный деятельностью человечества, представляет угрозу не только благосостоянию, но и самому выживанию общества. И несмотря на ряд инициатив МГБП и других международных программ⁶, экологическая неустойчивость и процессы расхищения эколого-энергетического ресурса продолжат нарастать. В связи с этим Институт всемирного наблюдения (ИВН)⁷ разработал концепцию перехода

⁵ Термин «расхищение энергии» введен С. А. Подолинским (1880).

⁶ Осознание масштабности экологического кризиса вызвало к жизни Международную геосферно-биосферную программу «Глобальные изменения», определяющую стратегию международных научных исследований (1980), другая программа – «Человечество и глобальные изменения» (1987).

⁷ Наиболее часто цитируемым источником по глобальным проблемам современности в этот период стал Институт всемирного наблюдения (ИВН), который возглавил американский ученый Лестер Браун.

на путь устойчивого эколого-экономического развития⁸, лейтмотивом которой становится так называемый «экологический дефицит». Когда давление на природные экосистемы превышает их продуктивные возможности, возникает экологический дефицит. По сути это удовлетворение потребностей сегодняшнего дня за счет ресурсов будущего, то есть эксплуатация будущего, которая недопустима как по моральным, так и по материальным соображениям. ИВН отмечает сходство причин, порождающих экологические и экономические дефициты. Но не следует упускать из виду, что если экономические дефициты ощущаются немедленно, то экологические дефициты осознаются замедленно и чаще всего тогда, когда экология оказывается в состоянии кризиса, когда возобновимые природные ресурсы становятся невозобновимыми.

Оказавшись в состоянии экологического дефицита, общество, потрясаемое катастрофами, начинает поиск универсального решения выхода из кризиса. Сегодня очевидно: программы и благие пожелания, изложенные в экоспасительных документах и литературных источниках, имеют настолько низкий коэффициент полезного действия, что уровень экологической стабильности, безопасности планеты непрерывно снижается. Экологический дисбаланс ставит перед человечеством первостепенную задачу – обеспечить экологическую безопасность и выживание общества.

Человечество оказалось перед дилеммой – быть или не быть, требующей скорого разрешения. Однако прогресс социума, стимулируемый преимущественно той деятельностью, главным вектором которой являются потребительские амбиции и мнимый комфорт материального происхождения, оказывается в тупике экологического дисбаланса. Такая ситуация ставит перед человечеством актуальные вопросы: существует ли фактор, способный уравновесить превалирующие материально-экономические амбиции общества? В чем смысл той деятельности, которая своим вектором нового направления создаст равнодействующую силу эволюции, ведущую не в тупик экологического разрушения, а в сторону стабильной ноосферной перспективы? Как философ должен открыться слиянию частных противоречий времени в их принципиальной основе и как разрешить этот вопрос в своем творчестве?

Поиск универсального выхода из негативного процесса развития сегодня есть общая цель всего человечества вне каких-либо границ и социальных разделений.

Таким универсальным процессом может стать совершенство деятельности и образа жизни цивилизации, основанное на принципах реального гармонического единства с природой, со всей окружающей планетарной и космической средой, – процесс **космогармонии**.

Это вселенский целостный процесс, который сохраняет противоположности в единстве и самоорганизует все на основе числовых отношений во Вселенной и в микрокосмической и макрокосмической сферах. Процесс космогармонии обусловливается постоянством энергии в однородном пространстве и бесконечным кинематическим изменением во времени. В перспективе мы ставим перед собой задачу не только концептуального описания этих явлений на языке философии, но и попытки с позиции фундаментальных подходов и создания их начальных моде-

⁸ Эта концепция разрабатывается в ряде монографий Л. Брауна, кроме того, она нашла отражение в книге «Наше общее будущее. От единой Земли к единому миру» – итоговом труде Комиссии ООН по окружающей среде и развитию, возглавляемой Г. Брундланд (Норвегия).

лей приблизить результаты многолетних исследований к реальным задачам раскрытия идей космогармонии⁹. С другой стороны, современные исследования в области психологии подводят нас к рубежу проникновения в глубины психологической базы кризиса – экологическому сознанию людей, ориентированному на решающий человеческий фактор экологической безопасности¹⁰.

Логос космогармонии ставит перед нами само время, сама Вселенная. Необходимо космогармоническое взаимодействие «всего со всем» в системе Хаос – Порядок: Человека и Природы, живой и неживой материи, материи и духа, науки и религии и т. д.

Космогармония – в нашем представлении не статическая красота мира, тем более это не конструкция. Это процесс взаимодействия всего сущего в гармоническом единстве, начало новых знаний, новой науки об экологической безопасности планеты. Гармония спасет мир, это она создаст ту красоту, которую, очевидно, подразумевал Достоевский, говоря о роли красоты в спасении мира. Космогармония – фундаментальная основа принципов функционирования Вселенной, эволюционирующей от точки к бесконечности и обратно по принципу маятника, перемещающегося в среде системы Хаос – Порядок от минимальной энтропии к максимальной и наоборот. Это понятие содержит ключ к управлению процессами развития, подключенными к «механизму небесной бесконечности». Попытаемся ответить на вопрос, поставленный нами ранее: где тот, второй, уравнивающий вектор, который породит равнодействующую спасения, выводящую из катастрофического тупика?

Для того, чтобы остановить деградацию биосферы, оградить человечество от трагического экологического кризиса, кроме новых технологий необходимо новое высококультурное экологически чуткое сознание, назовем его космогармоническим сознанием. Однако одних экологических знаний и даже высокой культуры, видимо, еще недостаточно. Человечеству необходимо осознание высшей реальности и достижение такого мировосприятия, которое впишется в гармоническую (хотя и исполненную драматических ритмов) первосущность Вселенной, включающую многообразие явлений, многие из которых нам пока неизвестны. Вместе с тем совершенно очевидно, что мыслители мира на протяжении тысячелетий напряженно стремились к постижению того обстоятельства, что текучесть и изменчивость присущи эволюции всего в этом мире: и человека, и природы.

Важной заслугой Ф. Капра являются его усилия, направленные на раскрытие научных пластов в трудах древних мыслителей. Западному человеку очень сложно было понять и приобщиться к мысли (особенно в догегелевский период развития философской мысли) о внутреннем единстве всех противоположностей. Однако в восточной философии, в самой ее основе, уже тысячелетия лежит представление о единстве и взаимосвязи противоположностей. На Востоке рассматривали все изменения в природе (в том числе и в физиологии человека) в виде динамического взаимодействия двух противоположностей – инь и ян. Философию такой ориентации востоковеды используют для сравнения, утверждая, что китайские философы «выработали подход, глубоко научный по своему существу, и лишь сильное недоверие к аналитическому методу не позволяло им создавать подлинные научные

⁹ Аствацатуров, А. Е. Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем. – Ростов н/Д., 2003. – С. 210, 271.

¹⁰ Басилаиа, М. А. Глобальные проблемы экологической безопасности. – Ростов н/Д., 2007. – С. 29, 63.

теории». Тем не менее вдумчивые наблюдения за природой, соединенные с глубокой интуицией, привели восточных мудрецов «к поразительным открытиям, справедливость которых подтверждают современные научные теории»¹¹. Автор названной работы Ф. Капра приводит интересную параллель мировоззрения двух мыслителей VI в. до н. э. Одновременно с мировоззрением Лао-цзы, нашедшим последователей в Китае, проповедовавшим идеи о непрерывности изменений («все течет») и их циклическом характере, в Греции Гераклит из Эфеса описывал мироустройство с «вечно живым пламенем, то возгорающимся, то гаснущим». Идеи, воплощенные в образы Гераклита, и представления китайского философа о циклическом чередовании инь и ян отражают значительное сходство мировоззрения этих мыслителей.

Таким образом, мыслители разных философских школ совершенно независимо пришли к выводу о том, что изменения являются динамическим чередованием противоположностей, а все противоположности полярны, следовательно, едины. Что касается самого человека, то для него в динамическом чередовании двух противоположностей в первую очередь выступают понятия добра и зла, соотносящиеся как ян и инь¹².

Что же касается сложной системы «человек – природа – космос», или «человек – биосфера – космос», то вопрос универсального решения задачи выхода цивилизации из экологического кризиса может иметь реальную оптимистическую перспективу. Надежность такой системы, а значит, и ее экологическая безопасность, будет непременно выше, если удастся создать гармонический синтез материальной и духовной составляющих нашего мира.

Взаимосвязь двух фундаментальных сфер в единой системе, их гармоническая целостность и взаимодополняющая функциональная неразъемность могут стать космогармоническим гарантом глобальной экологической безопасности.

Однако оптимизм такого решения задачи экологической безопасности связан с чрезвычайной сложностью. Мир давления на природу постоянными антропогенными и техногенными стрессами должен быть заменен другим, совершенно новым миром – миром согласованности, гармонической взаимосвязи человека и природы, миром непримиримого противостояния расхищению и разрушению информационно-энергетического ресурса планеты. Чрезвычайно важно, чтобы в новый мир человека, его мировоззрение и образ жизни вошла толерантность, то есть нравственное качество, которое характеризует отношение к человеку как к равно достойной личности (независимо от национальных, расовых, культурных, религиозных и других отличий).

Любая философская система есть разрешение противоречий времени. Космогармония целенаправлена на разрешение противоречий между природой и человеком, это земная или биосферная компонента общевселенской космогармонии. Но пока в сегодняшней ситуации потребительские страсти и волонтаристские действия человечества могут вести к непредсказуемым сценариям эволюции и чреваты глобальной катастрофой. Именно поэтому важным шагом должна быть практическая составляющая решения глобальных задач.

¹¹ Капра, Ф. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока. – СПб., 1998.

¹² Там же. – С. 98–100.

Основное противоречие нашего времени должно быть разрешено в гуще жизни социума в практической сфере, при такой практике должна быть доступна глобальность.

Жизнь человечества, жизнь социума может осуществить разрешение основного противоречия времени лишь путем повышения духовности людей, их духовной культуры до уровня глубокого осознания необходимости жесткой ориентации на созидательный в отношении среды обитания образ жизни.

Тяга к тому, чтобы приветствовать новый мир, как бы мы его ни назвали – ноосферой или постиндустриальным ренессансом, – без упорного, целенаправленного труда ни к чему не приведет. Простое понимание различных методов видения (как это проявилось после международного конгресса в Рио-де-Жанейро в 1992 г.) не дает практического решения глобальной задачи. Широта взглядов не заменила необходимого творчества и практических созидательных действий в глобальных масштабах. Признание приемлемости альтернативных оснований, способов и прогнозов создания новых миров еще не дает никакой научной теории или философской системы.

В настоящее время экологическое противоречие времени относительно осознано, но совершенно не освоено. Об этом красноречиво свидетельствует то, что региональные глубоко корыстные противоречия властвуют над человечеством, все более умножая экологический дефицит. И в этой ситуации, в становлении упорного труда, направленного на создание основ нового мира, того ноосферного мира, о котором мечтал В. И. Вернадский, мира экологического ренессанса XXI в., трудно переоценить глобальную роль философии.

Экологическая стабильность, безопасность эволюции, позволяющая человечеству выжить в условиях жестких вызовов Вселенной, – это наша судьба, это то, от чего мы не имеем никаких возможностей уклониться. Огорчает ли нас то, что вокруг, обнаруживая какие-то знания, тем не менее мы постоянно натываемся на тайны, или, наоборот, радуется – это зависит от личности наблюдателя. А у наблюдателя должно быть основание, то есть суждение или идея, из которой происходит какая-либо действительность. Эта мысль получила резонанс и в высокометодичной и мировоззренческой работе Хайдеггера. «Куда ни бросит взгляд, – сокрушается Хайдеггер, – обсуждение “Положения об основании” с первых шагов погружается во тьму»¹³.

Видимо, так устроен наш мир: ясное нуждается в темном, а свет – в тени, иначе что было бы нам прояснять. По этому поводу Гете в свое время привел очень меткую фразу, принадлежащую Иоганну Георгу Гаману: «Ясность есть надлежащее распределение света и тени». Однако если мы обратимся к космогармонии человека, а это отдельное новое понятие, то под таким углом зрения мы видим, что свет рассеивает тьму и по этому же космическому закону, но уже не в физическом, а духовном мире, любовь разгоняет зло. Наше знание и развитие силы любви ко всему окружающему миру дает возможность преодолеть все разрушающие последствия агрессивной ненависти.

Попробуем разглядеть такое распределение света и тени в экологических процессах современной биосферы. Экологическая стабильность и вытекающая отсюда экологическая безопасность нашей цивилизации – эти емкие понятия в условиях бурного развития техносферы вышли на самый передний край актуальных про-

¹³ Хайдеггер, М. Основные проблемы феноменологии / М. Хайдеггер // Положение об основании / пер. с нем., глоссарий, послесл. О. А. Коваль, предисл. Е. Ю. Сиверцева – СПб., 2000.

блем выживания человечества. Биосфера и внедренная человеком в ее среду техносфера – это непрерывно развивающиеся глобальные системы. А продукты техносферы и ее взаимодействия с биосферой обеспечивают благоприятные условия жизни человечества. Во взаимодействии этих двух глобальных систем и заложена связь света и теней. Каждая из этих сложнейших систем отличается своей спецификой роста, сложностью и разнообразием ее составляющих. Сложность в том, что, дополняя глобальное единство, они вступают в глубокие противоречия. Судьба человечества в настоящее время взаимосвязана и в высшей степени зависима от экологических процессов, происходящих в этих системах. В этой связи выходит на первый план кардинальнейшая из проблем современного человечества: обеспечение такого характера и состояния динамики развития технологий общества и сложных экологических систем, которые будут способствовать стабильной и безопасной жизнедеятельности человечества и всего живого на Земле.

Входя в космогармоническую сферу мышления, мы начинаем ощущать потребность в расширении поля действия доступных знаний. Рассматривая сложную нелинейную систему «человек – биосфера – космос», представляем целесообразным попытаться сочетать философские размышления с фундаментальными знаниями о мировых экосистемах и факторе человека в их среде.

Все, что связано с космогармонией, имеет прямое отношение к глобальным стихиям и экосистемам, обеспечивающим жизнедеятельность биосферы Земли. А изучение и даже краткая характеристика значения мировых экосистем в эволюции нашей планеты, будучи сложным многогранным вопросом, требует фундаментальной научной базы.

Начала фундаментальных обоснований в философии глобальной экологической безопасности подробно рассмотрены нами в исследовании ряда новых теоретических направлений¹⁴. Основные мотивы этих начал следующие.

Философии никогда не был чужд язык абстракций, но обращение к услугам, скажем, математики случалось реже. Но вот вопрос: не являются ли объединенные и творческие диалоги между ними (пусть даже противоречивые) катализаторами великого прогресса, продвигающего к истине?¹⁵

Вспомним оценку Канта достоинств математического мышления, которое «научает разум усматривать в великом и малом порядок и правильность природы, а также удивительное единство ее движущих сил и тем самым дает разуму повод и стимул для применения, выходящего за пределы всякого опыта и, кроме того, дает философии, занимающейся этими вопросами, превосходный материал, подкрепляющий ее исследования, насколько это допускает их характер соответствующими созерцаниями»¹⁶.

Взаимосвязь философии и фундаментальных наук, прежде всего математики, представляет одну из научных основ теории выхода из экологического кризиса. Каждая из этих фундаментальных дисциплин обладает своими ничем не заменимыми силами, знаниями и культурой постижения мира, дополняющими друг друга. Здесь еще раз иллюстрируется важность такого огромного философского шага, как введение Нильсом Бором принципа дополнительности.

¹⁴ Аствацатуров, А. Е. Философия научного оптимизма в решении планетарных экологических проблем. – Ростов н/Д., 2003. – С. 159, 183, 271.

¹⁵ Он же. Начала математических обоснований концепции экологической стабильности. Философия глобальной безопасности жизнедеятельности современной цивилизации. – Ростов н/Д., 2003. – С. 33.

¹⁶ Кант, И. Критика чистого разума. – М., 1964. – С. 599.

Проявление принципа дополнительности в диалектическом единстве фундаментальных и философских знаний, являющих дуальную целостность глобальной космогармонии, открывает новую страницу в творческом поиске числовой меры гармонического сочетания противоречивых проявлений материального и духовного миров. Именно такая гармония, вытекающая из законов Вселенной и ее constant, способна создать естественные условия, при которых единство и борьба противоположностей может происходить в русле созидательного, а не деструктивного процесса.

Исследование, от которого мы ждем не только объяснений, но и изменения проблемной ситуации, должно начинаться с ясного и обоснованного раскрытия начальных условий. Начальные условия процессов развития техносферы подчинены дифференциальным законам и связаны с понятием цели, которая выступает как переход от прогноза к плану, от констатации – к осуществлению ранее возникшего образа или модели. Начальные условия глобальной катастрофы связаны с возникновением нелинейных процессов, создающих опасные факторы (например, крупная авария на АЭС или любая экологическая катастрофа континентального масштаба), которые при определенных условиях приводят к разрушительной катастрофе. Начальные условия связывают в единую систему факторы техносферы и человека, его конкретную деятельность, принятые решения. Сегодня человеческий фактор там, где проблема связана с техносферой и антропогенными причинами, занимает ведущее место и определяет исход события. Здесь «начало» таит в себе некую каузальную задачу. Что привело к роковой ошибке человека, принявшего то или иное неправильное решение? В чем причины, побудившие оператора действовать неточно, ошибочно, хотя, возможно, существуют точные инструкции и оператор обучен и имеет профессиональные навыки? Человеческий фактор (на который в последнее время все чаще ссылаются при расследовании причин катастроф) – чрезвычайно сложная категория, и этот вопрос побуждает к большим специальным исследованиям.

Для достижения высокой степени принципиально нового информационного совершенства, обеспечивающего гармонию взаимодействия человечества и природы, для достижения экологической безопасности, открывающей дорогу дальнейшему развитию человечества, необходимы новые знания, которые включают новое мировосприятие на основе системного подхода и достижений духовных ценностей глобализации, ведущих нас к новому космогармоническому миропониманию.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРОПА С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Т. Камуселла

1. Многоязычие Центральной Европы

Существует много определений Центральной Европы. В рамках настоящей статьи она рассматривается как центральная треть континента или территория, ограниченная Италией, немецкоговорящими политиями Германии и Австрии на западе и многоязычной Российской Федерацией на востоке.

Общая лингвистическая картина Центральной Европы, наблюдаемая нами сегодня, формировалась в период между приходом в X в. венгров (или скорее союза финно-угорских и тюркских этнических групп) в бассейн Дуная и основанием в XIV в. романоговорящих княжеств Валахии и Молдавии (то есть предшественников современных Румынии и Молдавии). В центре этого региона, являющегося частью немецкоговорящей территории, от Черного моря до Австрии говорят на восточно-романских языках, молдавском и румынском, а также финно-угорском языке венгров. Этот многоязычный пояс разделяет северные и южные славянские диалектические континуумы (то есть географически непрерывные зоны, в пределах которых язык постепенно изменяется от местности к местности; расхождение и взаимное непонимание возникают при встрече двух континуумов). В настоящее время северный славянский диалект отождествляется с польским, чешским, словацким, белорусским, украинским и русским языками, в то время как южнославянский – это словенский, хорватский, боснийский, сербский, черногорский, македонский и болгарский языки.

У Средиземного моря и Босфора, на южной окраине Центральной Европы, индоевропейская языковая семья отделяет албанский и греческий языки (непонятные друг для друга, неродственные), которые тесно контактируют с турецким языком, являющимся частью тюркского диалектического континуума, простирающегося до Казахстана, Средней Азии и Восточного Китая. На севере сохранились лишь балтийские языки – литовский и латышский, стиснутые северным славянским диалектическим континуумом и финно-угорским языком эстонцев.

2. Религия, язык и идентичность

До настоящего времени люди в Центральной Европе старались выражать свою идентичность больше через религию, чем через язык. Все три монотеистические религии дополнены своими Священными Писаниями и соответствующими традициями грамотности, наиболее явно выраженными в различных системах письма (азбуках), используемых для записи «священных языков». Соответственно евреи пишут на иврите символами древнееврейского оригинала Пятикнижия, а мусуль-

мане – арабскими символами арабоязычного оригинала Корана. Что касается христиан, те, кто придерживается веры Папы Римского (католики), используют латиницу (римский алфавит) Вульгаты, или официальный латинский перевод Библии. Принявшим христианство от Византии и в настоящее время почитающим Патриарха Константинопольского (в Стамбуле) главой Православной церкви в большей степени позволено многоязычие. Греки (а раньше также и православные славяне, албанцы и турки под прямым духовным руководством Константинополя) используют греческий алфавит древнегреческого оригинала Нового Завета. В середине IX столетия славяне Великой Моравии (сегодняшних Чешской республики, Венгрии и Словакии) приняли христианство из Византии, но на славянском языке Салоники, написанном особым алфавитом – глаголицей. В следующем веке кириллица (разработанная в Болгарской империи) вытеснила глаголицу, а язык, известный как церковнославянский, остается по сей день языком богослужения у православных славян (главным образом на Восточных Балканах, в Белоруссии, России и Украине).

Относительно вопроса грамотности, веры и идентичности в контексте Центральной Европы необходимо упомянуть Армению и Грузию, которые были первыми двумя государствами, принявшими христианство в качестве государственной религии в начале IV в. Это событие сопровождалось созданием специальных армянского и грузинского алфавитов, с их помощью Библия была переведена на армянский и грузинский языки. Со временем грузинская церковь стала частью православной, в то время как армянская (апостольская) церковь сохранила свой исключительный (монофизитский) характер и организацию. Христианство и соответствующие традиции грамотности, дополненные своеобразными системами письма, позволили армянам и грузинам выжить как отдельным этническим группам, когда в их земли вторглись византийцы, арабы-мусульмане, зороастрийцы и позже – исламская Персия, Османская империя и Россия.

В католических регионах Центральной Европы благодаря росту самобытных и прочных государств и подтверждению в них светской власти люди начали писать на новых административных немецком (XII–XIII вв.), чешском (XIV–XV вв.), польском (XV–XVI вв.) и хорватском языках (XVI–XVII вв.), очевидно, с использованием латиницы. Единственным исключением было Адриатическое побережье на северо-западе Хорватии, где католическая традиция церковнославянской литургии на глаголице сохранялась до середины XX столетия. На территории православных государств этого региона в XVI в. в официальных целях стали использовать румынский язык, и до середины XIX в. письменность существовала на кириллице. Основанный на кириллице славянский диалект русинского языка (рассматриваемый как общий предок белорусского и украинского языков) был до конца XVII столетия официальным языком Великого княжества Литовского (граничившего с современными Литвой, Белоруссией и Украиной). В Османской империи османский (старотурецкий) и персидский языки использовались соответственно для государственных и образовательных целей и вполне предсказуемо оба кратко записывались арабскими символами. В XV в. боснийским славяноговорящим мусульманам необходимо было делать записи на славянском языке, что они и делали с помощью арабского письма. Издания на славянском языке арабскими символами, написанные и изданные до начала 1940 г., считаются истоками боснийского языка. Татары-мусульмане, заселившие в XIV в. Великое княжество Литовское, подобным же образом записывали русинский и польский языки. Точно

так же поступали этнические греки и албанцы, исповедовавшие ислам, записывая свой язык арабскими символами; когда в начале XV в. евреи создали собственную письменность – идиш – на основе немецкого языка, а на основе романских диалектов – спаньоло (ладино – сефардский язык), оба эти языка были записаны символами иврита.

В католическом сегменте Центральной Европы появление новых письменных языков в XVI–XVII вв. было связано с Реформацией, которая призывала переводить Библию на этнические языки верующих. Позже католическая церковь также использовала этот подход, пытаясь преобразоваться и предотвратить распространение протестантизма. Таким образом, протестантские и католические переводчики превратили венгерский язык в официальный в османской феодальной вотчине в Трансильвании; открыли существование эстонского, латышского, литовского и словенского языков; возродили чешский и хорватский языки; вдохновили появление словацкого. Последний язык фактически сформировался в первой половине XIX в. главным образом под влиянием новой силы – национализма.

Разделение севера и центра Европы между католицизмом и протестантизмом (главным образом лютеранством) также отразилось на библейских традициях. Католики использовали латинский шрифт антикву, а протестанты – готический стиль (старинный готический шрифт, или фрактуру). Это не являлось абсолютной нормой, поскольку католики, говорившие на немецком и чешском языках, использовали готический шрифт, в то время как кальвинисты, говорившие на венгерском и польском, – антикву. В националистическом XIX в. использование готического шрифта постепенно ограничивалось немецким языком, хотя некоторые эстонские, латышские и литовские книги издавались в готическом стиле до периода между Первой и Второй мировыми войнами.

Другим следствием Контрреформации стала попытка привести православное население католических государств Польши-Литвы и исторической Венгрии (примыкавшей к современной Венгрии, Словакии, Юго-Западной Украине, Северо-Западной Румынии, Северной Сербии и Северо-Западной Хорватии) к союзу с Католической церковью. В результате были созданы униатские церкви (греко-католические). В случае с униатством Трансильвании и православных румын эта реформа облегчила принятие румынского языка как языка богослужения, записываемого преимущественно латиницей.

3. Современность, язык и национализм

В начале XIX в. армия Наполеона принесла идеи национализма в Центральную Европу. Немецкие и итальянские националисты разработали особую центрально-европейскую форму национализма, которую можно более точно обозначить с помощью прилагательного «этнолингвистический». Эта этнолингвистическая национальная идеология привела к тому, что все носители различных диалектов, считающихся одним языком, образуют нацию. В свою очередь непрерывная область, населенная членами такой лингвистически определенной нации, должна быть организована в национальное государство. Успех Итальянского королевства (1861 г.) и Германской империи (1871 г.), построенных подобным образом из множества политий, воодушевил появление различных этнолингвистических национальных движений на территории Центральной Европы. Эти национальные движения подвергли опасности существование многонациональных государств: России, Австрии и Османской империи, в состав которых в те времена входила данная область.

В Австрийской империи немецкий язык пришел на смену латинскому в качестве официального языка в конце XVIII в., но протест в венгерской части монархии против такого изменения привел к восстановлению латыни в Венгерском королевстве, где она оставалась официальным языком до середины XIX в. Превращение Австрийской империи в Австро-Венгрию в 1867 г. сделало венгерский язык официальным языком Венгерского королевства. В австрийской части двойной монархии немецкий оставался самым важным языком, но на территории коронных земель (административных областей) и общин, где не говорили на немецком, в качестве официальных, равнозначных официальным и вспомогательных языков были признаны хорватский (сербскохорватский), чешский, польский, словенский и основанный на кириллице русинский (украинский) (в 1850-е гг. попытки убедить украинцев писать и печатать на латинице в конечном счете провалились). В венгерской части империи только хорватский язык был признан официальным в коронных землях Хорватии, хотя сербский (основанный на кириллице сербскохорватский язык), словацкий, румынский и основанный на кириллице русинский языки были неохотно приняты как средства обучения и церковной службы. В Боснии, захваченной Австро-Венгрией в 1877 г., помимо немецкого языка по-разному называемые славянские (боснийский, хорватский, сербскохорватский) языки использовались в управлении и издательском деле, латиница – для католиков (определяемых как хорваты), кириллица – для православных (идентифицируемых как сербы) и арабские символы – для мусульман (определяемых как боснийцы).

В западных областях Российской империи немецкий и польский языки использовались в качестве официальных. Первый – на территории современной Эстонии и Латвии, второй – там, где сегодня находятся Литва, Белоруссия и Центральная Украина. Формирование русского языка началось в начале XVIII в. с указа Петра Великого об использовании модернизированной кириллицы (гражданки, или гражданского шрифта, оформленного по образцу латиницы, или ее самой популярной формы – стилем антиква) для издания нецерковных книг на церковнославянском языке. Во второй половине XVIII в. русский язык, записываемый гражданкой, был унифицирован на основе церковнославянского и московского диалекта. Использование русского языка для литературного дела и управления распространилось в первой половине XIX в. Во второй половине этого столетия русский язык заменил немецкий и польский в западных областях как единственный официальный язык. Запрет был наложен на белорусский и малорусский (украинский) языки, потому что они рассматривались как «недостойные крестьянские» диалекты (велико)русского языка. Начинаясь использование эстонского, латышского, литовского и основанного на кириллице молдавского (молдовского) языков в начальных школах было отменено к 1905 г. Тогда же немецкий и польский языки были вновь введены как языки управления.

В Османской империи население было разделено на миллеты – нетерриториальные религиозные общины. Так, православные, говорившие на греческом, славянском, тюркском и албанском языках, проживали в православном миллете, а мусульмане – в мусульманском миллете. Административный язык второго миллета совпадал с официальным языком империи – турецким, записанным арабским письмом. В православном миллете доминировал архаизированный византийский греческий язык, хотя некоторое использование церковнославянского языка было неохотно принято в скромных церковных службах и начальных школах в некоторых областях проживания славянофонов. В XVIII в. султан заменил местных ру-

мынских правителей Валахии и Молдавии (Южная и Восточная Румыния) более преданными греческими управляющими из Константинополя, что привело к замене здесь основанного на кириллице румынского языка византийским греческим языком в качестве официального. Турки аннулировали эту договоренность в 1820-х гг., когда Греческая война за независимость привела к основанию независимой Греции (1832), где византийский греческий язык заменил турецкий как единственный официальный язык.

Период с 1810 по 1910 гг. был ознаменован отступлением турков с Балканского полуострова из-за подъема автономных и ставших впоследствии независимыми (преимущественно) христианских национальных государств, получивших поддержку Запада и России. Национальные болгарские, черногорские и сербские лидеры писали на основанном на кириллице церковнославянском языке и отмечали этническое различие по отношению друг к другу, ссылаясь на традиции средневековых государств и православных патриархий, связанных с ними. Эти патриархии существовали после объединения государств в Османскую империю в XIV в. Первым балканским этническим государством, образовавшимся исключительно на основе языка, стала Албания (1913 г.), или государство для албаноговорящих мусульман, православных христиан и католиков.

В 1880-е гг. в Греции развернулось движение за замену византийского греческого (кафаревусы, или «очищенного языка») современным греческим языком (димотикой). Между 1917 и 1974 гг. сначала димотика, а потом кафаревуса были объявлены официальными языками, прежде чем первый окончательно выиграл соревнование. Два варианта греческого не разделились на два разных языка, потому что лингвистическое различие преобразовалось не в этнический раскол, а в политический – греческих консерваторов с кафаревусой и либералов с димотикой. С другой стороны, в греческих православных церквях богослужение по-прежнему проводится на древнегреческом языке Нового Завета.

Аналогично на сегодняшний момент церковнославянский язык сохранен как язык богослужения в славянских православных и греческих католических церквях. Современные языки, основанные на кириллице и национальных славянских языках, были предназначены для мирских дел. Это нововведение распространилось от России до Балкан, где царь вновь подтвердил свою международную роль защитника христиан. Упорядочение болгарского языка осуществлялось по российской модели путем смешения элементов церковнославянского языка и софийского диалекта. Сербский язык, используемый в Сербии и Черногории, также развивался в этом направлении (очевидно, с использованием различных диалектов), но во второй половине XIX в. победила идея создания общего сербохорватского языка для славяноговорящих народов западной половины Балканского полуострова. Впрочем, католики должны были записывать этот язык с помощью латиницы, а православные христиане – кириллицей. Албанцы долго не могли решить, каким образом записать свой собственный язык – на греческом, латинском, кириллице, в арабских символах или же путем смешения всех этих языков, прежде чем в 1911 г. была принята латиница.

С распространением грамотности возрастало значение этнических языков, записанных с помощью специальных символов, для личной (обычно национальной) идентификации. Хотя на территории Центральной Европы полная грамотность была достигнута среди немецкоговорящего населения и чехов к 1870-м гг., на других территориях региона данный процесс завершился только после основания

коммунистического режима вследствие Второй мировой войны. До этого грамотность была привилегией исключительно узких кругов элиты (зачастую ее мужской половины), обозначая принадлежность к дворянству (позже – интеллигенции и среднему классу), «профессиональным туркам» (мусульманским правителям) в Османской империи и духовенству. На территории Центральной Европы, где процветало католичество, элита использовала латынь, знание которой распространилось в восточном направлении среди православных благодаря подъему греческой католической церкви. Отказ от церковнославянского языка в XVIII в. сопровождался распространением в России латинского и немецкого языков как языков познания и достижений. Кроме того, начиная с XVIII в. французский язык стал языком культурного общения по всей Европе. Он стал главным социолектом аристократии Центральной Европы и России и богатого дворянства до их уничтожения как сплоченного слоя во время революции большевиков, а затем во время и после Второй мировой войны. Модернизация Османской империи, которая началась в 1840-х гг., сделала французский предпочтительным языком среди элиты.

4. Лингвистические национальные государства

Период между мировыми войнами

Западные союзники по просьбе делегаций различных национальных движений согласились создать этнолингвистические национальные государства в этом регионе, то есть государства для народов, говорящих на определенных языках, отличных от языков других наций или государств, а именно: Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Чехословакию, Венгрию (или одна треть бывшего Венгерского королевства) и Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Югославия). Единственным ненациональным государством Центральной Европы в период между мировыми войнами был Вольный город Данциг, населенный преимущественно немцами. Недолго просуществовавшие независимые Белоруссия и Украина были разделены между Польшей и Советским Союзом. Однако административное деление второго государства было основано на этнонациональном оубразе республик с их специфическими языками в качестве официальных. Таким образом, украинский язык был официальным языком советской Украины. Советская Белоруссия была исключением в том плане, что, кроме белорусского и русского, там вплоть до 1938 г. наравне с официальными языками использовались не основанные на кириллице идиш и польский.

Советские власти намеренно использовали язык как инструмент политики и социального управления. Например, для предотвращения роста тюркоговорящей мусульманской нации, которая, простираясь от Средней Волги до Крыма и Кавказа и от сегодняшнего Казахстана до Средней Азии, подвергла бы опасности демографически доминирующее положение русских, большевики запретили использование основанных на арабском письме укоренившихся тюркских – татарского и чагатайского – языков, которые широко использовались для общения среди тюркских мусульман. Использование татарского было ограничено Татарстаном, а в остальных местах он был замещен совершенно новыми азербайджанским, башкирским, чувашским, крымским татарским и казахским языками, разработанными на основе местных диалектов. Чагатайский язык полностью исчез, и вместо него были созданы каракалпакский, киргизский, туркменский и узбекский языки. Кроме того, в 1923 г. арабское письмо было заменено латиницей для письма на этих языках, поскольку последний алфавит считался «инструментом прогресса». В 1930-х гг. кириллица заменила латиницу для письма на этих языках.

События в Центральной Европе и Советском Союзе убедили турецких националистов, что их делу может способствовать только отказ от арабоязычных областей Османской империи и перестройка турецкоговорящего центра в турецкое этническое государство. В 1923 г. была провозглашена Турецкая республика. Оттоманский язык, полный многочисленных арабских и персидских заимствований, был заменен на основанный на разговорном языке турецкий язык, особенно интенсивно очищенный («реформированный») от нетюркских элементов в 1930-е и 1940-е гг. В 1928 г. под влиянием советских лингвистических и социальных разработок арабский алфавит был заменен на латиницу для письма на турецком языке. Это событие вызвало кириллизацию латинских алфавитов тюркских языков в Советском Союзе из-за опасения Кремля, что откроется канал для коммуникации на латинице, которая создала бы нежелательное идеологическое воздействие Турции на Советский Союз.

Нормативный приказ по использованию одного языка в пределах одного этнического государства имел настолько огромное значение для узаконивания государственности в Центральной Европе, что типичные многонациональные государства Чехословакия и Королевство сербов, хорватов и словенцев провозгласили соответственно чехословацкий и сербо-хорвато-словенский как свои официальные и национальные языки. Эти два языка были конституционной фикцией, поскольку в действительности оба языка – и чешский, и словацкий – использовались в Чехословакии, в то время как дуалфавитный сербскохорватский и основанный на латинице словенский языки – в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. После провозглашения Югославии в 1929 г. сербо-хорвато-словенский язык стал одноименным, известным как югославский.

Коммунистические годы

Во время и после войны, до 1950 г., произошли значительные изменения границ и огромные многонаправленные этнические чистки. Около 47 млн человек были изгнаны или перемещены. Самым ощутимым результатом этого процесса было исчезновение немецкоговорящих общин в Центральной Европе и немецкого как ведущего языка межэтнической коммуникации в регионе.

Подобным образом в национальных государствах Центральной Европы был достигнут беспрецедентный уровень этнолингвистической однородности. В послевоенной конституционной структуре населения Чехословакии, состоящей из двух братских народов – чехов и словаков, – последние рассматривались как инструмент сохранения чешского господства над Чехословакией. В 1969 г. государство было перестроено в двунациональную федерацию с подлинным полным чехословацким билингвизмом. Эстония, Латвия и Литва, присоединенные к Советскому Союзу, были превращены в союзные республики соответственно со своими языками как официальными и одновременно национальными; и, что необычно, этим языкам не была навязана кириллица.

В послевоенной Югославии невозможно было утвердить ни конституционную фикцию югославского языка, ни унитарный характер государства. Государство становилось федерацией. Недавно образованные основанные на кириллице македонский и словенский языки были исключены из югославской общности и стали официальными и национальными языками югославских республик – соответственно Македонии и Словении. Официально названный сербохорватский/хорвато-сербский язык был сохранен как общий язык для других республик, но в Хорватии он записывался латиницей, в Сербии – кириллицей, и двумя этими системами

письма – в Боснии и Черногории. Однако диалектная основа этого языка несколько отличалась во всех этих четырех республиках в соответствии с законом. Кроме того, в Сербии в автономной республике Косово албанский язык был приравнен к официальному, в то время как в другой автономной республике – Воеводине – этот статус был разделен между венгерским, словацким, румынским и русинским языками.

5. Период после коммунизма

Постсоветские государства

Падение коммунизма в 1989 г. также положило конец этой жизнеспособной идеологии узаконивания государственности. Это ускорило распад умышленно ненационального коммунистического государства Советский Союз на 15 этнолингвистических национальных государств, включая Белоруссию, Эстонию, Латвию, Литву, Молдову и Украину, на территории Центральной Европы. Преобразование в этнолингвистические национальные государства наиболее успешным было в случае трех прибалтийских республик, где русский язык не имел никакого официального статуса, хотя русскоговорящего населения насчитывалось не более и не менее чем одна треть жителей Эстонии и Латвии. В Украине была основана автономная Крымская республика с основанным на латинице крымско-татарским и русским языками как официальными. В Белоруссии после периода 1991–1995 гг., когда белорусский был единственным официальным и национальным языком, русский стал вторым официальным языком, хотя де-факто это – *доминирующий* язык, который эффективно дебелорусифицировало государство. Таким образом, на сегодняшний момент Белоруссия является единственным центральноевропейским этническим государством, которое не отделяет узаконивание государственности от языка.

В Молдове кириллица была заменена латиницей для записи молдавского языка, что из практических соображений сделало его идентичным румынскому языку. Все это вместе с идеей объединения страны с Румынией привело к отчуждению русскоговорящего населения, сконцентрированного к востоку от реки Днестр. В Приднестровье основанные на кириллице молдавский, русский и украинский языки стали официальными. Чтобы восстановить территориальное единство Молдовы, Приднестровью была предоставлена автономия, и молдавский (по строению сохранивший независимость от румынского) остается официальным языком государства. Кроме того, автономная область Гагаузия была образована для гагаузов, или тюркоговорящих православных христиан, чей язык близок к турецкому языку. В советские времена для письма на гагаузском языке использовалась кириллица, но в настоящее время с этой целью используется латиница. В Гагаузии русский также признан вторым официальным языком.

Судьба Чехословакии и Югославии

В 1993 г. Чехословакия раскололась на два этнолингвистических национальных государства – Чешскую республику и Словакию. Интересно, что только тогда впервые в истории чешский язык был провозглашен единственным официальным языком в Чехии (ранее он делил эту роль либо с немецким, либо со словацким языком). Распад Югославии сопровождался кровавыми войнами и последующими волнами этнической чистки. В конечном счете в промежутке между 1991 и 2008 гг. этот процесс породил семь государств, включая шесть этнолингвистических национальных государств. Последняя группа включает Боснию, Хорватию, Македо-

нию, Черногорию, Сербию и Словению. Чтобы соответствовать нормативной парадигме этнолингвистического национализма, ранее общий сербохорватский язык был разделен на основанные на латинице боснийский и хорватский, основанный на кириллице сербский язык и дуалфавитный черногорский. В действительности примерно половина публикаций в Сербии выходит на латинице. Сербский язык, основанный на латинице, используется передовыми и проевропейскими сербами, в то время как официальный вариант на кириллице – националистами и консерваторами.

Босния не соответствует обычной парадигме этнолингвистического национального государства, поскольку это государство состоит из Федерации Боснии и Герцеговины и Сербской республики. В первом субъекте используются боснийский и хорватский языки, оба на латинице, в то время как основанный на кириллице сербский язык используется во втором субъекте. Первоначально в Боснии использовались не языковые, а религиозные различия, чтобы разграничить боснийцев, хорватов и сербов. И только в настоящее время этнорелигиозное различие переходит в лингвистическое. (Иногда боснийцев и их язык называют «босняками», а наименование «боснийский» сохранено для обозначения всего населения Боснии независимо от этнического, религиозного или лингвистического различия.) Точно так же Сербия не является образцом этнолингвистического национального государства с ее автономной республикой Воеводина, где после того, как произошел раскол сербохорватского языка, хорватский был включен в число четырех официальных языков наряду с новым государственным сербским языком.

Косово – это единственное неэтнолингвистическое национальное государство, порожденное распадом Югославии, и единственное признанное государство подобного рода на сегодняшний момент в Центральной Европе. Де-факто официальным и доминирующим языком политики является албанский, и косовские албаноговорящие жители считают себя албанцами. Таким образом, Косово – второе албанское национальное государство, которое находится в явном противоречии с негласным принципом этнолингвистического национализма Центральной Европы: носители одного языка формируют нацию, которая должна жить в своем собственном единственном этническом государстве. В необнародованной еще конституции Косово 2008 г. сербскому языку предоставлен статус государственного и второго официального языка, в то время как на местном уровне боснийский, румынский и турецкий также должны служить в качестве вторых официальных языков.

6. Забытые языки

Цыганский язык

Вслед за падением коммунизма цыганские ученые и вожди во многих центральноевропейских странах начали сотрудничество, чтобы привлечь внимание к ужасному экономическому и тяжелому социальному положению цыган, а также чтобы систематизировать цыганский язык и создать национальное цыганское движение. Первые попытки издавать литературу на цыганском языке были приняты в Советском Союзе в период между мировыми войнами (с помощью кириллицы) и в коммунистической Югославии (также на кириллице). Несмотря на многовековые преследования, по крайней мере половина цыган продолжают говорить на цыганском языке. Традиционная устность их культуры препятствует созданию цыганского письменного языка. Различные кодификации цыганского языка,

основанные на разных диалектах с использованием кириллицы, латиницы или греческого алфавита, были созданы в центральноевропейских государствах. Интересно, что цыганская Википедия доступна на латинском языке и на индийском деванагари, что является отражением политики Нью-Дели в 1970-х гг. по признанию и поддержке цыган как одного из народов Индии (этнолингвистической нации). У цыган не существует никаких обязательных школ как средств образования, до сих пор цыганский признается языком меньшинства.

Языки меньшинств

В Центральной Европе малые этнические и территориальные языки имеются в большом количестве в пограничных областях бывшего Венгерского королевства; все они славянские, а именно: основанный на кириллице русинский (на сегодняшний день распространен в Восточной Словакии, Восточной Венгрии, Юго-Западной Украине и Сербской Воеводине) и основанные на латинице павликианский (родственный с болгарским, восточно-румынским), буньевичский (Сербская Воеводина), стокавианский и кайкавианский (Западная Хорватия), прекурский (Северо-Восточная Словения) и бургенландско-хорватский (Восточная Австрия). Еще два языка, принадлежащих к этой группе, стали уже полностью признанными национальными языками вместе с соответствующими этническими государствами – это боснийский и словацкий. В контактной зоне западно-романского и южно-славянского диалектических континуумов возникли славянские языки: молизско-славянский (родственный хорватскому языку) и резьянский (родственный словенскому) на территории современной Северо-Восточной Италии.

В Южной Италии и на Сицилии говорят на арбрешском языке, основанном на латинице, в то время как в Центральной Греции – на языке арвантика, основанном на греческом алфавите; оба эти языка родственны албанскому языку, или его тоскскому диалекту. Оставшиеся носители романских языков, которые были связкой между западным и восточным романскими диалектическими континуумами, сегодня разреженно распространены на Балканах от Греции и Болгарии до хорватской Истрии. Три их разные группы называются арумынской, мегленорумынской и истро-румынской. (Две первые группы также известны как валахи.) Они записывают свои языки по-разному: на латинице, греческом алфавите или кириллице. В Южной Болгарии и на границе Северной Греции живет славяноговорящая группа мусульман-помаков. Они используют кириллицу и латиницу (и еще реже арабский алфавит), чтобы писать на помакском языке.

В бывшей контактной зоне западно-германского и северо-славянского диалектических континуумов (после 1945 г. переместившейся из-за этнической чистки к границе по Одру – Нейсе) появились следующие славянские языки (с сильным германским влиянием на лексику, синтаксис и фонологию): мазурский (в современной Северо-Восточной Польше), кашубский (Северная Польша), сорбианский (Восточная Германия), силезский (Южная Польша и северо-восточная часть Чешской республики) и моравийский (юго-восточная часть Чешской республики). При слиянии современных белорусских, польских и украинских границ на основе двух алфавитов, кириллицы и латиницы, образовался полесский язык. Подобным образом возник горальский (подхаланский) язык на польско-словацкой границе в Высоких Татрах.

В Латвии и Литве возродилось использование древних параллельных диалектических основ латышского и литовского языка, а именно: латгальского – в Восточной Латвии и самогитского – в Западной Литве. Существенно, что носители

латгальского и самогитского языков насчитывают около трети всего латышского и литовского населения соответственно. Под охраной Латвии находится северо-западное побережье Рижского залива (исторически – территория Ливонии), сейчас эта область более важна в культурном и туристическом планах, нежели с лингвистической точки зрения, так как осталось менее 50 носителей ливонского языка (относящегося к финно-угорским языкам). В Эстонии был также восстановлен южный эстонский язык, который ранее являлся диалектической основой эстонского языка. В настоящее время он представлен двумя родственными вариантами: один используется лютеранскими жителями эстонского города Выру и его близлежащих районов, а второй – православными, говорящими на финно-угорском языке, живущими по ту сторону границы, в России, которые относят себя к сету. Таким образом, обычно этот язык именуется выру-сетуским.

Некоторые из упомянутых языков являются малораспространенными, слабыми или даже вымирающими; таким образом, они обычно не представляют какого-либо особого политического значения (истро-румынский, ливонский, мазурский, мегленорумынский, молизско-славянский, павликианский, полесский, прекмурский, резьянский). Некоторые полностью или почти полностью признаны национальными языками безгосударственных народов (арумынский, сорбианский и русинский, последний также известен как лемковский язык в Польше). Другие являются особыми языками региональных групп нации, имеющей свое собственное этническое государство (стокавианский, горальский, кайкавианский, кашубский, латгальский, самогитский или выру-сетуский). В то же время другие языки интерпретируются как языки отдельных этнических групп, не выражающих особого желания преобразоваться в народы (арбрешский, арвантика, бургенландско-хорватский, стокавианский, кайкавианский, кашубский, или помакский). Некоторые языки также используются для основания политических движений, которые могут быть квалифицированы одновременно как региональные и национальные (буньевицкий, кашубский, моравийский или силезский).

Интересно, что хотя силезцы составляют наибольшую этническую группу меньшинств в сегодняшней Польше (согласно переписи населения в Польше 2002 г.), ни они, ни их язык не признаны в стране. Также никакого признания не получил горальский язык. Следуя французскому примеру, Греция не признает ни этнических меньшинств, ни языков меньшинств на своей территории, кроме турок и турецкого языка. Болгария считает помакский диалектом болгарского языка, хотя помаки также из-за своего языка с многочисленными заимствованиями из турецкого обычно исключаются из общности болгарских народов. Румыния объявляет арумынский, истро-румынский и мегленорумынский языки южными диалектами румынского языка, но носители этих трех языков настаивают на различиях. Хотя стокавианский и кайкавианский больше отличаются от стандартного хорватского языка, нежели этот стандартный язык от боснийского, черногорского или сербского, так или иначе они рассматриваются как диалекты хорватского языка.

*Перевод с английского
Н. С. Дорофеевой, Е. В. Емановой*

СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР С ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ КАК ПРИЧИНА И ПОЧВА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА

В. А. Кутырёв

Показывается ограниченность узкополитического понимания причин международного террора и неэффективность «социотехнических» методов борьбы с ним. Он трактуется как проявление противоречий между образом жизни общества прагматико-технологического типа (цивилизация) и обществ, руководствующихся традиционными духовными ценностями (культуры). Глобальная экспансия ценностей современной потребительской цивилизации ведет к тому, что она сама же и вымирает. России не следует торопиться расставаться с культурными регуляторами жизни.

«Призрак бродит по Европе, призрак терроризма», – так сейчас могли бы перефразировать «Коммунистический манифест» те, кто еще помнит марксизм. Действительно, о терроре то все вдруг примутся говорить, относя к нему любое военное происшествие и столкновение, призывая объединиться против него «весь цивилизованный мир», то забывают, не придавая значения, не обращая внимания на самые явные его акты. В отношении к терроризму много политиканства, бессознательного нежелания выявлять его глубинные основания, потому что это потребовало бы более ответственной политики от всего мирового сообщества, особенно от лидеров так называемых развитых стран, и понимания того, не коренятся ли причины этого явления также в их собственном поведении.

Во времена холодной войны, до появления «международного терроризма», между западным и советским блоками велась непрерывная идейная полемика. Стороны «обстреливали» друг друга аргументами, пропагандистскими лозунгами, теоретическими исследованиями. Ничего похожего сейчас нет на фронтах анти-террористической борьбы. Цивилизации противостоят «бандиты». Это в самом деле бандиты без кавычек, безжалостно приносящие в жертву невинных людей. Однако не ради ограбления и собственного обогащения: их бандитизм не экономический, а политический (в случае сепаратизма) или – шире – идеологический, культурно-мировоззренческий, когда даже не выдвигаются какие-либо конкретные требования. По крайней мере в своих корнях, в почве, которая его питает, взращивая, особенно на Востоке, в мусульманских странах, имеются миллионы молодых носителей ненависти к «цивилизации», к обществу комфортного потребления прибыли и людям, фактически отказавшимся от религии, морали и других духовных ценностей.

Именно здесь базисная причина международного, или, точнее, глобального терроризма, «четвертой мировой войны». Если с ним бороться, его нельзя отделять от сопротивления традиционных культур и народов тотальному наступлению

на них «цивилизации без святых и героев». Или иные будут пытаться (да фактически и пытаются) списывать на терроризм все безумие гонки вооружений, всерьез уверяя, что армады авианосных флотов, подводных лодок, сотни эскадрилий бомбардировщиков и глобально-космические ракетные системы нужны для «борьбы с терроризмом», чтобы поймать в горах какого-нибудь Усаму бен Ладена. Этот циничный самообман до добра не доведет. Выступая «за мир», желая изгнать из жизни людей террористические формы взаимоотношений, надо попробовать понять противника и, как это ни трудно, ни болезненно, решиться вступить с ним в теоретическое соприкосновение.

* * *

Что сейчас в арсенале борьбы с терроризмом?

Голая технология, вещная и социально-организационная. Еще бюрократия, «учет и контроль». А также ответные тайные террористические операции. Меры, поражающие своей неадекватностью сложности и глубине проблемы, опасностью придания террору «законной формы» в межгосударственных отношениях. Ну начинают всех сканировать и донага раздевать в аэропортах. А на железнодорожных вокзалах? У входов в метро и в автобусах? Охранник с пистолетом в школе или других учреждениях – что он сделает с группой из 20–30 человек с автоматами и гранатометами? Такие меры принимают взрослые государственные мужи, законодатели. И ничего больше. Такая наивность! (Воздержимся от употребления более точного слова.) Щит и меч, броня и снаряд совершенствуются взаимно и ничего кроме когда-то всех пугавшей, а теперь ползучим образом осуществляющейся антиутопии «нового прекрасного мира» О. Хаксли на пути тотального технического контроля, доносительства и «войны терроризмов» не просматривается. Это решения скорее психотерапевтические, для основной массы населения что-то дающие, успокаивающие – до очередного теракта в новом месте новыми способами. Скорее всего, с использованием средств массового поражения.

Думающие люди, стоящие у власти политики такими перспективами удовлетворяться не должны. Однако антитеррористические государственные акты тоже вырабатываются в определенной атмосфере. Их поверхностность и организационно-бюрократическая ограниченность неслучайны. Чтобы принять брошенный вызов, важно понимать его смысл и причины. Для этого надо опираться на соответствующий мировоззренческий, культурно-идеологический фундамент, которого нет и созданию которого не придается значения.

Сказать, что о нем совсем не думают и «не ищут», нельзя. Прежде всего указывают на социально-экономические обстоятельства: бедный Юг/Восток против богатого Севера/Запада; надо преодолевать разрыв между слаборазвитыми и передовыми странами; когда все будут сытыми, все успокоится. Но, по крайней мере на данном этапе, эмпирические факты, мотивация, состав участников и вождей радикального движения не позволяют признать экономическое объяснение достаточным. Нужно учитывать сферу духа, значение ценностно-культурных аспектов жизни. «Что же толкает саудовцев и выходцев из других небедных исламских стран к экстремизму и терроризму?» – ставит вопрос один из постоянных авторов газеты «Завтра». И утверждает, что, «очевидно, ответ следует искать во вполне определенной интерпретации ислама, навязываемой горсткой фанатиков, обладающих огромными финансовыми средствами и умело использующих наивное

мышление некоторых молодых людей. Именно в искаженном, однобоком восприятии ислама, как представляется, и заключается главная причина того явления, которое называют сегодня «исламским терроризмом»¹.

Можно согласиться, что проблема в «интерпретации ислама», но почему вообладала такая интерпретация и почему множество верующих принимают ее? Можно ли объяснить одним «фанатизмом», только психологией, пожалуй, невиданное в истории человечества по размаху жертвоприношение собственными жизнями во имя идей, как это происходит в феномене шахидизма? Ужасное явление, о котором кроме глупостей и пошлости ничего не сказано и не написано. К тому же экстремистские, фундаменталистские течения, хотя и не доходящие до террора, есть почти во всех религиозных конфессиях. И не в собственно религиозных движениях, если вспомнить выступления арабской эмигрантской молодежи во Франции. По содержанию они все в основном «антизападные». Резко критическое отношение к американским, западным ценностям не чуждо и агностикам, атеистам, идеологам «континентализма» и евразийства, о чем свидетельствуют миллионные антиглобалистские манифестации то в одной, то в другой части света. Ссылка на навязывание антиамериканизма фанатиками – образец мышления не менее наивного, чем у «наивных молодых людей».

* * *

Наукосообразное, наиболее основательное и прогнозирующее исследование культурно-цивилизационных причин радикализации антизападных настроений проведено С. Хантингтоном². В нем показано, что после окончания холодной войны и распада социализма глобальная политика все больше выстраивается вдоль культурных линий. Модели сплоченности и взаимопомощи или дезинтеграции и конфликта определяются ценностной идентичностью сообществ, то есть религиозными, моральными традициями, исторически сложившимся образом жизни и самосознанием народов. Это то, «что остается» для самоотождествления в условиях глобальной экономики и технологии. Отсюда возникает новый мировой порядок – полицивилизационные отношения. Насчитывая 8 ведущих цивилизаций (западная, африканская, синская, индусская, исламская, японская, латиноамериканская, православная) и предвещая усиление борьбы между ними, он, будучи представителем Запада, дает рекомендации по его выживанию. Это книга, много разъясняющая в современной ситуации (хотя написана до «11 сентября»), и есть некая загадка в том, что в дискуссиях по проблемам международного терроризма, формально упоминая, на самом деле на нее не опираются. Не просто игнорируют, а считается хорошим тоном откреститься от взгляда, что терроризм есть следствие «столкновения цивилизаций», в частности прежде всего западной с мусульманской. На разгадке такого отношения к книге мы остановимся позднее.

Не то чтобы слабостью, а, пожалуй, упрощением задачи можно признать, что С. Хантингтон отвлекается от противоречия, в большей или меньшей мере пронизывающего все цивилизации, от того, что их состояние зависит от соотношения его сторон в каждой из них и того, на какой стадии и как оно разрешается. Это противоречие между культурой и технологией, сторонниками сохранения духовности, то есть решения проблем путем апелляции к сфере ценностей – греху, воз-

¹ Прусаков, В. Исламская мозаика // Завтра. – 2004. – 8–14 ноября.

² См.: Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003.

даянию, добру, злу, чести, совести, справедливости, заботе и т. д., – и целерациональными, инструментальными социо-техно-экономическими способами: не обращаясь к чувствам, душе и духу человека; заменяя их знанием и информацией; рассматривая его как свободного от переживаний, полностью рационального «актора»; отбрасывая традиции и духовные авторитеты как препятствия для успешного функционирования.

С превращением техники из средства деятельности в нечто саморазвивающееся и самоценное создается особый, идущий на смену обществу мир – Технос. Технос – не просто сфера наряду с другими (техносфера), а именно то, что, как когда-то религия и культура, пронизывает все. Торжествует принцип пользы, расчета, автоматической обязательности. Если при приеме на работу практикуют предварительное тестирование и проверку на детекторе лжи, то совесть и профессиональная честь большой роли не играют. Если брак заключают как контракт, а ребенок рождается от совокупления шприца с пробиркой, то вопрос о любви и чувствах при создании семьи снимается. Если служба в армии – профессия, то проблема патриотизма и священного долга перед Родиной неактуальна. Человеческое общение вытесняется юридическими отношениями, «гуманитарной техникой». Когда-то офицера сажали под домашний арест под честное слово. Теперь – под «электронный браслет». Все решается «извне», в том числе в сфере идеального. Вместо воспитания личности к ней начинают применять психопрограммирование, вплоть до деконструкции и перекодирования. Таким образом, по мере роста возможностей технологического манипулирования людьми духовность как механизм поддержания их социальности устаревае, становится ненужной. Отмирает и личность, даже «актор» (функциональный, но самостоятельный делец), на смену которому идет то, что от них остается: «человеческий фактор» (социотехнической системы) или агент (компьютерных сетей).

Если процесс исторического развития этого противоречия расположить по оси этносов, то его первая сторона – культурное регулирование – будет превалировать в демографически бурно развивающихся, но технически отсталых регионах, где целерациональные, инструментальные отношения между людьми только формируются, а вторая – социотехническое регулирование даже личных, интимных форм жизни – на Западе, в так называемых открытых обществах. Оно пронизывает все общества. Свои патриоты и космополиты есть в Китае, интегралы и эгоцентристы – в России, славянофилы и западники – в Америке, тоталитаристы и либералы – в Японии, Израиле. Вопрос в их влиянии внутри общества и влиянии того или иного общества на остальные, во взаимодействии между ними, мирном или агрессивном, экспансионистском.

Особенность нынешней ситуации в противостоянии в той или иной степени «семи цивилизаций» (лучше бы их продолжать называть культурами) – западной (цивилизации в точном смысле слова; неслучайно Запад перестал позиционировать себя как культура даже терминологически). И не по линии взаимной борьбы культурных традиций и их ядра, религий, например католического христианства и ислама, конфуцианства и православия, а противостояния всех культур господству социо-техно-экономизма, фактически выхолащивающего любую веру в любого бога. Главные ценности открытого общества – эгоцентризм, самореализация, утилитаризм, функциональность – есть, в сущности, отказ от ценностного отношения к миру. Культура: мораль, религия – обязательно предполагают «служение», «дол-

женствование», подчинение части целому, индивидуального человека – родовому и выше – родового человека некоему Абсолюту, Богу; то есть иерархию, без которой ценности не имеют смысла. Члены открытого социо-техно-экономического общества – Техноса – ориентированы горизонтально, на самих себя. Ничем «высшим» они не ограничены и к нему не стремятся. Общее благо, а фактически просто богатство, образуется за их спиной. Стремительно прогрессирует, совершенствуясь, только технология. Отсюда «конец истории». Это конец *культурной истории* человечества, его духовно-личностного образа жизни и начало постчеловеческого функционирования «человеческого фактора». Превращение субъекта («смерть человека» в интерпретации постмодернизма) в объект.

Так что «столкновение цивилизаций», если его конкретизировать, происходит в виде столкновения культурного и технологического миров как внутри, так и между цивилизациями, хотя и с разной силой. Наиболее ожесточенное сопротивление своему уничтожению в настоящее время оказывает исламская культура. В ее ядре – довольно молодая, еще пассионарная религия, ее общества обладают относительно средним уровнем материального достатка и высоким демографическим динамизмом. Она открыто приняла вызов техноса, хотя тайно, обычно в русле антиамериканизма, ей сочувствуют все другие субъекты культуры, в том числе сохранившиеся в западной цивилизации. Современный терроризм – вершина айсберга сопротивления утилитарному социоэкономическому образу жизни, который ведет технологизированная часть человечества, другой его огромной части, продолжающей культивировать духовные формы существования и ценностные способы регулирования социальных отношений. *Это столкновение корабля прогрессистов с айсбергом консерватизма (стремления человечества к самосохранению).*

* * *

Чего, собственно говоря, добиваются эти консерваторы, то есть фундаменталисты, традиционалисты, интегралы и прочие «варвары» и «экстремисты», как обычно их квалифицируют идеологи глобального, либерально-технократического, свободного, богатого, комфортного, атомизированного, так называемого «открытого общества»?

Прежде всего они настаивают на праве верить в Бога, считая важнейшим правом человека не просто говорить, рассуждать о нем или 1–2 раза в год посещать церковь, а жить, будто *Он существует на самом деле*, и что вера имеет содержание. Это значит соблюдать заповеди, исполнять обряды, носить соответствующую одежду, молиться. Вместо того, чтобы 1,5–2 часа в день смотреть телевизор, узнавая разные новости, особенно где, когда и сколько убили, что продают, какие прокладки и зубные пасты эффективнее, они тратят столь драгоценное время на исповедь и сокрушение духа, обещания Богу стать лучше, любить ближнего и т. п. Вместо того, чтобы развлекаться, они, видите ли, «совершенствуются», совершенно не считаясь с тем, что эксплуатация пороков и страстей человека является важнейшей статьей получения прибыли, а значит, накопления общественного богатства, что потребительское общество перешло к потреблению самого человека. Они против уничтожения зачатых младенцев, в то время как западная цивилизация считает неотъемлемым правом родителей самим решать вопросы жизни или смерти своего потомства. Осуждаются, словно мы не лжем, а и в самом деле христиане времен 10 заповедей, прелюбодеяния и «легкомысленные разводы», чем в откры-

том обществе почти гордятся (эстрадный кумир свое интервью подписывает: «Разведен после третьего брака»). К другим «ужасам традиционного общества» относится нетерпимое отношение к перверсивным формам сексуального поведения, гомосексуализму и трансвестизму, которые, если мыслить хоть сколько-нибудь последовательно, ведут человеческий род к гибели. Фундаменталисты, конечно же, против клонирования, эвтаназии, замораживания трупов и многих других достижений современной науки, которая безоглядно и практически насильно внедряет их под маркой инноваций. Они считают их опасными, что вообще-то признано законодательствами многих стран. На «своем языке» они считают их дьявольскими. Они, естественно, за сохранение семьи (вместо сожительства), ее приоритетности для женщин (фамилизм вместо феминизма), почтительное отношение младших к старшим (вместо того, чтобы спровоцированный адвокатом ребенок мог подать в суд на родителей за невыполнение обещания купить игрушку), между тем как в демократических странах настаивание на подобной корано-библейской архаике расценивается как грубое нарушение прав человека. Индивид сам может распоряжаться своим телом, и если хочет им торговать, то главное условие – делать это в рамках рыночного закона, соблюдая медицинскую безопасность. Основное предназначение женщины – выполнять в обществе ана/тавто/-логичные функции, что и мужчина, быть все время «почти как». В этих условиях говорить о приоритете материнства неполиткорректно, это значит ее унижать.

Вообще, сохранение семьи, по-видимому, главный раздражитель для современной цивилизации, от семьи как формы совместного существования, в сущности, уже отказавшейся. Прямо об этом не говорят, но на бессознательном уровне антифамилизм господствует. Чего стоит отказ от понятия пола и замена его гендером, институционализация однополых (по подлинному смыслу – бесполох) «семей», на самом деле – антисемей, ибо семья (семя) по своей природе предназначена для рождения потомства. Куда бросается семя в однополым браке? Возведение подобного отклонения, всегда существовавшего, но индивидуально, в социальную норму и его государственная регистрация – это вызов самой жизни на Земле.

Другой неискупимой виной большинства традиционных культур является также ограничительное, невесторженное отношение к накоплению богатств. Некоторые исламские сообщества (уммы) доходят до осуждения «ссудного капитала», ростовщичества и пытаются открывать банки с минимальным процентом по кредитам, необходимым лишь на содержание персонала. Это похоже на «трудовые сберегательные кассы» при социализме. Здесь кончается терпение у самых терпимых и открытых западных демократий... («И тогда мы летим к вам.»)

С философско-исторической точки зрения различие между закрытыми (культурой) и открытыми (посткультурными) цивилизациями в том, что первые следуют категорическому императиву И. Канта: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства», а вторые – индивидуалистическому утилитаризму И. Бентама с его лозунгом: «Наибольшее количество счастья для наибольшего числа людей». Первые действительно фундаменталисты, «принципиалисты», потому что оценивают поступки с точки зрения интересов человеческого рода, когда каждый индивид отвечает за его судьбу, вторые – либертариисты, эмпирики, обычно понимая, что «если все так будут поступать, человечество прекратится», они делают для себя исключение, полагая, что все так не поступят. Останутся люди, которые будут заключать браки, сохранять семьи, ро-

жать детей, защищать Родину, помогать ближнему и т. п. (Это если адепты прав человека «умеренные», а передовые считают своим долгом с этими пережитками бороться – с верой, *в полном праве* осмеивая каких-то «святых», с семьей, патриотизмом, коллективизмом, альтруизмом. И борются – следите за их пропагандистскими кампаниями, самая известная и, очевидно, не последняя из которых была «карикатурная война» против пророка Мухаммеда.) Все под флагом свободы, прежде всего от социальных норм, прежде всего – нравственных. И под флагом «прав человека», понимая их сугубо избирательно, дерзко евроцентристски, анти-исторически. При полной слепоте и глухоте к собственному, почти рабскому бесправию в отношении рекламно-политкорректной лжи и прочей потребительской зависимости от социотехники и гуманитарных технологий.

Фундаменталистская линия направлена на сохранение, «экономии» источников жизни и поддержание идентичности человека, либералистская – на их трату в духе «после нас хоть потоп» или ведет к превращению человека в нечто Иное (см. трансгуманистическое движение, открыто провозгласившее борьбу с идентичностью *Homo sapiens*). Поистине ужасные люди эти фундаменталисты: хотят *сохранения фундамента* как основ дальнейшего существования человечества, в то время как в открытых обществах его размывают и разрушают, отбрасывая прочь последние устои. И какие дальновидные, прогрессивные эти либералы: хотят свободы от питающей их существование почвы, *свободы к смерти*. Объявивший «конец истории» Ф. Фукуяма совершенно логично доводит его до провозглашения «конца человека». «Биотехнология предоставит нам средства, позволяющие завершить то, чего не удалось специалистам по социальной инженерии. *И тогда мы окончательно покончим с человеческой историей, поскольку мы отменим “человеческие существа” как таковые. И тогда начнется новая история, история по ту сторону человеческого*»³. Это людоедское технократическое теоретизирование, которому фашистские идеи XX в. годятся только в подметки, базируется на вполне реальных фактах и тенденциях развития Западной цивилизации. Как с гордостью за успехи человеческого (?) прогресса сообщают газеты, Билл Гейтс под лозунгом осуществления «капитализма без помех» недавно запатентовал «исключительные права на использование человеческого тела как локальной беспроводной сети» (патент № 6 754 472). В заявлении компании «Microsoft» говорится, что человеческое тело – это всего лишь «объект интеллектуальной собственности, который подлежит лицензированию» и, следовательно, продаже. Да мало ли чего следует – после человека. Казалось бы, защитники демократии и прав человека в свете таких тенденций должны рвать на себе волосы и биться в истерике, но мы видим почти олимпийское спокойствие, они оживляются только против культурных ограничителей, особенно если те нужны ради продолжения человеческого рода. Потому что, сами того не замечая, *современные либералы стали технократами*, то есть сторонниками тоталитаризма, только не культурно-политического, а технического.

Впечатлительными людьми и теми, чье сознание не похищено «миром иного», подобное поведение тоже воспринимается как терроризм, хотя растянутый во времени, зато направленный не против отдельных индивидов или групп, этносов,

³ Цит. по: Вирилио, П. Информационная бомба. – М.: ИТДГК «Гнозис», фонд «Прагматика культуры», 2002. – С. 173.

а против всего человечества, его жизненных оснований. Как объявленная война оно воспринимается не только религиозными фундаменталистами и старомодными моралистами, но вполне актуальными интеллектуалами, которые сами день и ночь сидят за компьютерами, производя интеллектуальную собственность. Внезапно в них начинает бунтовать не до конца подавленная виртуализмом существования телесно-духовная природа, и они выходят на улицы городов с лозунгами борьбы против глобализма. Их кумирами становятся те, кто осмелился бросить вооруженный вызов посткультурной потребительско-технологической цивилизации и обличает ее как силу, враждебную людскому роду. «В 4 мировой войне... противником является человечество. 4 мировая война уничтожает человечество, по мере того как глобализация становится универсализацией рынка. Все человеческое, что возникает на пути рыночной логики, является враждебным и подлежит уничтожению. В этом смысле все мы являемся противником, который должен быть побежден: индейцы, не индейцы, наблюдатели за сохранением прав человека, учителя, интеллектуалы, артисты. Любой, считающий себя свободным, но таковым уже не являющийся... Речь идет о сведении всех к одному знаменателю, о превращении всех нас в существа совершенно одинаковые и утверждении в мире одного образа жизни. Главным развлечением при этом должна стать информатика»⁴.

Возникновение современного международного терроризма – это реакция на становление нового глобального мирового порядка. Мира без святых и героев, без идеалов и духовных ценностей, где все собственно человеческие отношения заменяются технологией. Реакция на порядок, при котором одна цивилизация – западная, прежде всего Америка, претендует на распространение этого строя и образа жизни на всю планету, то есть на мировое господство. Притом рассматривая его не конкретно-исторически, соотнося с эпохой, природной средой и характером общественного производства, а как абсолютный, единственно возможный и правильный. Плюрализм! Пропагандисты толерантности! Преследуют всех там, где ее нет, кто еще технически не зомбирован. Многие страны находятся в условиях, в которых Америка была лет 30–50–100 назад. Соответственно они применяют те формы регулирования жизни, какие тогда применялись в ней самой, далеко не толерантные или политкорректные. Но от них требуют жить по сегодняшним меркам и ценностям Запада, *вырывая из времени*, выравнивая историю «по календарю», насилуя и ломая внутреннее развитие, орудуя, как дубинкой, своей идеологией в собственных интересах. В этом политическая суть глобализма, непрерывно порождающего конфликты, ставящие мир на грань войны в условиях продолжения гонки вооружений, все более фантастической, техницистской и бессмысленной. Для ее оправдания – международный терроризм, даже если бы его не было, надо было бы его выдумать, спровоцировать. И, хотя не всегда государства в целом, определенные круги и службы его провоцируют, культивируют, стимулируют.

* * *

В подтверждение данного довольно очевидного положения, хотя из него не делается дальнейших столь же очевидных выводов, лучше сослаться не на рево-

⁴ Субкоманданте Маркос. Другая революция. Сапатисты против нового мирового порядка / сост. А. Цветков, О. Ясинский. – М.: Гилея, 2002. – С. 146.

люционером и антиглобалистом, а на автора «с западной стороны», того же С. Хантингтона. Заодно будет понятно, почему его глубокая, построенная на обширном фактическом материале работа не пользуется спросом в идейной борьбе с терроризмом. «Запад с его давними миссионерскими традициями, и главным образом Америка, полагает, что не-западные народы должны перенять западные ценности демократии, свободного рынка, контролируемого правительства, прав человека, индивидуализма, господства права и затем должны воплотить все эти ценности в своих институтах. Меньшинства из других цивилизаций с радостью принимают и поддерживают эти ценности, но в не-западных культурах преобладает другое отношение к этим ценностям: от широко распространенного скептицизма до жесткого противодействия. То, что для Запада – универсализм, для остальных – империализм»⁵. С. Хантингтон прямо обвиняет западные правительства и международные транснациональные институты в том, что проводимый ими глобалистский курс ведет к войне. «Важно осознать, что вмешательство Запада в дела других цивилизаций является, вероятно, единственным наиболее опасным источником нестабильности и потенциального глобального конфликта в полицивилизационном мире»⁶. И самая главная забота дальновидного автора в том, что в конце концов эту войну Запад проиграет. Ради выживания надо поддерживать уникальность собственной цивилизации и прекратить истощаться, контролируя чужие дела.

Притом он недооценивает, что «проигрыш» скорее всего придет изнутри. Курс на деконструкцию ценностей родового человека с необходимостью ведет к падению его воспроизводства. Конец природно-культурной истории цивилизации означает «в конце концов» конец демографический. «Свободный», эгоистичный, гендерный, мультикультурный и политкорректный Запад *благодаря этому – заканчивается*. (Для воспроизводства населения коэффициент рождаемости на семью должен быть 2,4, а он в среднем по Европе – 1,5.) Но, оказывается, есть еще общества, ценности которых дают им возможность и способность расти. Как же их не приобщить к «клубу вымирающих наций»?! Ведь умирание проходит с комфортом, в форме все более легкой жизни. *Великий трагический парадокс современности в том, что «нормой», образцом для подражания всего человечества объявлены ценности и образ жизни, которые ведут к прекращению его существования*. Приоритет прав человека – это приоритет индивида над родом, личности – над обществом, клетки – над организмом. В последнем случае, как известно, такой приоритет ведет к раковому заболеванию. Сходный процесс охватывает и либерально-технократическое общество. Однако его приветствуют. А вот поступать, строить друг с другом отношения согласно условиям сохранения живого – старомодно, «неполиткорректно», консервативно. Жить – несовременно, заботиться об этом – реакционно. И живые культуры приговариваются к смерти. К цивилизации. К обездушенному функционированию.

Потому что сами общества Запада твердо вступили на путь Mortido – самоотрицания. Они влюблены в смерть. Корабль собственно человеческого прогресса взял курс к береговым рифам. Развивается техника, а человек деградирует, сначала духовно, а затем и телесно. Ожирение, которым страдают до 30 % американцев, не просто откуда-то свалившаяся напасть, а следствие образа жизни, притом не столько физического, сколько духовного. Это символическая болезнь. Черная мет-

⁵ Хантингтон, С. Указ. соч. – С. 282.

⁶ Там же. – С. 514.

ка всем потребительским обществам, о которых можно спросить: как живут достигшие подобного состояния нации? И ответить: великолепно, лучше не надо – они у/вы/мирают. *Этаназия (легкая, счастливая смерть) – вот очевидная перспектива этносов, вступивших в стадию тоталитарного технико-экономического образа жизни.* Уже сейчас их жизнь поддерживается за счет приезжих, их заселяют миллионы представителей других культур, второе, третье поколение которых обретет повышенную национально-религиозную чувствительность и, отбросив все разговоры о толерантности, подавит ценности индивидуалистической демократии, скорее всего, вместе с ее близорукими носителями. (Спорт – наглядная модель ее ближайшего демографического будущего.) В дальнейшем, возможно, технический прогресс опять разложит новоприбывшие культуры, но это будет происходить без «аборигенов». К концу XXI в. от ядра белой цивилизации останутся комфортные резервации (в которые никто не будет загонять, аборигены организуют их сами) и географические названия. Хотя до этого ей надо дожить.

Таким образом, если говорить о причинах современного напряжения в международных отношениях, грозящего перерасти в полномасштабную «четвертую мировую войну», то инициатор в ней – западная цивилизация, ее прогрессивно-агрессивный, самоубийственный экспансионизм. *Международный терроризм – это безумный ответ на ее сумасшедшее поведение.* Задача ответственных, еще находящихся в здравом уме и памяти представителей каждого общества в том, чтобы культивировать борьбу с экстремизмом в собственных рядах. С одной стороны, против попыток остановить культурные изменения, застыть в традиции, с другой – против ее полного техно-либерального разложения и превращения человека в нечто постчеловеческое. Это есть задача на «устойчивое развитие». О нем много говорят, но в основном превратно. Что, мол, надо развиваться как можно быстрее. На самом деле все наоборот. Это вопрос о его ограничении. Система должна развиваться такими темпами, чтобы сохранить свою идентичность, то есть существование. Не человек для прогресса, а прогресс для человека. Ради своего и общего выживания каждая цивилизация, регион, страна должны вести себя наиболее адекватным поддержанию собственной устойчивости образом. И только после этого надеяться на адекватность «другого».

* * *

Насколько адекватно ведет себя Россия в свете борьбы с терроризмом дома и в мире? Ее положение в некотором роде парадоксально, и, кажется, опровергает развиваемую нами культурологическую теорию столкновения еще культурных и уже технологического миров. Не будучи лидером западной цивилизации, претендуя на сохранение традиций и культуры, как православной, так и мусульманской, она постоянно находится на острие международного терроризма. Объяснение угрозой сепаратизма само нуждается в объяснении – почему возникает сепаратизм, желание отделиться и практиковать другой образ жизни? Хотя, конечно, в Чечне, Ингушетии он частично обусловлен их давними историко-культурными противоречиями с Центральной Россией, его всплеск связан также с протестом против захлестнувшей страну вакханалии безнравственности и социальной деградации, против торжества ценностей, глубоко чуждых коренному укладу жизни мусульманских народов, особенно народов Кавказа. Это противоречие усиливается, приобретает глобальную форму по мере того, как Россия пытается играть чуть ли не

ведущую роль в поддержании либерально-эгоистического мирового порядка, в то время как она его «слабое звено». Растеряв немалый нажитый Советским Союзом, несмотря на идейные расхождения, авторитет в мусульманском мире, да и у всех других культур, мы при такой политике объективно будем таскать каштаны из огня для чуждых нашему народу сил. В результате если Америка выступает для радикальных мусульман Большим Шайтаном, то России могут отдать роль второго по значению упоминаемого в Коране дьявола – Иблиса. Но жертвой борьбы Россия может стать первой. С Иблисом справиться легче.

Для предотвращения такого поворота событий надо принимать меры прежде всего в своей стране. Надо остановить идущее под флагом свободы разложение культуры в обществе в целом, пресечь вакханалию наживы медиа-буржуазии на чем угодно и любой ценой, для чего нужен общественный контроль над средствами массовой информации. Необходимо восстанавливать, как ни странно теперь звучит, дружбу народов, пропагандировать ценность различий, неполноты любой формы мировоззрения, идеалы взаимного духовного обогащения. Решительно, жестко подавляя любые политические сепаратистские тенденции, расширять национально-культурную автономию этносов. Опираясь на более твердое ядро морали в исламе, ссылаясь на суровую необходимость считаться с ним, можно увереннее бороться за восстановление влияния и союз вокруг православия как наиболее влиятельной конфессии всех других – католических, протестантских, иудейских, буддистских – религий и коллективистских ценностей. Это хорошее объективное оправдание перед внутренним шайтаном техно-экономического потребительского тоталитаризма и всеми идеологами «нового прекрасного мира» в лице духовно погибших, но влияющих на определение политики страны людей.

Спасение там, где опасность, говорил Ф. Гёльдерлин. Из угрозы распространения практики террора в отношениях между народами, задач борьбы с ним надо извлечь пользу для оздоровления общества, как минимум его сбережения, продолжения. Что толку во всех технико-экономических достижениях, если их носители как нация и страна вымирают? Копить богатства, чтобы скорее умереть, – это поведение сумасшедших. Однако решение демографической проблемы не может быть обеспечено одними экономическими стимулами, оно органически связано с характером исповедуемых в обществе ценностей, состоянием его духовности. Рискуя вызвать крики возмущения прогрессивно без(д)умной части нашего общества, предлагаем обсудить мысль, к которой шла вся статья: *ради выживания, чтобы не разделить недалекую печальную участь Запада, Россию, возможно, надо бы «подморозить»* – для того, чтобы скорректировать направление развития. Время от времени такая необходимость появляется в любом обществе. И защищать от тотально индивидуалистического отравления и самоотравления, от объективно «снимающих» общество и родового человека пропагандистских воплей живо разлагающейся цивилизации: «Любите себя», «Ваше Я превыше всего», «Идеал женщины – стерва» и т. п. В административно-управленческом плане это частично делается. Но важны консервативное мировоззренческое продолжение, соответствующая идеология. Нужна политика *экологии культуры*. Тем более что Большой Шайтан «внутри себя» подобные меры предпринимает. ***Чтобы нам не остаться голыми среди волков.***

ТЕНДЕНЦИИ В ТУРЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ: ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ

И. Р. Мамедзаде, Р. О. Рзаева

Сегодня во многих обществах создались условия для возникновения постмодернистской парадигмы. Существенные различия эволюции западных и незападных обществ обуславливают разнообразие предпосылок возникновения постмодернистской ситуации, то есть сегодня мы можем говорить о субъективности характера восприятия постмодерна в западных и незападных странах, равно как и вариативности в зависимости от мировоззренческих и историко-культурных предпосылок возникновения постмодернизма, его философской основы. Ряд тенденций в современном турецком обществе – в частности наблюдаемые сегодня в турецком обществе фрагментация, дестабилизация, антисистематичность, эклектизм, распад социума, как его следствие – дифференциация образов жизни, стилей жизни, проблема «инаковости», символические репрезентации, многообразие идентичностей, религиозное возрождение, – на наш взгляд, может быть охарактеризован в постмодернистском ключе и отнесен к проявлениям «социального постмодерна», что также перекликается с постмодернизмом, предлагающим локальную трактовку социальности.

Процессы, идущие в социально-религиозной сфере турецкого общества и имеющие отношение к социальному постмодерну, составляющему предмет нашего рассмотрения, обуславливают его исследование в качестве религиозно-социальной парадигмы, что актуально в силу выявления социологического аспекта взаимоотношений между постмодернизмом и религией и религиозно-мировоззренческих комбинаций. Мозаичность структуры культуры и эклектизм, традиционно свойственные турецкому обществу, определяют основные признаки постмодернистской ситуации и перекликаются с его тенденцией построения разнородных эклектических образований на основе обрывков прошлого, а также синтезируемых с традицией и религией, которая является частью последней.

Современность характеризуется сложными и противоречивыми тенденциями, обуславливающими сдвиги в сознании, мировоззрении и поиск новых точек отсчета. Отказ от культурных универсалий, отформатированных модерном, девальвация прежних ценностей и ориентиров, а также социокультурное многообразие, насыщая и усугубляя процессы трансформации, провоцируют распространение в обществе огромного количества различных умонастроений и убеждений.

«Проблема построения Современности, исходя из нее самой, возникает в сознании...» (Хабермас), соответственно последнее есть рефлексивное осмысление нового жизнепонимания¹. В этой призме сознание, являясь основополагающей

¹ Грицанов, А., Можейко, М. Постмодернизм. Энциклопедия (философия) // Библиотека Гумер – философия. – С. 435 // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/PostModern/_02.php

философской категорией, выступает в качестве мощного измерительного инструментария для осмысления связей между философией и социумом.

В свете отмеченных тенденций в культурном самосознании современных обществ актуализируется понятие «постмодерн» как альтернатива исторически исчерпавшей себя эпохе модерна и/или интерпретация социологической данности, выходящей за рамки модерна. Хотя дискуссии на тему значения термина «постмодерн», а также его производных – дериватов все еще продолжают и его контуры практически все еще не вычленены и не обоснованы, однако полемика о смене дискурса и новом контексте, так называемом тексте «после современности»², при рассмотрении современных явлений, на наш взгляд, не выглядит такой уж безосновательной, и прежде всего в силу того, что сегодня во многих обществах создались условия для возникновения постмодернистской парадигмы и постмодернизм как специфическая философия культурного сознания современности – «эпоха не столько в развитии социальной реальности, сколько сознания» (З. Бауман).

В то время как отмечается, что тенденция постмодерна наметилась в культурном самосознании развитых стран Запада в последние полтора – два десятилетия³, проявления постмодерна, равно как и постмодернистское видение, наблюдаются и вне Запада, характеризующегося «реализовавшимся» или «успешным» модерном, в так называемых «незападных странах». Принимая во внимание отсутствие единства взглядов относительно как определения понятия, так и отсчета «постсовременности», мы считаем, что сегодня, характеризуя тенденции в общественном сознании незападных обществ, следует исходить из наличия постмодернистской интерпретации.

Существенные различия эволюции западных и незападных обществ обуславливают разнообразие предпосылок возникновения постмодернистской ситуации, то есть сегодня мы можем говорить о субъективности характера восприятия постмодерна в западных и незападных странах, равно как и вариативности в зависимости от мировоззренческих и историко-культурных предпосылок возникновения постмодернизма, его философской основы. Европа пережила свое состояние модерна и разочаровалась в нем, в то время как незападные формы складываются на фоне поисков альтернативы модерна Запада, которая может быть как его другой формой, так и его своеобразным продолжением, минуя этапы, которые привели к его кризису на Западе. В то же время необходимо отметить, что симптоматика кризиса модерна в западных и незападных странах различна. В незападных странах причина кризиса модерна усматривается в его переоценке как универсалистского Проекта (З. Бауман). Соответственно популярность постмодернизма, особенно в незападных странах, связана с критикой западных ценностей как единственных универсальных моделей.

Ситуация постмодерна в каждом конкретном обществе характеризуется своими историко-культурными параметрами, соответственно социокультурными различиями общественного сознания. Следовательно, вариативность рефлексии в общественном сознании проявлений постмодерна при подходе к данной проблематике обуславливает обращение к опыту и тенденциям в конкретном обществе. В свете вышеотмеченного ряд тенденций в современном турецком обществе, на наш взгляд, может быть охарактеризован в постмодернистском ключе и отнесен

² Ваторопин, А. С., Ольховиков, К. М. Перспективы секуляризма и религии в эпоху постмодерна // Общественные науки и современность. – 2002. – № 2. – С. 136–145 // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/ons/msg/137806.html>

³ Современная западная философия: словарь / сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов. – М.: Политиздат, 1991. – С. 237.

к проявлениям «социального постмодерна». В частности, наблюдаемые сегодня в турецком обществе фрагментация, дестабилизация, антисистематичность, эклектизм, распад социума, как его следствие – дифференциация образов жизни, стилей жизни, проблема «инаковости», символические репрезентации, многообразие идентичностей, религиозное возрождение, на наш взгляд, являются примерами выраженного постмодернистского состояния и обуславливают наш интерес к модернизационному опыту Турции, что также перекликается с постмодернизмом, предлагающим локальную трактовку социальности.

Турецкий модернизационный проект занимает особое место среди мировых проектов модернизации. Турция пережила серьезную историческую трансформацию в период Республики в результате модернистских преобразований Ататюрка. Исследователями отмечается, что Турция сегодня своим развитием обязана Ататюрку и осуществленному им цивилизационному проекту – Республике⁴. Благодаря своеобразному успешному опыту модернизации турецкое общество исторически служило моделью для других обществ, в особенности для стран с исламским сюжетом. Характерность турецкого общества обусловлена в то же время мозаичностью культуры и сплетением восточных и западных элементов.

Своеобразие турецкого общества предопределяет и специфичность его общественного сознания, определяющуюся не только мусульманской характеристикой, но и светским началом и реформами, которые отвели Турции особое место в мусульманском мире. Общественное сознание в Турции в то же время обусловлено как культурной мозаичностью турецкого общества, так и спецификой исторической трансформации, когда османская идентичность постепенно трансформировалась в турецкую. Последняя имела национальный и светский характер. В Турции такого рода общественное сознание было выработано основателями Республики. Оно базировалось на идеях национального государства, патриотизма. Здесь необходимо также отметить, что его вариативность предопределена также неравномерным характером модернизации, что сформировало дифференциальное общественное сознание, особенно осязаемое в период становления республиканской Турции. Следовательно, многомерность турецкого общественного сознания обусловлена как его историческим развитием, так и пестротой слоев, которые его образуют. Когнитивные вариации, прослеживающиеся сегодня в турецком обществе, свидетельствуют о том, что эта тенденция актуальна и по сей день.

Наблюдения показывают, что постмодернизм идет на смену модернизму. Прослеживается, что к постмодернистскому языку (стилю) и образной реальности постмодерна некоторые общества («северо-западные», по А. Гюлердже, которая в то же время отмечает проблематичность термина), даже отдельные личности и организации переходят только после того, как переживут свои условия «модерна». Считается, что гипотетически для остальных это также достижимо подобным образом, потому что постмодернизм не что иное, как самокритика западных обществ и мышления, очная ставка и даже своего рода «мужское», «белое», «западное» раскаяние и исповедование. Однако, как бы ни назывался этот язык, он и не определяет свои предпосылки, и не имеет, как модернизм, иерархическую и рациональную грамматику. Нет и «означаемых» (содержания) (по аналогии с соссоровской дихотомией «означающее – означаемое»), «означающие» (формы) же приоб-

⁴ Andrew Mango'ya fahri doktora, Cumhuriyetin İlanının 85. Yılında Uluslararası Türkiye Cumhuriyeti Sempozyumu, 22–24 Ekim, Isparta // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.gazeteport.com.tr/GUNCEL/NEWS/GP_308721?WebsiteSearch=true. Дата доступа: 22.10.2008.

ретают смысл, оценку, функцию и ценность в результате жизненного опыта, на практике⁵.

В силу незавершенности модернизации в развивающихся странах некоторые исследователи считают, что одновременное сосуществование исторических условий традиционного (премодерна), модерна и постмодерна крайне привычно, даже неизбежно для стран третьего мира⁶, в то время как другие выдвигают мысль о том, что премодерн, модерн и постмодерн выражают только историчность⁷.

Уместно ли вести речь о постмодерне или постмодернистских тенденциях, проявлениях в обществах, которые не завершили свою модернизацию, находятся в процессе или, точнее, модернизировались не в достаточной степени, чтобы применительно к ним использовать концептуально интерпретируемое как «следующее после модерна» понятие, то есть можно ли говорить о постмодерне без предварительного модерна? В частности, если это мусульманская страна, где религиозная традиция и в прошлом, и в настоящем выступала и выступает как сильная оппозиция модернизации, трактовалась и продолжает трактоваться как «тормоз», «препятствие» на пути ее осуществления или даже выдвигается как причина невозможности ее реализации в полной мере? При такой реконструкции проблемы, чтобы оценить это явление, надо также определить, какие черты принимает религия в обществе постмодерна, то есть ее постмодернистское состояние. Хотя постмодернизм нечасто исследуется в качестве религиозно-социальной парадигмы, однако, на наш взгляд, этот вопрос актуален в силу выявления социологического аспекта взаимоотношений между постмодернизмом и религией и религиозно-мировоззренческих комбинаций.

В связи с чем анализ турецкого общества в постмодернистском ключе порождает вопрос об уместности дискуссий относительно его модернизованности или определения переживаемой им стадии модернизации, тем более сегодня, когда на повестке дня вопрос, поставленный следующим образом: «Достаточно ли модернизирована Турция, чтобы быть принята в ЕС?», так как общепринятым утверждением является то, что именно европейский процесс способствует модернизации Турции⁸, ведь секулярность – сущностное проявление модерна, а Европейский союз характеризуется как самое секулярное пространство мира. Эта тема актуализируется и в свете последних процессов, идущих в социально-религиозной сфере и имеющих отношение к социальному постмодерну, что и составляет предмет нашего рассмотрения. В то же время мы попытаемся проанализировать, насколько представление о постмодерне соответствует его толкованию и какой смысл в него вкладывается, как он интерпретируется в незападных обществах, в частности в турецком.

В турецком общественном сознании доминирующим утверждением является то, что в масштабах турецкого общества модернизационный процесс еще не завершился и/или не распространился на все общество. Хотя в Турции имеются основные институты модернизации, не всегда наблюдается функционирование этих институтов в соответствии с понятиями «современное мышление», «современная культура». В этом измерении можно утверждать о невозможности возникновения в этой стране постмодернистской мысли, так как немислимо формирование

⁵ Gülerce, A. Postmodernist Düşünen Siyaset Açısından Türkiye Toplumunun Özneleşmesi // Düşünen Siyaset Düşünce Dergisi. – Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 13.

⁶ Ibid. – S. 14.

⁷ Koçak, O. Modernizm ve Posmodernizm. Defter, 18. – Ocak – Haziran, 1992. – S. 10–11.

⁸ Andrew Mango'ya fahri doktora, Cumhuriyetin İlanının 85. Yılında Uluslararası Türkiye Cumhuriyeti Sempozyumu, 22–24 Ekim, Isparta.

постмодернистской или другого рода философской мысли в обществе, которое не выработало некую своеобразную философию и современность которого построена на реальном принципе (имеются в виду модернистские реформы Ататюрка, направленные сверху вниз, то есть неорганичность турецкой модернизации. – *Авт.*), а также в силу того, что философские идеи появляются параллельно историческим, общественным процессам. В этой связи возникает другой вопрос: «Можно ли привести пример современного общества с аналогичным историческим общественным опытом?» Выражаясь другими словами, опыту какого общества, называемому «постмодернистским», подобен приобретенный Турцией за последние пятьдесят лет опыт? Сравнить можно, лишь констатируя аналогии между социумами. В обществах, в которых утверждают, что пришел конец истории, можно говорить и о конце философии. Можем ли мы подобное утверждать о Турции?⁹ Это видение актуализируется в силу того, что постмодернистская теория появилась одновременно с «концом истории» или ее более ранним примером – «концом идеологий».

В середине 1980-х гг. дискуссии о постмодернизме были одними из самых интенсивных полемик на Западе. Эта дискуссия немного позже, приблизительно с десятилетним опозданием, была перенесена в Турцию¹⁰. Следовательно, термин «постмодернизм» достаточно давно находится в обращении в мировой и турецкой литературе. Впрочем, популярность трактовки тех или иных явлений в турецком обществе, по всей вероятности, также объясняется популярностью, полисемантической и в целом спорностью понятия «постмодерн». А в силу вышеотмеченной дифференциальности и многопластовости турецкого общественного сознания анализ этой проблемы и подход к ней вариативен в зависимости от того, какую прослойку турецкого общества он представляет.

В турецком обществе популярность постмодерна, постмодернистских воззрений, как и было отмечено выше касательно незападных обществ, в особенности в мусульманских кругах, связана с тем, что он (постмодернистский подход) олицетворяет подход, критикующий западный модернизм и Запад, отождествляющийся с колониализмом. Постмодернизм как критика модернистской проблематики в то же время включает альтернативный новый уклад, новый этап и радикальную критику модернизма.

Вхождение постмодернизма в интеллектуальные круги Турции было в форме критического анализа проекта турецкой модернизации. Хотя разные стадии, разные актеры и идеологии этого проекта были подвержены критике разных подходов, за этим скрывалась критика модернизма. Стали выступать против использования кемализма как идеологии, легализирующей систему, и акцентировать ее господствующие и догматические стороны и ограничения. Аналогичной критике были подвергнуты интеллигенты-танзиматисты (Танзимат – эпоха реформ в Османском государстве. – *Авт.*), государственные деятели и иттихадисты (которых также называют младотурками, иттихадистами-западниками по названию партии «Иттихад ве теракки» [«Единение и Прогресс»]. – *Авт.*). Были подвержены сомнению принципы прогрессивности, объективности и универсальности, лежащие в основе этих течений¹¹. В частности, критика дискурса ататюркизма как почти

⁹ Adanır, O. Modern Dünyaya Özgü bir Düşünce Simülakrı // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi. Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 44–45.

¹⁰ Kaplan, Y. Antikite'den Postmodernite'ye: Tanrısız Araziden İnsansız Arazi'ye Paganizmin Serüvenleri // Düşünen Siyaset, Düşünen Siyaset. Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 142.

¹¹ Yumul, A. Modernimle Postmodernizm Arasında Sabetaycılık // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi. Postmodernizm, Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 37.

что метанаррации в модернизационном процессе Турции, перекрывающей все фрагменты и подэлементы¹², может быть вписана в постмодернистский контекст в силу того, что наступление «постмодерна» характеризуется распадом дискурса легитимации (попытка такого обоснования и оправдания некоторой практики, которая поставила бы все остальные в подчиненное положение), то есть отходом от «больших нарративов»¹³. Метанаррации критикуются из-за утверждения, что они имеют потенциал всегда выдвигать разные решения для каждой проблемы. Помимо того постмодернизм, критикуя идеологии, религии и т. д., которые называет «высшими рассказами» (метарассказами), отмечает предпочтительность маленьких рассказов вместо них, придает значение относительности, различиям¹⁴. Он, основываясь на релятивизме и скептицизме, отвергает стереотипы мышления, выработанные господствующей идеологией, и скептически относится ко всем позитивным истинам, установкам, убеждениям, существующим в обществе.

На становление и развитие постмодернизма в том или ином обществе накладывают отпечаток не только исторические, но и политические условия. Соответственно сегодня, говоря о модификации, точнее, развитии турецкого общественного сознания, прежде всего необходимо остановиться на факторах, под влиянием которых оно формируется:

- 1) Религиозное возрождение как следствие усиления происламской элиты;
- 2) Критический анализ наследия Ататюрка в свете политизации религии и приобретения ею идеологической сущности, а также противопоставления ее лаицизму;
- 3) Смена ролей так называемых «других» (раньше «другими» были «нелаицисты», а теперь «другими» становятся лаицисты).

Отмеченные вопросы, будучи осмыслены в постмодернистской нарратологии, корреспондируют с предпосылками возникновения постмодернистской ситуации: «смерть мифа, конец идеологии и единомыслия, появление много- и разномыслия, критическое отношение к институтам и институализированным ценностям, движение от Культуры к культурам, поругание канона, отказ от метанарративов», «распад целостности...», «период тотальной инфляции всех дискурсов»¹⁵. Наряду с этим мозаичность структуры культуры и эклектизм, традиционно свойственные турецкому обществу, определяют основные признаки постмодернистской ситуации и перекликаются с его тенденцией построения разнородных эклектических образований на основе обрывков прошлого, а также синтезируемых с традицией и религией, которая является частью последней.

В то же время интерпретация постмодернизма как определенного умонастроения периода кризиса¹⁶, на наш взгляд, обуславливает усмотрение в кризисном состоянии, переживаемом сегодня турецким общественным сознанием, еще одного симптома постмодернистской ситуации. В турецком обществе это проявляется в углублении и усилении традиционных понятийных оппозиций, обозначивших полярные установки сознания. В основном эта поляризация вырисовывается через два понятия – «лаицизм» и «религиозность», которые служат отправным момен-

¹² Gülerce, A. Op. cit. – S. 22.

¹³ Современная западная философия: словарь. – С. 158.

¹⁴ Erdem, T. Postmodernizmin «Öteki» si Hangi «Öteki»? // *Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi*. Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 108.

¹⁵ Липовецкий, М. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. – С. 109, 111.

¹⁶ Ильин, И. Постмодернизм от истоков до конца столетия. Эволюция научного мифа. – М.: Интрада, 1998. – С. 270.

том при определении и характеристике идентичности. Поляризация конфликта между лаицистами и «религиозниками» (термин и кавычки наши. – *Авт.*) выступает как следствие понимания, точнее, представления лаицизма как антирелигии и четко вырисовывается при усилении происламской элиты¹⁷. Соответственно, современное состояние общественного сознания в Турции характеризуется различными представлениями и аттитудами. В свете отмеченного современная ситуация, на наш взгляд, может быть рассмотрена через призму постмодернистско-религиозной проблематики.

Одна из самых очевидных особенностей постмодерните – предоставление возможности возвращения к религии¹⁸. Какое значение приобретает постмодерн с точки зрения религии? Предлагает ли постмодернизм некую перспективу, которая может приниматься и отстаиваться религиоведом? Постмодерн на первый взгляд вызывает позитивную реакцию в силу следующего: религия перед диктатом науки и философии, рассматриваемых веками в качестве самых больших конкурентов или врагов религии, может немного «вдохнуть» с помощью постмодернистских аргументов, взять реванш у своих соперников, объявить независимость и установить авторитет, обрести большую значимость посредством предложения рецептов счастья¹⁹.

В ситуации кризиса модерна религия дает возможность заполнить мировоззренческий вакуум, полностью взяв на себя наделение жизни смыслом. На наш взгляд, именно этим мотивировано религиозное возрождение (или более удачная дефиниция – «рост религиозности») в обществе постмодерна. Таким образом, рост религиозности в современных обществах предстает в большей мере как выражение изменения статуса, роли, функций религии и религиозного поведения.

Постмодерните отводит религии особую сферу и, проявляя интерес к этой специфической сфере, в то же время стимулирует религиозное возрождение²⁰. Туррен отмечает, что формируется группа культурных форм, отталкивающихся от религии и называемых «новой общинностью»²¹. Следовательно, в постмодерне присутствует освобожденная из модернистского плена религиозная традиция как одна из его тенденций, и постмодерн дает возможность практиковать религию²².

Современные общества порождают новое разнообразие религиозных практик, что зачастую трактуется как отход от унификации общества, общеобязательных стандартов, выработка которых была так характерна для модерна. Данная тенденция свидетельствует как о плюралистичности религиозного сознания, так и об индивидуализации религии, которая, согласно утверждению многих исследователей, является одной из характерных черт современного общества.

Постмодерните, основываясь на расчленении и плюрализме действительности, развил это до последнего, помимо того, стимулированием субъективного характера и теоретического разрешения превратил разделенность в проблему «личности» и «идентичности»²³. В свете изучения императивных и исключаяющих особенностей модернизма и нации-государства появились и актуализировались проблемы

¹⁷ Onat, H. Ruhat Mengi'yle Her Açıdan // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.star.gov.tr. Дата доступа: 30.11.2008.

¹⁸ Sarıbay, A. Y. Postmodernite Sivil Toplum ve İslam, 2. – Baskı, İstanbul: İletişim Yayınları, 1995.

¹⁹ Tüzer, A. Postmodernizmin Din Adına Düşüncükleri // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi. Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 188–189.

²⁰ Sarıbay, A. Y. Op. cit. – S. 93–94.

²¹ Touraine, A. Modernliğin Eleştirisi, Çev. Hülya Tufan, 2. – Baskı, İstanbul: Yapı Kredi Yay, 1995. – S. 338–341.

²² Бражникова, Я., Бражников, И. Православие и постмодерн: иллюзии и перспективы // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.religare.ru/2_30780.html. Дата доступа: 22.05.2006.

²³ Sarıbay, A. Y. Op. cit. – S. 95–96.

идентичности. В целом одним из подходов к постмодернизму является его интерпретация как «философии идентичности».

Турецкое общество и турецкая идентичность всегда характеризовались своего рода «пограничным состоянием» (современное – традиционное, Запад – Восток и т. п.). Однако в постмодернистском контексте нет существенных, дуалистических, иерархических категорий. Постмодерн может свидетельствовать не о показателях «границы», воображаемой линии, «буферном» (посредническом), «промежуточном» состоянии и др., а о конце собственных жестких и узких рамок всех других модернистских категорий наряду с Востоком и Западом, мужчиной и женщиной, покорным рабом и независимой личностью и др., и о крайне широком пространстве – вакууме, на который еще он не распространился. Это состояние – не некий этап в линейном, многоступенчатом процессе модернизации (субъективизации) обществ, а историческое, контекстуальное, видовое положение и многоаспектное состояние субъекта. Одним словом, последний переменчив, возможностей у него намного больше, чем у всех других типов субъекта, он более красочен. Метафора посредничества была использована не только для «внешних других» (например, Запад), даже в большей степени для «внутреннего» «другого» и собственных образов и повествований. В сущности, пока они не будут примирены, «субъект» даже при желании «других» не будет расти, развиваться, только станет старше²⁴.

Турецкий модернистский проект, нацеленный на западнизацию, поместив в центр представления о современности образ Запада, в то же время создавал свое «другое» «изнутри» себя. Подобно тому как западная идентичность складывалась в контрасте со скомпонованной восточной идентичностью, турецкий проект модернизации/западнизации, формируя своего «восточного» человека, которого сводил к набору ряда особенностей и традиций, исключал последнего из новой идентичности, которую хотел сформировать, разделяя общество надвое – «традиционное» и «современное», «отделяя» («делая другой») одну прослойку. Эта «другизация» (термин и кавычки наши. – *Авт.*) отлична от «другизации» «Западом» «Востока», потому что заключала в себе «отрицание невозможности быть другим»²⁵. Все то, что в силу «общинной ограниченности» и «локальной» ассоциировалось с «восточностью», воспринималось как особенности, бросающие вызов универсальности человеческой сути²⁶. Эквивалентом символизирующей идеального человека модернизма триады «белый, англосакс, протестант» (WASP) в Турции стал «современный, ататюркист, лаицист (светский)»²⁷. Данная идентичность, являющаяся продуктом турецкого модернизационного проекта, основывалась на «тотальности» – искусственном унифицированном образе реальности, сотворенном единым человеческим сознанием²⁸, в то время как «постмодерн бежит ото всех форм монизма, унификации и тоталитаризации» и «...потому всюду, где наблюдаются попытки ретотализации, постмодерн – в оппозиции...»²⁹. В связи с этим противопоставление, согласно которому не соответствующие вышеуказанной схеме отличны – «иные» («инаковость»), точнее, «другие», в этом ключе принимает

²⁴ Gülerce, A. Op. cit. – S. 26.

²⁵ Sayyid, B. Sign O'Times: Kaffirs and Infidels Fighting the Ninth Crusade / der. Ernesto Laclau, The Making of Political Identities. – Londra: Verso, 1994. – S. 270.

²⁶ Yumul, A. Op. cit. – S. 39.

²⁷ Göktürk, İ., Yılmaz, M., Türk Siyasetinin Temel Etik Sorunu: Kavramlaştırma Yahut Hegemonya // Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi. Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 305.

²⁸ Бражникова, Я., Бражников, И. Указ. соч.

²⁹ Вельш, В. Постмодерн. Генеалогия и значение одного спорного понятия // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://old.kspu.ru/ffec/philos/chrest/vel.html>

постмодернистскую окраску, так как «другое» или «другие» являются категорией постмодерна и постмодернизм – это признание «другого»³⁰, внимание к «другому» в отходе от нетерпимости и монологизма модерна³¹. Выработка нормативного «я» противоречит философии постмодернизма, согласно которой ценным является данное и наличествующее, а не заданное и долженствующее быть. В дополнение к этому то обстоятельство, что постмодернизм против такого разграничения, как государственный/частный, высшая культура/низшая культура, в то же время приводит к действительности «низшей» (кавычки наши. – *Авт.*) культуры и культурному плюрализму³².

Как и в модернизационном проекте, «другое» в состоянии постмодерна Турция создала «изнутри себя». И прежде всего Турция свое постмодернистское «другое» нашла в диспутах, начатых происламской прослойкой.

В период постмодерна, когда субъективности выступают на передний план, конфронтации между классами, нациями сменяются конфликтами и поисками, связанными с идентичностью, история и идентичность складываются не на основе объективных условий и подобных нациям широких общностей, а на основе индивидуальных историй, субъективных повествований, начинается анализ субъективностей, и это переносится с частной сферы на государственную³³.

Таким образом, политика идентичности получила широкую популярность, и идентичность стала одним из самых шумевших понятий постмодернизма. Многие из тех, кто раньше во избежание пренебрежения пытались «избавиться» от своей идентичности, скрывали, отрицали, стеснялись ее, вновь открыли для себя свою идентичность, заявили о своем праве на нее³⁴. Это актуализировало проблему «идентичности» также в контексте отстаивания прав и свобод.

В политической структуре происходят существенные изменения, на сцену выходят новые актеры, что в значительной степени меняет политическую структуру. В политике наблюдается «создание темы». Форма коммуникаций, олицетворяющая управление сознанием, пробуждает его, а также концентрирует внимание на определенных проблемах³⁵.

В качестве новых актеров в турецком обществе появилась так называемая «исламская элита», о которой сегодня говорит мир³⁶ в противовес светской (лаицистской) элите, которая занимала важное место в общественной жизни со времен установления Турецкой Республики. При этом религиозная прослойка турецкого общества сама создала свою элиту. Таким образом, стала наблюдаться смена ролей: последняя (идентичность), сформировавшись из «другого», усилившись с усилением позиций происламской элиты, стала относиться к прежней (светской) как к «другому», расценивать ее как «другое». В этой связи примечательно проведенное под руководством профессора Бинназ Топрак исследование на тему «Быть

³⁰ Uğur, A. Postmodernizmin Siyasetle İlişkisi Üzerine. Defter, 18. – Ocak – Haziran, 1992. – S. 40.

³¹ Лозгачева, Е. Дискуссия о значении понятия «постмодерн» // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://sociologist.nm.ru/study/seminar_43c.htm

³² Demirci, F. Modernite Sorunsalında Postmodernite // Düşünen Siyaset Birlikleri I, Düşünce Dergisi, Sayı 15, Aralık 2000. – Ankara: Lotus Yayınları, 2000. – S. 97.

³³ Yumul, A. Op. cit. – S. 40–41.

³⁴ Ibid. – S. 32–33.

³⁵ Доронин, А. И. Разведывательное и контрразведывательное обеспечение финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Глава VII. Роль средств массовой информации в манипулировании общественным мнением // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://sec4all.net/doronin_gl7.html

³⁶ Newfound Riches Come With Spiritual Costs for Turkey's Religious... December 26, 2008. – By Sabrina Tavernise – International / Europe – A version of this article appeared in print on December 26, 2008, on page A6 of the New York edition // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.nytimes.com/2008/12/26/world/europe/26wealth.html?_r=1&partner=rss&emc=rss

отличным (другим) в Турции – различие на оси религии и консерватизма», которое специалисты расценивают как «сигнал тревоги, вызванный поляризацией Турции»,³⁷ и как столкновение отличий. В то же время, согласно председателю Социологического общества профессору Бирсен Гекче, создавшаяся ситуация связана с изменениями в социальной структуре Турции³⁸. Исследование включает разительные выводы, составившие тему продолжающейся по сей день дискуссии. В числе важных выводов исследования, проведенного в форме непосредственного интервьюирования 401 человека в 12 губерниях и нацеленного на объяснение ситуации в социологическом ключе, отмечается, что тенденция усиления консерватизма служит причиной интолерантности, в особенности в отношении лаицистов. В то же время Али Байрамоглу, пытающийся понять меняющиеся миры и религиозных людей, а также светских в процессе демократизации, в исследовании, проведенном в 2006 г. и опубликованном под названием «Современность не терпит религиозных суеверий», сфокусировал свое внимание на точках перехода и слияния различных элементов в Турции, нежели на их размежевании посредством «отличения» друг друга («другизации»).

В свете вышеотмеченного усилилась тенденция определения себя посредством религиозной идентичности. В качестве одного из факторов можно отметить социопсихологический процесс, который в социальных науках получил название «социального контроля»³⁹, – атмосфера давления на тех представителей турецкого общества, модернизированность которых проявляется как в мировоззрении, так и в образе жизни. В то же время подобным образом, то есть через религиозную идентичность, определенная часть населения решает проблему самоидентификации. Однако основанием для этого не служит то обстоятельство, является человек мусульманином или нет, выполняет предписания ислама или нет, так как большинство граждан Турции, определяющих свою идентичность как «лаицистскую», также являются мусульманами и выполняют религиозные предписания, равно как и те, кто характеризует ее как «религиозную» («*dinî kimlik*»). Следовательно, нерелигиозность не может быть антитезой религиозности, а, на наш взгляд, тем паче лаицизм. Подобная позиция противоречит философии ислама и не может быть аргументирована, отталкиваясь от него. Согласно исламской мысли качество единичности принадлежит Божественному, все, кроме Божественного, построено на разнообразии, плюрализме и отличии. Это «закон существования». В программе «национальной культуры» под названием «турецко-исламский синтез» «за основу были взяты плюрализм и отличия; возникла культура компромисса – “любить сотворенного ради Творца”»⁴⁰. Не может быть подобная ситуация обоснована и с точки зрения лаицизма, так как лаицизм в публичном праве означает свободное мирное сосуществование представителей разных религий и верований без какого-нибудь ограничения верований и их практики, обеспечение этого государством. То обстоятельство, что в системе Османского государства не было конфликтов на религиозной и конфессиональной почве, а также защита государством конфессий и верований свидетельствуют об идеальной реализации принципа лаицизма в современном значении. Политический смысл лаицизма в современной Турции за-

³⁷ Yılmaz, M. Anadolu'da cemaat egemen. Uzmanlar, sosyal devlet yapısının çökmesiyle ortaya çıkan sonuca dikkat çekti. 2008–12–21, Sıcak gündem // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.tumgazeteler.com/?a=4454130>

³⁸ Ibid.

³⁹ Unat, N. A. Mahalle Baskısından Suskunluk Sarmalına. Cumhuriyet, 15.01.2009. Интернет-ресурс. Режим доступа: www.cumhuriyet.com.tr/?im=yhs&hn=29768

⁴⁰ Gökürk, İ., Yılmaz, M. Op. cit. – S. 316.

ключен в разделении религии и государства именно в интересах свободной жизни как верующих, так и неверующих⁴¹. Вышеотмеченное в определенной степени объясняет то, что наблюдаемое размежевание турецкого общества сложилось в результате эксплуатации религии в качестве политического инструмента.

Безусловно, в характеристиках чаще обращаются к примерам крайних форм, так как «религия и секуляризм – два предельно широких среза человеческой субъективности и две объективно расходящиеся проекции жизненного мира человека»⁴². Модерните рассматривается как переход от религиозного к светскому (секулярному). Лаицизм неизбежно преподнес себя как критика религии, по меньшей мере как такая критика, в соответствии с нормами которой общество живет и институализировано. В этой связи появилось отождествление секуляризма, а в Турции – лаицизма с Западом, а все «нелаицистское», соответственно, могло подходить для характеристики незападного и/или антизападного, в том числе и религия.

В этой связи Эндрю Манго, проводя параллели между Западом и Турцией в отношении вышеотмеченного размежевания, отмечает, что «разделение “лаицист – религиозный (человек)”, появившееся на Западе с Просвещением и в особенности с Французской революцией, существует и по сей день. Это разделение все еще проявляется в политике и общественной жизни, особенно в континентальной Европе. В Италии религиозные и секуляризованные партии разделены так же, как их профессиональные организации и профсоюзы. Однако это историческое расщепление не приводит к сильной неприязни, как раньше. Соответственно, эти проблемы наличествуют и в самых благоустроенных и цивилизованных странах мира, в связи с чем небесполезно обратиться к их опыту»⁴³.

Акцентирование сегодня только принципа лаицизма в ататюркизме, недооценка других принципов (республиканизма, национализма, народничества, этатизма, революционности, получивших название «шести стрел» вместе с лаицизмом и официально вошедших в конституцию страны в 1937 г.) также свидетельствуют о том, что ататюркизм является характеристикой определенного образа жизни⁴⁴, соответственно определенного мировоззрения, которому противопоставляется другой образ жизни – религиозный. «Различение мировоззрений выражается в апелляциях к способам и источникам оправдания, нацеленным на разные образы жизни»⁴⁵. В турецком обществе это проявляется в крайних формах, в частности в двух типах: слишком вестернизированных и слишком традиционных.

Наряду с этим существуют мнения, что ататюркизм в процессе принял форму некой религии, некоторые исследователи считают, что его старались, как религию, посадить на «догматическую почву»⁴⁶. В этой связи следует отметить, что атеистическая связь идеологии с религией и заложенная в идеологии конкурентность по отношению к религии выдвигается У. Матцем как один из отличительных признаков идеологии. Согласно автору, секуляризация как продукт эпохи модерна играет важную роль как «в принципе религиозно мотивированной, но по своему содержанию секуляризирующей системы ориентаций» в процессе утверждения идеологий в качестве детерминанты политики⁴⁷. Это обстоятельство может служить одним из аргументов, обуславливающих приращение «псевдорелигиозного ха-

⁴¹ Göktürk, İ., Yılmaz, M. Op. cit. – S. 315.

⁴² Ваторопин, А. С. Ольховиков, К. М. Указ. соч. – С. 136–137.

⁴³ Andrew Mango'ya fahri doktora, Cumhuriyetin İlanının 85.

⁴⁴ Göktürk, İ., Yılmaz, M. Op. cit. – S. 305.

⁴⁵ Ваторопин, А. С. Ольховиков, К. М. Указ. соч. – С. 139.

⁴⁶ Göktürk, İ., Yılmaz, M. Op. cit. – S. 305.

⁴⁷ Матц, У. Идеологии как детерминанта политики в эпоху модерна // Полис. – 1992. – № 1–2. – С. 134–145.

рактера»⁴⁸ ататюркизму, расцениваемому как идеология нового времени, то есть модерна. В то время как лаицизм – не система верования, а принцип; он не может заменить какую-нибудь религию или конфессию, как раз наоборот: точно так же, как и демократия, может сосуществовать со всеми религиями и конфессиями⁴⁹.

«Осмысление и оценка парадигмального ресурса постмодерна предполагает осмысление его семантической разноуровневости. Корни этой многослойности связаны, в частности, с поляризацией и взаимодействием религиозного и секулярного»⁵⁰. Модернизм предусматривал исчезновение религиозных верований посредством секуляризации, постмодернизм же, отвергая это понимание, не соглашается с тем, что религиозное возрождение приведет к исчезновению секуляризации⁵¹. Отказ от «одного», согласно модерните, означает отвержение «другого»⁵². В этом значении модерните – как некий разрыв, рационализация, так и секуляризация и лаицизация (лаицизм)⁵³. В то же время выдвигается идея о том, что если основная особенность западного мышления, фундаментальная парадигма – секулярность – феномен, оформившийся в процессе после Ренессанса и Реформации вместе с модерните, то постмодернизм несекулярен⁵⁴. В связи с чем определение понятий в Турции и инициатива Народно-республиканской партии, основанной Ататюрком и известной своей светской направленностью, принять в свои ряды «закрытых» (в чадре) женщин и их подобное волеизъявление, не допускающее их использовать в политических целях, расценивается как важнейший социологический феномен⁵⁵, который, на наш взгляд, может быть интерпретирован в контексте постмодернистского несекуляризма. В то же время «то, что самые религиозные люди кажутся самыми светскими (лаицистскими), выступает как один из общественных парадоксов в турецком обществе»⁵⁶. Эту ситуацию можно объяснить постоянной «флуктуацией», перетеканием друг в друга в едином социальном пространстве и времени религиозных и социальных субъектов социального действия⁵⁷. Следовательно, постмодернистская политика, развертывающаяся вокруг «идентичности», долгое время будет свидетелем конфронтации миксофилии (mixophilia) и миксофобии (mixophobia), сторонников и противников смещения⁵⁸.

Соглашаясь с утверждением, что религиозный постмодернизм конституирует деконструкцию интегрирующих социальных функций религии⁵⁹, мы не соглашаемся с мнением ряда исследователей, что религия постепенно сходит с социальной сцены и ее заменяет секуляризм. Напротив, на наш взгляд, в обществе постмодерна религия переживает состояние, которое можно назвать «постмодернистским», и наблюдается отход от религиозной тотальности. Сегодня исследования социаль-

⁴⁸ Matz, U. Указ. соч. – С. 134.

⁴⁹ Kongar, E. *Tarihimizle yüzleşmek*. – İstanbul: Remzi Kitabevi, 2007. – S. 229.

⁵⁰ Ваторопин, А. С. Ольховиков, К. М. Указ. соч. – С. 136.

⁵¹ Sarıbay, A. Y. *Postmodernite Sivil Toplum ve İslam*, 2: Baskı – İstanbul: İletişim Yayınları, 1995. – S. 93–94.

⁵² Touraine, A. *Op. cit.* – P. 11–12.

⁵³ Demirci, F. *Op. cit.* – S. 85.

⁵⁴ Kaplan, Y. *Op. cit.* – S. 146.

⁵⁵ Öztürk, Y. N. *Ruhut Mengi'yle Her Açıdan* // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.star.com.tr. Дата доступа: 23.11.2008.

⁵⁶ Küçük, Y. *Tekelistan*. – İstanbul: YGS Yayınları, 2002.

⁵⁷ Ваторопин, А. С. Ольховиков, К. М. Указ. соч. – С. 137.

⁵⁸ Yumul, A. *Op. cit.* – S. 32.

⁵⁹ Ваторопин, А. С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования. – 2001. – № 11. – С. 84–92 // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/socis/msg/212489.html>

ной реальности показывают, что во многих все еще модернизирующихся странах обе парадигмы – секулярность и религиозность – сосуществуют и взаимодействуют в соответствии со своеобразной логикой постмодерна⁶⁰ – сосуществованием разного подобно тому, как религия, несмотря на секуляризацию, все еще сохраняла ключевые позиции в социальной жизни во многих обществах модерна⁶¹. В связи с чем эта ситуация, которую некоторые характеризуют как вступление в «постсекулярную (постсекуляризационную)» эпоху, по сути дела, не является отказом от религии, а лишь подчеркивает факт обретения ею общественной (публичной) формы и, тем самым, политизации⁶². В частности, подобная тенденция – «религионизация» (кавычки наши. – *Авт.*) политики – наблюдается сегодня в Турции.

Современность, являясь темой интеллектуальной деятельности, волей-неволей должна быть осмыслена в качестве объекта политической борьбы. По этой причине современность действительно должна быть исследована в терминах некоего этоса («ethos[a]»), то есть течения, тенденции, умонстроения⁶³ или, по М. Фуко, установки⁶⁴. Соответственно это мы можем отнести и к постмодерну.

В какой-то степени соглашаясь с Бодрийаром, что событие опережает историю, можно констатировать тот факт, что в обществе наблюдаются явления, которые сложно анализировать в рамках прежних и исторически устоявшихся парадигм и концепций, в частности наличие постмодернистских индикаторов. Соответственно ощущается необходимость в новой контекстуализации. Однако последняя должна выходить за рамки лишь абсолютизации негативных аспектов модернизационных процессов.

Постмодернизм, в особенности постмодернистская строгая контекстуальная эпистемология, разрушает традиционное представление о религии. Наблюдается, что постмодернистские аргументы используются в пользу религии и в качестве орудия/щита против других⁶⁵. Соответственно происходящие в религиозной жизни турецкого общества значимые изменения могут быть интерпретированы как постмодернистские индикаторы. В то же время радикальная разобщенность в общественной сфере Турции может быть интерпретирована исходя из плюралистичного видения постмодерна и переживаемой так называемой «эпохи» активной плюрализации, фрагментации.

Согласно постмодернистам, будущее будет оформляться на основе поликультурности⁶⁶, «...будущее “вынашивает” “культуру постмодерна”». Постмодерните выступает как понятие, указывающее на культурный плюрализм, культурное разнообразие, вкратце на «культуру»⁶⁷. Культура постмодерна похожа на представляющий собой огромное многообразие супермаркет, где имеются всякие мировоззрения, ценности, нормы, идеи и символ, благодаря чему растет свобода выбора. Таким образом, с постмодернизмом на передний план вышла идея о том, что нет

⁶⁰ Ваторопин, А. С. Ольховиков, К. М. Указ. соч. – С. 140.

⁶¹ Абрамов, Р. Н. Секуляризация // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/db/msg/79579.html>

⁶² Sarıbay, A. Y. Dinin Postmodernleşmesi, Düşünen Siyaset, Düşünce Dergisi, Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 177.

⁶³ Ilgaz, T. Eskiler ve Modernler Bitmeyen (Siyasi) Tartışma. Düşünen Siyaset, Sayı 21, Aralık 2005. – Ankara: Lotus Yayınları, 2005. – S. 60.

⁶⁴ Фуко, М. Что такое просвещение? // Электронная библиотека культурологии // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko/chto_prosv.php

⁶⁵ Tüzer, A. Op. cit. – S. 192.

⁶⁶ Loo, H. van der, Reijen, W. van. Modernleşmenin Paradoksları, çev. – Kadir Canatan, İstanbul: İnsan Yayınları, 2003.

⁶⁷ Лиотар, Ж. Состояние постмодерна // Библиотека Гумер (философия) // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/liot/02.php

универсальной истины, существуют разные истины и разные критерии истины в зависимости от образа жизни⁶⁸.

На наш взгляд, взаимоприемлемым сценарием или решением проблемы поляризации в турецком обществе может быть отход от идеи этого противостояния путем толерантного отношения одного крыла к другому (в поляризации «лаицисты» – «религиозные»), от определения своей идентичности как «лаицистской» и «мусульманской» и подобного рода абсолютизации. И, что самое главное, когда перестанут спекулировать не только религией, но и лаицизмом для создания такого противостояния. Выход из неизбежно связанного с этим кризиса может быть обеспечен «культурно-историческим уникамом, каким является секуляризация политики»⁶⁹, и с помощью стратегии поиска компромисса между сторонами. Не следует забывать при этом, что турецкое общество исторически продемонстрировало пример сосуществования лаицизма и мусульманства и Турция смогла этот симбиоз успешно реализовать. В то же время выводы, сделанные на основе турецкого общества, не ограничиваются его рамками, так как постмодерн с его ценностной пестротой и мозаичностью интерпретируется и как попытка диалога. Постмодернизм выступает идеологией многообразия, провозглашающей культуру диалога, исключаяющей само разделение на «мое» и «иное». Диалогизм постмодерна строится на «оттачивании чувствительности к жизненному и культурному разнообразию»⁷⁰. Однако постмодернистский диалог подразумевает признание равноценности всех реально наличествующих в современном обществе жизненных миров и взаимодействие самодостаточных и самооценных точек зрения в едином поле.

Сегодня, находясь на перепутье, на пути от модерна к постмодерну, ситуация, наблюдаемая как в ряде так называемых «современных» (развитых), так и «модернизирующихся» (развивающихся) обществ, в частности в турецком, на наш взгляд, представляет собой конвергенцию модерна и постмодерна. Разрывы и дифференциации рассматриваются как характерные черты сегодняшнего общества (Белл и Хабермас). Встраивание и взаимовлияние элементов культур модерна и постмодерна и обуславливают эволюцию социокультурной системы. Соответственно наличие сегодня и постмодернистского видения наряду с модернистским говорит как о модификации, так и о развитии концептов мировосприятия турецкого общества.

⁶⁸ Tüzer, A. Op. cit. – S. 188.

⁶⁹ Матц, У. Указ. соч. – С. 136.

⁷⁰ Автономова, Н. С. Возвращаясь к азам. Постмодернизм и культура. Материалы круглого стола // Вопросы философии. – 1993. – № 3.

МИРОВОЙ КРИЗИС

ПРИВЕДЕТ ЛИ ГЛОБАЛЬНЫЙ КРИЗИС К ГЛОБАЛЬНЫМ ИЗМЕНЕНИЯМ?

Л. Е. Гринин

В статье рассматриваются глобальные причины современного кризиса и возможности устранения наиболее острых проблем, его вызвавших; анализируется как негативная роль мировых финансовых потоков, так и их важные позитивные функции, включая «страхование» социальных денег в мировом масштабе; в связи с последствиями кризиса анализируются условия возможных трансформаций мировой системы и вероятность различных глобальных сценариев ее ближайшего будущего; дается характеристика грядущей «эпохи новых коалиций»; делаются некоторые футурологические прогнозы.

ГЛОБАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КРИЗИСА И НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕРЕМЕН

Глобальный кризис, на время отрезвивший тех, кто уверовал в возможность бескризисного развития, как будто затихает (хотя опасность еще одного серьезного падения индексов полностью не миновала). Мировая экономика в целом из фазы рецессии/спада перешла в фазу депрессии, и как будто намечаются признаки перехода к фазе оживления. Значит, на причины, а также ближайшие и отдаленные последствия самого сильного за последние 75 лет экономического кризиса уже можно взглянуть иначе, чем годом ранее.

История экономических кризисов показывает, что каждый из них был связан с характером отношений в мировой системе (далее – Мир-Система¹). Но некоторые наиболее сильные кризисы существенно меняли контуры и главные линии связей в ней. По-видимому, и современный глобальный финансово-экономический кризис будет способствовать началу процесса крупных изменений в структуре и функционировании «Мир-Системы», а также в принципах международных отношений в ближайшие десятилетия. Анализу возможных трансформаций в связи с кризисом, а также оценке вероятности осуществления тех или иных сценариев развития мировой системы в ближайшие десятилетия и посвящена основная часть настоящей статьи.

¹ Мир-системный подход зародился в 60–70-е гг. прошлого века благодаря работам Ф. Броделя, А. Г. Франка, И. Валлерстайна, С. Амина и Дж. Арриги. Термин «Мир-Система» (с вариациями) употребляется довольно широко и не только сторонниками мир-системного направления. Подробнее об истории и содержании понятия «Мир-Система» см.: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Социальная макроэволюция: Генезис и трансформации Мир-Системы. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

1. Глобальные причины глобального кризиса

Рост и углубление финансово-экономической глобализации были причиной беспрецедентного процветания большого числа государств и целых регионов в последнее десятилетие, но они же стали причиной кризисных явлений. Поэтому в целом можно считать, что кризис – это оборотная сторона глобализации.

Естественно, что причины и характер кризиса еще долго будут предметом самого пристального изучения. Но очевидно, что главные причины, породившие кризис, не устранены, а многие проблемы только временно притушены беспрецедентной накачкой денег, оправданной только как экстраординарная мера, а в будущем способной усугубить ситуацию. Вот почему вполне можно ждать в достаточно скором времени (в течение ближайших 3–5 лет) новой вспышки кризиса. При этом есть значительная вероятность, что более сильные проявления кризиса в следующий раз будут ощущаться в быстро растущих экономиках стран Азии, которые сегодня пострадали сравнительно умеренно. Похожие ситуации с некоторой асинхронностью протекания наиболее сильных кризисов наблюдались между Европой и Америкой в конце XIX – начале XX в.

Одной из важнейших причин кризиса стали **большие изменения в глобальном разделении труда между странами**². Самым заметным тут стало то, что страны мир-системного центра, то есть развитые/западные страны (особенно Великобритания и США), более активно развивают у себя финансовый сектор³, в то время как периферийные страны более активно развивают реальную экономику. В результате в западных экономиках доля ВВП, создаваемая финансовыми услугами, достигает от одной четверти до одной трети всего ВВП, и она уже превзошла долю промышленности. И в целом в мировой экономике благодаря возможности Запада аккумулировать мировые капиталы и возникновению новых финансовых технологий финансовая сфера развивалась в последние десятилетия быстрее всех остальных. Вследствие этого она превратилась из сектора, обслуживающего экономику, в сектор, задающий главный вектор ее развития, и именно здесь создается огромная доля добавочной стоимости. Такое разделение труда имеет целый ряд важнейших следствий. Западные страны становятся не только центром мировых капиталов, но и их нетто-импортерами. В них происходит такое явление, как деиндустриализация. Напротив, в периферийных странах быстро растет промышленность. Отсюда темпы роста в таких растущих экономиках, как страны БРИК и многие другие, длительное время остаются существенно выше, чем на Западе. В итоге в периферийных странах особенно быстро растут экспортные отрасли, в то время как США и ряд западных стран все более становятся потребляющим центром, спрос в котором, по сути, определяет благополучие периферийных экономик. Таким образом, в целом наблюдается ослабление роли Запада как

² Подробнее эта и другие причины кризиса, а также развитие финансовых технологий проанализированы мной в других работах (Гринин, Л. Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе // Век глобализации. – 2008. – № 2. – С. 46–53; Он же. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег // Философия и общество. – 2009. – № 1. – С. 5–32; Он же. Современный кризис: новые черты и классика жанра // История и современность. – 2009. – № 1. – С. 3–32; Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

³ Странами мир-системного ядра в широком смысле можно считать наиболее развитые страны ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), к которым обычно относят 24 страны из 30 входящих в эту организацию. На долю ОЭСР приходится около 60 % мирового ВВП.

промышленно-экономического центра Мир-Системы, но в то же время увеличивается его значимость как импортера товаров и капиталов; соответственно налицо увеличение экономической роли периферии в целом и некоторых периферийных центров в особенности, однако их экономика все сильнее зависит от возможностей потребления на Западе. Экономика потребления стала теперь уже не западным, а мир-системным императивом.

Анархичное и чрезвычайно быстрое развитие новых финансовых центров, финансовых потоков и технологий во всем мире, которое обеспечило стремительный рост финансового сектора, в исключительной степени способствовало также возникновению глобального финансово-экономического кризиса. Их негативная роль была усилена, как указывают финансисты, непрозрачностью многих финансовых инструментов и деятельности финансовых институтов, что привело к фактической маскировке рисков и в целом к их глобальной недооценке.

К месту будет заметить, что на стремление к риску, обычно характеризующее как положительное и специфическое для психологии бизнесмена качество, в условиях глобализации необходимо взглянуть уже под иным углом. Если финансисты, а за ними и остальные бизнесмены рассматривают в качестве сферы приложения капитала весь мир, а риски касаются капиталов в триллионы долларов, рисковать или не рисковать – перестает быть только личным выбором бизнесменов и отдельных фирм. Авантюрная склонность к риску, последствия которого могут оказать фатальное влияние на всю мировую экономику, становится опасной чертой, а действия таких бизнесменов необходимо регулировать.

2. Почему проявились классические черты экономического кризиса?

Глобальные причины современного кризиса, на мой взгляд, привели к такому неожиданному эффекту, в результате которого проявились некоторые классические черты кризисов старого времени, от которых уже, казалось, успели избавиться. Кризисы в своем классическом виде – неожиданного и даже необъяснимого коллапса экономики, возникающего на фоне невиданного процветания, роста прибылей и цен, – были характерны для XIX – первой половины XX в. Позже, во второй половине XX в., в связи с активным вмешательством государства в протекание бизнес-циклов циклические кризисы стали менее тяжелыми и выраженными.

Напомню, что экономические среднесрочные циклы деловой активности длительностью 7–11 лет, проходящие сначала фазу подъема, переходящего в перегрев экономики, а затем заканчивающиеся кризисом (обвалом, спадом) и депрессией, получили также название циклов Жюгляра⁴. Характерными для таких экономических циклов были быстрый, иногда просто взрывной, подъем (бум), требующий огромного напряжения экономики, и затем еще более быстрый крах.

Период подъема, затем бума и перегрева экономики сопровождался: а) сильным и неадекватным ростом цен на сырье и недвижимость; б) чрезмерным спросом на кредиты и расширением инвестиций выше всяких разумных пределов; в) разгулом спекуляций с товарными и фондовыми ценностями; г) огромным увеличением рискованных операций. Все эти явления неоднократно описаны в литературе самых разных школ. И все они имели место в современном кризисе.

⁴ В честь К. Жюгляра (1819–1905), впервые доказавшего их периодический и закономерный характер, хотя практически одновременно с Жюгляром циклы исследовали и другие ученые, в частности К. Маркс.

Резкость переходов от бума к краху была связана со стихийным, ничем, кроме рынка, не регулируемым развитием, поскольку государство недостаточно вмешивалось в экономическое развитие. Анархичность развития на уровне капиталистической экономики при стремлении каждого хозяйствующего субъекта к расширению предложения, как известно, еще К. Маркс считал важнейшей причиной кризисов.

В результате Великой депрессии роль государства в регулировании экономики изменилась. Благодаря различным способам прямого и косвенного макроэкономического воздействия в рамках развития национальной экономики удалось минимизировать эти драматические перекосы взлетов и падений. Кризисы в результате стали менее сильными, чем раньше.

Глобальные причины современного кризиса, однако, сделали эти кейнсианско-монетарные методы регуляции экономики, эффективные в рамках отдельной страны, малоэффективными в мировом масштабе. Мировое хозяйство превращается в единую систему, но технологий влияния на экономические циклы в мир-системном масштабе еще не выработано. Между национальными государствами идет напряженное соревнование в том, у кого темпы роста будут выше (и пока даже не ставится вопрос о каких-либо международных договоренностях о допустимых пределах темпов роста). Соответственно в отсутствии нужного уровня контроля в экономике Мир-Системы все заметнее проступают черты анархичности и аримичности развития нерегулируемой рыночной экономики.

Отсюда определенное системное сходство между функционированием нерегулируемой национальной и современной глобальной экономики. Это сходство, на мой взгляд, объясняет современный рецидив некоторых черт циклических кризисов прежнего времени⁵.

Отметим, что в современной экономике не только появились новые финансовые технологии, но и сама современная экономика стала во многом производить ценности именно в финансовой сфере (финансовых услугах). Таким образом, резко выросла финансовая составляющая кризиса в отличие от предыдущих десятилетий, где основной рост шел в материальной сфере.

3. Финансовые спекуляции: есть ли плюсы?

Финансовых посредников ругали во все времена. И всегда было за что ругать. Но они существуют, и без них не обойтись, поскольку рыночная экономика очень сильно зависит от финансовых посредников, которые превращают сбережения общества в продуктивные инвестиции⁶.

Деятельность современных финансовых корпораций и фондов, приводящую к неконтролируемому росту финансовых активов и анархии в их перемещении, абсолютно справедливо подвергают критике (см. ниже)⁷. Однако было бы крайне

⁵ Подробнее см.: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена; Гринин, Л. Е., Малков, С. Ю., Коротаев, А. В. Математическая модель среднесрочного экономического цикла и современный глобальный кризис // История и математика: Эволюционная историческая макродинамика / отв. ред. С. Ю. Малков, Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. – М.: ЛИБРОКОМ, 2010.

⁶ Гринспен, А. Эпоха потрясений. Проблемы и перспективы мировой финансовой системы. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2009. – С. 484.

⁷ Мой анализ негативных последствий см.: Гринин, Л. Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе; Он же. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег; Он же. Современный кризис: новые черты и классика жанра; Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.

неправильно представлять, что новейшие финансовые технологии вредны в самой своей основе, что они приводят мировую экономику только к различным бедам и выгодны лишь паразитирующим финансистам и спекулянтам. Напротив, как возникновение, так и современное состояние финансового сектора было призвано решать очень важные задачи, причем именно в глобальном плане.

Словом, современную финансовую глобализацию можно не только ругать, она имеет и действительно позитивные моменты. Суммируя достижения того, что называют финансовой революцией⁸, я выделил и в собственной редакции сформулировал несколько важнейших направлений развития частного финансового инжиниринга (помимо компьютеризации этой области бизнеса), а далее попытался показать, какое положительное влияние они оказывают. Эти направления можно описать следующим образом:

1. Мощное расширение номенклатуры финансовых инструментов и продуктов, что ведет к расширению возможности выбора и подбора наиболее удобного финансового инструмента.

2. Стандартизация финансовых инструментов и продуктов. Появляется возможность рассчитывать абстрактную (то есть усредненную, объединенную, взятую от стандартного пакета акций и других бумаг) базу, а не конкретную цену по конкретным бумагам. Это экономит очень много времени у тех, кто использует эти финансовые объекты, позволяет совершать покупки, не вдаваясь в детальный анализ каждой бумаги, а значит, на порядок расширить число участников.

3. Институционализация способов уменьшения индивидуальных рисков. Помимо уже указанного расширения номенклатуры и подбора финансовых продуктов, особенно важно отметить появление специальных учреждений – особых расчетных и клиринговых палат – с внутренним регламентом (что избавляет от обращения в суд); специальных правил и компьютерных программ, различных технологий и форм страхования (хеджирования) рисков. Все это позволяет уменьшить как индивидуальный риск невыполнения сделок и разорений, так и риск в рамках определенных бирж⁹.

4. Расширение числа участников и площадок. Современные финансовые технологии позволили включиться в игру множеству людей через специальные программы, особых посредников и структуры¹⁰. Это позволяет широко распространять эти технологии среди владельцев капиталов самого разного объема (подобно тому, как развитие акционерных технологий позволило аккумулировать огромные капиталы). Произошло также значительное увеличение числа финансовых центров и их специализация, усилилась связанность национальных и мировых финансовых центров. Крайне важно, что на порядок увеличилось число эмитентов различных финансовых производных, которые ранее не имели выхода на глобальные рынки.

⁸ См., например: Доронин, И. Г. Мировые фондовые рынки. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет / ред. И. С. Королев. – М.: Экономистъ, 2003. – С. 101–133; Михайлов, Д. М. Мировой финансовый рынок. Тенденции и инструменты. – М.: Экзамен, 2000.

⁹ Однако расширение объемов операций и их ускорение создают угрозу финансового обвала в глобальных масштабах.

¹⁰ Наиболее известным из которых является международный межбанковский валютный рынок (FOREX).

В чем же важность этих изменений в финансовом секторе в глобальном масштабе?

- Происходит аккумуляция и вовлечение в оборот огромных капиталов, новых игроков, рынков.

- Появляется возможность использовать ранее совершенно непригодные для извлечения прибыли операции за счет того, что объемы операций возросли колоссально. Так, фирма может получать 3 цента с одной акции, но продавать в день многие миллионы акций, причем покупать и продавать одни и те же акции десятки раз за один день¹¹. Напрашивается сравнение с промышленной технологией обогащения бедных руд, которые до этого были невыгодны для переработки.

- Рост разнообразия финансовых продуктов, развитие специализации в оказании финансовых услуг и рост номенклатуры этих услуг позволяют диверсифицировать колебания спроса и увеличить общий объем продаж (как помогает это делать рост номенклатуры товаров в любой другой отрасли).

- Финансовые потоки и финансовые центры начинают по-новому структурировать мировую экономику. Рыночная экономика всегда структурируется вокруг определенных коммуникаций. Вспомним, как строительство железных дорог изменило не просто доставку товаров, но и всю организацию экономической жизни. В современной информационной экономике финансовые потоки начинают играть роль таких системообразующих коммуникаций. Там, где проходят наиболее важные финансовые потоки, интенсивнее всего идет экономическая жизнь. Мелкие и мельчайшие ручейки финансов (как раньше мелкие и мельчайшие потоки грузов к железным дорогам) создают новую экономическую сеть.

- Новая структура позволяет периферии активно включиться в мировую экономику. Разумеется, стихийное движение ведет к обвалам и глобальным кризисам, но так же происходило в XIX в., когда мощнейшее железнодорожное строительство (сопровожаемое невиданными спекуляциями) вело сначала к огромному подъему, а затем – к краху. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы поставить под контроль наиболее опасные и непредсказуемые действия.

4. Финансовые потоки как мировой пенсионный фонд?

Мои исследования позволили мне увидеть и такие глобальные функции мирового финансового сектора, которые вовсе не попали в поле зрения аналитиков. Эти функции возникли в условиях не обеспеченных золотом денег и связаны с необходимостью сохранения накоплений в условиях инфляции от потерь и рисков в течение длительного срока хранения. Возникли они как непреднамеренный результат в процессе очень сильных изменений в природе мировых финансов, который начался в 1970-х гг. Напомню, что тогда в результате двойной девальвации доллара и краха Бреттон-Вудской валютной системы произошел окончательный отказ от золотого стандарта денег. Цена золота больше не привязывалась к доллару даже номинально, она стала свободной, а курс валют – плавающим.

Однако в результате отказа от золотого стандарта обеспечение сохранности накоплений окончательно перешло от «независимого» гаранта (то есть драгоцен-

¹¹ Кэлахан, Д. Экономика финансов для простых людей // Экономический цикл: анализ австрийской школы / ред. А. В. Куряев. – Челябинск: Социум, 2005. – С. 70–79. Разумеется, это в большей степени касается периода, когда дела у всех идут в гору, и в гораздо меньшей (хотя и не нулевой) – при спаде.

ных металлов) к государству¹². Но при этом не осталось ни одного государства, на которое в плане твердости гарантий обладатели капиталов могли бы положиться. К этому надо добавить рост инфляции, особенно беспокоившей Запад в 1970–1980-е гг. Отметим, что именно в это время, в 1960–1970-е гг., в связи с активным социальным законодательством, ростом качества жизни и демографическими процессами (подрросло многочисленное послевоенное поколение) выросли объемы социального капитала в самом прямом смысле слова (пенсионные, социальные и страховые фонды, включая и медицинские). Помимо этого источника роста капиталов в 1970–1980-е гг. были и очень важные другие. Общий объем капиталов вырос за счет нефтедолларов, увеличения эмиссии ценных бумаг, роста ссудного капитала (в том числе и суверенных долгов многих стран). В целом с указанного времени начинается процесс резкого увеличения объемов свободных капиталов, которые необходимо было как-то инвестировать.

При инфляции вопрос о том, куда вкладывать капиталы и деньги, не обеспеченные золотом или твердой валютой, становится ведущим. Тем более для капиталов, подобных пенсионным фондам, назначение которых – быть востребованными через десятки лет сохраненными и преумноженными. Нужно было найти новые способы гарантий сохранения и увеличения капиталов.

Фактически отказ от привязки к золотому стандарту (и к постоянным ценностям) изменил не только мировую валютную систему, но едва ли не в большей степени всю финансовую экономику, всю финансовую технологию. Резкое увеличение объема капиталов, необходимость сохранить их от инфляции и найти выгодное приложение объективно подтолкнули к поиску новых форм финансовой деятельности. В результате начался процесс быстрого роста объемов финансовых операций, числа финансовых активов, объектов, инструментов и продуктов. Часть из новых инструментов уже была готова, и их удалось быстро «раскрутить»¹³. Этому способствовала и информационно-компьютерная революция, которая совпала с финансовой революцией и дала ей мощнейшую материальную базу.

Итак, в отличие от драгоценных металлов, которые даже без движения сами по себе сохраняли собственную ценность, современные капиталы не имеют такого якоря. Поэтому если они будут просто лежать, как золото, то постепенно превратятся в пыль. Каковы же источники их сохранения и роста, каковы возможности выполнения финансовых (а значит, и социальных) обязательств?

Первое – это система очень мобильного перемещения капитала, непрерывной смены его форм, вовлечения новых людей, капиталов, посредников и услуг, чтобы сохраняться и приумножаться. Чем быстрее происходят движение и метаморфозы

¹² Конечно, стоимость золота и серебра могла колебаться. Общеизвестна история так называемой революции цен в XVI в., в результате которой цены выросли в четыре раза. Но никогда не было так, чтобы золотые или серебряные монеты мгновенно потеряли свою стоимость или их ценность упала бы до нуля (как это происходит с акциями). А в XIX – начале XX в., когда многие страны перешли на золотой стандарт, ценность денег (и многих цен) была порой удивительно стабильной в течение долгого времени, что позволяло жить на доходы от капиталов множеству людей. Это также позволяло твердо надеяться на сбережения в форме монет из драгоценных металлов на черный день и старость. Это, кстати, также было важнейшей основой для развития бережливости. Сегодня драгоценные металлы столь же непостоянны в цене, как и любой другой актив, и амплитуда колебаний их ценности огромна.

¹³ См. подробнее: Гринин, Л. Е. Глобальный кризис как кризис перепроизводства денег; Он же. Современный кризис: новые черты и классика жанра; Гринин, Л. Е., Коротяев, А. В. Глобальный кризис в ретроспективе. Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена.

денежных объектов, чем активнее вовлекаются новые активы, тем лучше сохраняется капитал.

Второе – распределение рисков в глобальном масштабе. Растут возможности разложить риск на возможно большее число участников и стран, трансформировать исходные финансовые объекты в возможно большее число финансовых продуктов. Необходима максимальная диверсификация, позволяющая выбирать удобные формы финансовых продуктов и оперативно менять их. Вот почему так называемые производные финансовые инструменты становятся все более и более производными, приобретая все более превращенную и отдаленную от первичных денег форму¹⁴.

Третье – рост специализации, в том числе в самых разных формах на страховании вложений. Специализация обеспечивает диверсификацию и возможность расширения.

Дополнительная важность функций мировых финансов в плане сохранения и приумножения накоплений пенсионных, страховых и социальных фондов с каждым годом усиливается важнейшим и в целом глобальным обстоятельством: завершением второй фазы демографического перехода в Европе, Японии и США. Это создало, как известно, демографическую ситуацию, при которой едва обеспечивается простое воспроизводство населения, а в ряде развитых стран фактически началась депопуляция; в целом численность будущих поколений сокращается, а численность стареющих когорт населения и процент пенсионеров в общем составе населения в развитых странах растет. И прогнозы обещают только усиление этого процесса. Если к 2010 г. в развитых странах в среднем на одного пенсионера приходится четверо работающих, то в 2025 г. их будет только три или меньше¹⁵. Кто же будет пополнять в дальнейшем пенсионные фонды, кто будет выполнять социальные обязательства перед сотнями миллионов пожилых избирателей? Причем идет не только рост числа пенсионеров и социально застрахованных, но одновременно и увеличение объема, сложности и стоимости обязательств, в частности медицинских услуг.

Действительно, в таких обстоятельствах и при замедлении темпов экономического развития на Западе, а также с учетом крайне тревожащего роста государственного долга во многих странах гарантии выплат пенсий и других социальных страховых обязательств отнюдь не выглядят абсолютно надежными.

Здесь надо учитывать, что большинство пенсионных денег сосредоточено не в государственных, а в тысячах частных (негосударственных) пенсионных фондах, которые весьма активны в поисках наиболее надежных и выгодных вложений. Объемы денег в пенсионных фондах очень велики. По миру это десятки триллионов долларов. И ведь это не какие-то финансовые производные или «плохие» долги, а кровные денежки, отложенные за десятки лет. Так, по некоторым данным

¹⁴ Надо иметь в виду, что пенсионные фонды, страховые компании и т. п. выступают в роли так называемых институциональных инвесторов и собственников во множестве корпораций, которые сами вкладываются в массу различных бумаг и проектов; таким образом, финансы всего мира настолько перемешались, что сложно понять, где реально чьи деньги, где «хорошие» деньги, а где «плохие».

¹⁵ См.: Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. – М.: Европа, 2009. – С. 57–58. Драматическое изменение пропорции пенсионеров и работающих видно из таких цифр: в 1950 г. в США пропорция пенсионеров и работающих выглядела как 1:16, а в середине 2000-х уже как 1:3, то есть она изменилась в пять раз (см.: Мельянцева, В. А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен. – М.: ИД «Ключ-С», 2009. – С. 30).

объемы американских пенсионных фондов к моменту кризиса составляли примерно 10 трлн долларов¹⁶. Кризис привел к существенным потерям и даже разорениям многих из них. Как сделать сохранение этих богатств надежным? Надежность, как легко увидеть, понятие весьма относительное. Ненадежными могут оказаться лучшие акции, недвижимость, даже государственные бумаги. Российский ПФ потерял в 2008 г. на них 10 млрд руб.¹⁷. Представляется, что в рамках отдельных развитых стран делать это все сложнее.

В то же время в развивающихся странах есть огромное число молодежи; обеспечить ее работой и дать ей образование является очень трудной задачей. Ее не решить без все более активной интеграции экономик периферийных стран в экономику Мир-Системы, без притока капиталов и технологий с Запада. А без развития мировой финансовой системы такой интеграции не достичь. В то же время пенсионеров в развивающихся странах пока немного, обязательства перед ними сравнительно невысокие, а сроки, когда бремя пенсионеров начнет давить, явно намного более отдаленные, чем на Западе.

И в этих условиях мировые деньги фактически уже начинают участвовать в решении указанной социальной задачи (естественно, что полностью они ее не могут решить). Выглядит это так, что перераспределение капиталов по всему миру, распределение рисков путем вложения в самые разные активы развивающихся стран через множество посредников и специализирующиеся фонды фактически создает для заемщиков, акционеров и реципиентов стран, где много молодежи, финансовые обязательства умножать капиталы в течение длительного времени. И эти умноженные капиталы потенциально пойдут на выплату пенсий и социальных обязательств в страны-кредиторы. Развивающиеся страны заинтересованы в привлечении все новых капиталов, чтобы обеспечить работой новые когорты молодежи. Значительная часть капиталов, которые им нужны, формируется из денег пенсионных, страховых и социальных фондов развитых стран. Иными словами, в известной мере молодежь Индии, Индонезии, Бразилии или Китая косвенно станет работать на стариков Европы.

Итак, страны с богатыми демографическими ресурсами и обширными молодыми когортами населения, но бедные капиталами, через мощнейшую унификацию мировых финансовых потоков, их стандартизацию, возрастающую мобильность и анонимность все сильнее вовлекаются в крайне важный (хотя внешне и незаметный) процесс финансирования пожилых когорт населения западных стран.

Иными словами, глобальные финансы не просто интегрируют капиталы различных регионов мира, но позволяют фактически решать важнейшую социальную, причем исключительно внутреннюю, задачу, которую, однако, становится уже крайне сложно решать в рамках отдельных стран – обеспечение огромной части населения пожилого возраста. В этих условиях проглядывается ситуация, когда неудачи любой страны будут расцениваться как общая неудача. Фактически это опережает (и подготавливает) политическую и правовую глобализацию мира в

¹⁶ Штефан, Е. Пенсионные фонды США потеряли два триллиона долларов // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.nr2.ru/economy/199830.html>. Дата доступа: 08.10.08.

¹⁷ Наумов, И. Пенсионный фонд России (ПФР) в текущем году зафиксировал убытки в 10 млрд руб. от размещения средств в государственных бумагах // Независимая газета. – 2008. – 19 декабря // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2008-12-19/4_pensia.html

некоторых очень важных вещах. Такое переплетение интересов, как только оно станет очевидным, заставит активнее идти в направлении институционализации некоторых финансовых и социальных отношений и более тщательного регулирования финансовых потоков и обеспечения безопасности финансовых технологий.

Иными словами, современные финансовые активы и потоки стали глобальными и интернациональными, фактически в них обращаются общие деньги (иное дело, что выгоды могут быть неравноценными). При этом очень важно понимать, что в них крутится большой процент *социальных* денег (пенсионных и страховых), потеря которых может в будущем обернуться трудно прогнозируемыми бедствиями.

Таким образом, более безопасное распоряжение мировым капиталом имеет помимо очевидных экономических и социальных еще и такой социальный вопрос, как безопасность будущего пенсионеров и социально незащищенных людей (которые, конечно, в рамках сделок и на национальном уровне как-то страхуются, но что могут значить страховки в условиях глобального обвала?). А значит, вопрос о каких-то институциональных условиях финансовой глобализации становится еще более важным. Однако сколько понадобится кризисов, чтобы он решился?

5. Ощущение необходимости изменений

Сегодня многие специалисты видят нынешние проблемы мировых фондовых рынков в несовершенстве системы их регулирования¹⁸, хотя очень многие (если не большинство специалистов, по крайней мере американских) по-прежнему полагают, что проблемы на фондовых и финансовых рынках возникли не столько в связи с отсутствием наднационального регулирования фондовых рынков, сколько в связи с недостатками и несовершенством национального регулирования. Надо отдать должное, в США из кризиса сделали некоторые выводы, в частности начинают обсуждать и/или принимать меры по более жесткому регулированию. Началась чистка «плохих» и «токсичных» долгов. Все это важно, особенно учитывая гигантское влияние американских финансовых институтов и инструментов на мир.

В последнее время много (и во многом правильно) высказываются по поводу того, в каком направлении необходимо регулировать финансовую деятельность. Можно привести и достаточно яркие цитаты из сегодняшней литературы по этому поводу. Например, У. Шефер пишет: «Особенно рискованные финансовые продукты должны быть запрещены. Сейчас если кто придумает новый финансовый инструмент, то может его уже на следующий день предлагать своим клиентам. Кто изобретет, например, новый дериват, не обязан его нигде регистрировать, ни в каком ведомстве, и может его просто продавать. Последователи свободного рынка полагают, что финансовые рынки сами все отрегулируют и отбракуют плохие продукты. На самом же деле этого не происходит. Банки и фонды триллионами выбрасывали на рынок “токсичные отходы” и при этом распространяли убеждение, что из большого количества сомнительных вложений можно с помощью определенных конструкций создать по-настоящему ценные бумаги. Никто при этом не чувствовал себя ответственным за все это. Но если рынок не в состоянии взять на себя ответственность, то тогда это должно сделать государство. Нужно, чтобы финансовые концерны были обязаны предварительно регистрировать все финансовые продукты, которые они изобретают, – примерно так, как это обстоит

¹⁸ См. анализ этих взглядов, например: Доронин, И. Г. Указ. соч. – С. 129–130.

с лекарствами в фарминдустрии. Государственное ведомство должно предварительно проверять и тестировать все финансовые инструменты, прежде чем банки получат право их продавать. И если эти инструменты слишком опасны, ведомство должно их запрещать»¹⁹. «Ведомства по контролю над финансовыми рынками должны разделить рейтинговые агентства таким образом, чтобы одна часть занималась определением финансового рейтинга, а другая – консультированием банков. При этом рейтинговые агентства и их заказчики должны публиковать всю информацию, которая использовалась для определения рейтинга. Тогда любое другое рейтинговое агентство может проверить присвоенный рейтинг и в случае несогласия опубликовать собственную оценку»²⁰.

«Бизнес налоговых оазисов (оффшоров. – Л. Г.) состоит собственно в том, чтобы высасывать деньги из промышленно развитых стран. “Оазисы” привлекают сверхнизкими налоговыми ставками. Они предлагают вкладчикам абсолютную тайну и освобождают финансовые концерны от каких-либо проверок. Поэтому индустриальные страны должны принудить “оазисы” отказаться от банковской тайны и заставить их сообщать иностранным налоговым ведомствам обо всех доходах с капитала. “Оазисы” должны поднять свои налоги до некоего международно приемлемого уровня. Добровольно они этого не сделают. Поэтому в случае необходимости их нужно принудить к этому с помощью экономических санкций»²¹.

Нетрудно заметить, что в данной выдержке в целом (за исключением последнего абзаца, довольно, впрочем, важного) призывы обращены к национальному правительству. Но хотя роль национального регулирования по-прежнему очень велика, сегодняшняя ситуация на финансовых рынках – в отличие от прежнего времени – уже такова, что в одиночку государствам не справиться. И раз финансы все заметнее становятся международными (и, как мы видели, они выполняют объективно важную роль, которую уже не решить в национальных масштабах), следовательно, нужны наднациональные решения.

О необходимости перехода от национального уровня регулирования к наднациональному отдельные ученые говорят довольно давно²². Л. Туроу, как и ряд других аналитиков, видит причину нестабильности мировых фондовых рынков в противоречии между международным характером операций на мировых фондовых рынках и национальной природой самих фондовых рынков. Однако он очень верно замечает, что хотя эпоха национального экономического регулирования кончается, эпоха глобального экономического регулирования еще не пришла²³. Произойдут ли решительные перемены в этом направлении сегодня?

Современный глобальный кризис ярко, как никогда раньше, продемонстрировал необходимость крупных изменений в регулировании межнациональной экономической деятельности и движения мировых финансовых потоков, потребность в росте согласованности действий правительств и определенной унификации законодательства. Фактически нужна новая система финансово-экономического регулирования в мировом масштабе.

¹⁹ Schäfer, U. Der Crash des Kapitalismus. – Frankfurt: Campus Verlag, 2009. – S. 279–280.

²⁰ Ibid. – S. 280.

²¹ Ibid. – S. 284.

²² Например: Ван дер Вее, Г. История мировой экономики 1945–1990. – М.: Наука, 1994. – С. 374; Сорос, Дж. Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. – М.: ИНФРА-М, 1999.

²³ Туроу, Л. Будущее капитализма. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. – С. 158.

Осознание причин кризиса может дать толчок началу витка глобальных изменений, однако путь этот долог. Но даже переход только к самому начальному этапу новой системы наднационально-национального регулирования уже будет означать очень глубокие изменения, причем многие трансформации сегодня просто трудно предвидеть. То, что политический ландшафт и расстановка сил в мире изменятся в ближайшие десятилетия, ощущается все сильнее. «Международная система – в том виде, в каком она возникла после Второй мировой войны, – к 2025 г. изменится практически до неузнаваемости благодаря подъему новых держав, глобализации экономики, историческому переходу относительного богатства и экономического могущества с Запада на Восток и растущему богатству негосударственных субъектов», – считают американские аналитики²⁴.

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ МИР-СИСТЕМЫ

1. Смена лидера или коренное изменение системы?

Сегодня вполне очевидно, что происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом²⁵. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится, и их роль снизится. И этим очень обеспокоены многие в самих США. Сегодняшний кризис будет важным этапом в этом направлении ослабления нынешнего лидера. В целом, как я уже писал, прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми интересами – с другой²⁶.

Однако такая коллизия приведет к исключительно большим изменениям, которые, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России²⁷). Но это глубокое заблуждение – моделировать изменения в Мир-Системе главным образом с позиции смены лидера в ней. Фактически сегодня мы имеем дело не просто с кризисом в Мир-Системе и даже не просто с кризисом центра Мир-Системы; мы имеем дело с кризисом устоявшейся и вполне понятной модели ее структуры во главе с лидером, который сосредоточивает у себя целый ряд аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, технологического. США также выступают как передовой отряд развитых стран в целом, приоритет

²⁴ Мир после кризиса... – С. 12.

²⁵ Оно выражается в замедлении темпов экономического роста мир-системного центра при ускорении этих темпов в большей части мир-системной периферии, в слишком быстрой и анархичной деиндустриализации, зависимости от дешевого импорта и импорта капиталов, дефицитности бюджетов и росте общей задолженности общества, в динамике некоторых демографических показателей и т. д. Все это возрождает идеи смерти Запада (см., например: Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада. – М.: АСТ, 2007).

²⁶ См. подробнее: Гринин, Л. Е. Нежеланное дитя глобализации. Заметки о кризисе; Он же. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса. – 2-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

²⁷ См., например: Frank, A. G. ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. – Berkeley, CA: University of California Press, 1998; Пантин, В. И., Лапкин, В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна: Феникс+, 2006.

которых в мире очевиден. Таким образом, имеется довольно сложная структура лидерства: США – ведущие страны Европы и Япония – тянущиеся к ним довольно высокоразвитые страны АТР и среднеразвитые страны Европы – есть также прилегающие к США страны (Мексика и др.).

Говоря о потере США статуса лидера, мы должны подразумевать не замену лидера Мир-Системы, а коренное изменение всей структуры мирового экономического и политического порядка. Проблематична же замена лидера Мир-Системы хотя бы потому, что **место, подобное США, уже не может занять никто, поскольку никто не может сосредоточить сразу столько лидерских функций.** И лишь только поэтому (а есть и много других причин) потеря США роли лидера будет означать глубокую трансформацию самой Мир-Системы.

Прежде всего отметим, что позиции США как мирового лидера являются уникальными в истории. Причем соединение в одном центре – в США – экономического, финансового, военного, политического и научно-инновационного потенциала после Второй мировой войны, как мне представляется, было в целом положительным моментом (наличие альтернативного политического и военного центра в виде СССР в чем-то даже усиливало это положительное значение). Вспомним, что лидером Мир-Системы США стали после Первой мировой войны. Но тогда они сосредоточили у себя только экономическое и финансовое могущество без политического, к которому США даже и не стремились. Следует подчеркнуть, что такая ситуация отсутствия признанного лидера Мир-Системы в существенной степени способствовала более тяжелому проявлению кризисов в экономике и политике Мир-Системы в межвоенные годы и возникновению Второй мировой войны.

В 1960-х гг. произошло сокращение экономической роли США, что привело к созданию трехцентральной модели экономического лидерства: США – Западная Европа – Япония. Однако важно отметить: эта система сформировалась под политическим и военным (признаваемым и желаемым) лидерством США. Эта структура показала свою жизнеспособность в течение почти четырех десятилетий. Она работает и сегодня, но если не удастся восстановить экономическую динамику западных стран, ее роль будет слабеть (а динамика явно ослабла во всех трех центрах). К сожалению, сегодня эти центры уже гораздо меньше могут дать друг другу для лидерского импульса, так как у них во многом сходные проблемы. Их шанс усилиться заключается в объединении сил для закрепления определенных преимуществ развитых стран, полезных также и Мир-Системе в целом (см. ниже), аналогично тому, как усилился Запад в условиях расширения социалистического блока и распада колониальных империй, когда объединился в военно-политическом, идеологическом и частично экономическом плане в 1940–1950-е гг.

Не исключено, конечно, что появление новых революционных технологий способно дать определенный импульс экономическому развитию США (как было во второй половине 1980-х и в 1990-х гг.), а вместе с тем и Запада в целом; но, во-первых, в ближайшее десятилетие таких технологий как будто не ожидается, а за это время дела в американской экономике, скорее всего, будут развиваться по пути усугубления проблем; во-вторых, для получения большого результата от передовых технологий требуется длительное время, измеряемое самое меньшее 15–20 годами. А за это время многое изменится. В-третьих, даже новые технологии вряд ли могут помочь сохранить военное и политическое лидерство и т. д.

Итак, очевидно, что место, подобное США, уже не может занять никто, что в мире нет – и в обозримом будущем не предвидится их появления – ни одной страны и даже группы стран, которая смогла бы соединить в себе несколько аспектов лидерства.

Не будет таким и Китай. У него пока недостаточно возможностей даже для того, чтобы стать экономическим лидером. Когда Китай прочат на место такого лидера Мир-Системы, не учитывают, что его экономика не инновационная – она развивается на технологиях не только не завтрашнего, но во многом даже и не сегодняшнего дня²⁸. К тому же она слишком ориентирована на экспорт. И в этом плане она несамостоятельная. Сегодня, конечно, нет полностью самостоятельных экономик, но все же есть гораздо более самостоятельные, чем китайская²⁹. Мало того, ее динамика, мощь и успехи, как представляется, во многом основаны на привязке к другим, богатым экономикам, в большой степени зависят от их колебаний³⁰. На мой взгляд, не может существовать экономический центр Мир-Системы, который ориентирован на экспорт *неинновационной* (и даже недостаточно высокотехнологичной) продукции.

Для выполнения роли центра Мир-Системы китайская экономика должна стать инновационной, высокотехнологичной (отметим, что инновационность сегодня лежит в иных экономических направлениях, чем тяжелая или поточная промышленность). Однако у Китая сегодня для этого нет условий. Требуется не менее 20–25 лет, чтобы выйти на передовые рубежи по инновациям. В некоторых отношениях технологическим лидером скорее могла бы стать Индия, но в Индии нет массы других компонентов лидерства, которые есть в Китае³¹.

Поэтому идея, что через 15–20 лет многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и эконо-

²⁸ Даже оптимистично настроенные в отношении способности Китая еще долго обеспечивать сверхвысокие темпы роста ВВП исследователи отмечают, что Китай сталкивается с угрозой постоянного увеличения технологического отставания от США, ЕС и Японии (Михеев, В. В. Китай // *Мировая экономика: прогноз до 2020* / под ред. А. А. Дынкина. – М.: Магистр, 2008. – С. 311). «Китай, по его научному потенциалу, не сможет стать пионером в области фундаментальных исследований и обеспечить широкий приток прорывных технологий» (Там же. – С. 319). Хотя, по некоторым данным, по величине абсолютных затрат на НИОКР КНР уже вышла на третье место в мире после США и Японии (Мельянцев, В. А. Указ. соч. – С. 123–124).

²⁹ В частности, роль экспорта в экономике Китая примерно в 2,5 раза выше, чем в Индии (рассчитано по: *Мировая экономика: прогноз до 2020* / под ред. А. А. Дынкина. – М.: Магистр, 2008. – С. 387; Мельянцев, В. А. Указ. соч. – С. 106). Хотя доля экспорта и в ВВП Индии неуклонно растет (см.: Володин, А. Г. Индия // *Мировая экономика: прогноз до 2020*. – С. 334). Разумеется, есть и гораздо более экспортно ориентированные экономики, чем Китай, например Южная Корея.

³⁰ Попутно замечу, что объяснение относительно небольшого замедления темпов роста Китая, Индии и некоторых других стран в период кризиса еще требует исследования, но уже очевидно, что следует учитывать, во-первых, определенную инерцию развития, во-вторых, усилия государства по поддержанию внутреннего спроса и очень большие финансовые вливания. Кроме того, как уже сказано выше, не исключено, что именно эти страны станут жертвой следующего кризиса.

³¹ В этом плане любопытны предположения (Мир после кризиса... – С. 46), что через десять лет Индия почти достигнет уровня США по показателю (в измерении модели Национальной инновационной системы НИС) человеческого и научного капитала, а Китай почти догонит США по показателю государственной восприимчивости к инновациям в бизнесе. Хотя это и сомнительно, но показательно в плане разных векторов развития этих двух великодержав. Отметим также, что довольно показательны и различия в структуре экспорта Китая и Индии. Если у первого рост экспорта обеспечивается на 90 % ростом вывоза товаров, то у второй – на 40 % увеличением экспорта услуг, особенно информационных (Мельянцев, В. А. Указ. соч. – С. 107). США же, скорее всего, еще достаточно долгое время будут сохранять роль инновационного лидера Мир-Системы с учетом того, что США производят сегодня 40 % общемировых затрат на НИОКР (Там же. – С. 60).

мического развития³², вызывает сомнения. Западные модели могут подвергаться критике, а успехи Китая, разумеется, не могут не привлекать внимания. Но маловероятно, чтобы кто-либо (кроме разве что КНДР) попытался ввести такую модель, как в Китае. Дело в том, что ее просто невозможно ввести. Для этого надо иметь тоталитарную компартию³³. Даже СССР не мог скопировать китайскую модель.

Вопрос о перестройке модели экономики Китая в значительной степени связан со способностью Китая сохранять нынешние высокие темпы роста, а последнее крайне важно для идеологического и иного престижа китайского руководства (хотя в нем есть крыло, которое считает, что необходимо снизить темпы роста, чтобы уменьшить расслоение в обществе и напряжение в нем). Переход к модели экономики, более ориентированной на внутреннее потребление и более инновационной, затруднен, как мне думается, следующими моментами: а) рост внутреннего потребления означает рост уровня жизни и стоимости китайской рабочей силы, которая и без того растет; б) скорее всего, рост стоимости рабочей силы не будет компенсирован соответствующим ростом производительности труда; в) следовательно, стоимость экспортных товаров может вырасти, их конкурентоспособность – упасть, а привлекательность инвестиций в Китае – снизиться³⁴. Отсюда может произойти замедление темпов роста. Таким образом, переход к новому типу экономики в Китае при одновременном сохранении его лидерства в темпах экономического роста вряд ли возможен. Хотя внутренний спрос и будет развиваться, но либо он не сможет в достаточной степени занять место экспортного спроса, либо это будет означать глубочайшую структурную перестройку экономики. Инвестиции в инфраструктуру, строительство жилья и прочее могут быть локомотивом развития, но только если будут достаточные ресурсы от экспорта; сочетать сразу два направления вряд ли удастся³⁵. Сокращение темпов роста означает сокращение доходов государства при усилении проблемы безработицы и роста его социальных обязательств.

Мало того, можно предположить, что после кризиса темпы роста китайской экономики неизбежно рано или поздно снизятся (безразлично, будут ли удачными попытки переориентировать экономику с экспортной модели на внутрисредотребляющую или нет). В результате может начаться то, что было в Японии после 1975 г. Однако замедление темпов роста в авторитарной стране, где скоро начнется заметное старение населения, приведет к обострению социального положения, изменению приоритетов государства, что окончательно может ослабить экономические потенции. Сила развивающего импульса в Китае еще очень велика, инерция еще очень сильна, но достаточно очевидно, что все это, скорее всего, будет слабеть. Одновременно с этим будут расти опережающими темпами представления о стандартах жизни, по крайней мере, у большей части китайского населения. Это хорошо, так как будит энергию и поиск у части населения, но это и плохо, так как увеличивает необоснованные претензии к государству и снижает конкурентоспособность китайской экономики.

³² Мир после кризиса... – С. 8.

³³ Те, кто мог, уже ввели ее, как, например, Вьетнам.

³⁴ Еще и до кризиса прогнозировалось некоторое снижение прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в китайскую экономику в ближайшие 15 лет (см.: Михеев, В. В. Указ. соч. – С. 311).

³⁵ Переориентировать экономику оказывается очень сложным делом даже для таких развитых стран, как Япония; вспомним, что и в России не удастся переориентировать экспорт уже несколько десятилетий.

2. Гипотетические и реальные альтернативы

Таким образом, будущая Мир-Система уже не сможет иметь такую же, как сегодня, структуру со столь же сильным центром. Что же может быть альтернативой сегодняшнему «порядку» в мире? Здесь мы ступаем на зыбкую и неблагоприятную почву прогнозов.

Рассмотрим будущую структуру сначала исходя из следующего вполне правдоподобного, но все же гипотетического предположения. Объективно глобализация ведет к тому, что должны появиться какие-то новые формы политических и экономических образований надгосударственного типа. ЕС представляет лишь один вариант такого типа, другие типы и формы сейчас еще только наметились или намечаются. Но они могут сложиться довольно быстро при благоприятных обстоятельствах. Крупнейшие государства (США, Китай, Индия) достаточно долгое время могут соперничать с такими надгосударственными образованиями, но все же будущее не за отдельными государствами, а за наднациональными объединениями.

Исходя из такой гипотезы, новым лидером Мир-Системы, если он вообще появится, вряд ли будет отдельное государство, скорее им мог бы стать только блок государств (к тому же потенциально растущий). Возглавит ли такой альянс кто-то из наиболее крупных государств современного мира или он вырастет из коалиции государств средней величины и мощи? Или же такая коалиция возникнет на других основах? Очевидно, что ни Китай, ни Индия не сумеют объединить вокруг себя какую-то релевантную группу стран по своим политическим, а Индия – и по цивилизационным особенностям. Чтобы стать таким интегрирующим центром, Китай должен изменить свой политический режим³⁶. А это для Китая, скорее всего, будет означать тяжелые потрясения (а возможно, и развал), сохранение же политического режима требует опоры на свои силы.

Более органичная интеграция американского региона под эгидой США (некоей пан-Америки) могла бы теоретически возродить роль США как мирового центра. Но расклад политических сил в Латинской Америке слишком неустойчивый, а уровень развития государств сильно отличается. Бразилия уже сама по себе встала в первый уровень крупных стран. К тому же игра на противостоянии Штатам оказывается большим искусом для целого ряда режимов. Союз с Мексикой и Канадой (НАФТА) не сможет выполнить такой роли, которая могла бы решить указанную выше задачу, хотя и обеспечивает Канаде и Мексике более 85 % всего экспорта.

Из всех вариантов возникновения такого лидирующего гипотетического союза европейский вариант имеет наибольшую, пусть в целом также небольшую, вероятность. Хотя расширение Европы сталкивается с естественными географическими ограничениями, однако не исключено, что когда-нибудь станет реальным и план вступления в ЕС Турции с ее более чем 70-миллионным населением. Это сделало бы Европу уже сверхъевропейским союзом (стоит учитывать и развитие связей ЕС с неевропейскими средиземноморскими странами). А если бы Европе удалось интегрироваться с Россией, Украиной, Белоруссией, это могло бы дать определен-

³⁶ Правда, у Китая есть те или иные планы более активной интеграции с соседями. В частности, идея зоны свободной торговли «Китай + АСЕАН» и единого интеграционного пространства в Северо-Восточной Азии (СВА) с участием Японии, Китая и Южной Кореи и, возможно, российских энергетических ресурсов. Но с учетом напряженных отношений Китая и Японии все это выглядит малореальным (см. подробнее: Михеев, В. В. Указ. соч. – С. 319).

ный импульс для перестройки мир-системных отношений и даже сформировать какой-то сильный центр. Это весьма сложный, хотя и не невозможный для реализации вариант.

Все перечисленные варианты маловероятны. А значит, наиболее реальной альтернативой роли США пока остаются только... сами США. Поэтому в ближайшие одно-два десятилетия США останутся наиболее реальным лидером, если, конечно, американцы сами не подорвут свои позиции (резким поворотом внешнеполитического курса, сильной девальвацией доллара, дефолтом или экономическим обвалом). В отсутствие в настоящий момент явного лидера в противовес США мир вынужден способствовать сохранению США как безальтернативного, пусть и дряхлеющего, центра, поскольку всякое ослабление позиции США может привести к неуправляемой во многом трансформации Мир-Системы. Возникает своего рода «цикл дисбалансов»³⁷, поддерживающих друг друга. С одной стороны, это на руку США, но с другой – отсутствие жесткой конкуренции за лидерство сильно ослабляет возможности США к обновлению. Есть мнение, что хотя спрос на лидерство США все еще останется высоким, заинтересованность и готовность США играть лидирующую роль могут снизиться, поскольку американские избиратели пересмотрят свое отношение к экономическим, военным и иным издержкам американского лидерства³⁸. Точнее говоря, скорее могут быть колебания во внешнеполитической линии, вариации на тему борьбы изоляционизма и гегемонизма, в результате чего на какое-то время внешнеполитическая активность США может снизиться. Но переход государств от политики откровенного гегемонизма и внешней экспансии к пассивной внешней политике в истории имел место неоднократно, в частности в Японии, Германии и в самое новейшее время в России.

В условиях неопределенности число вероятных сценариев может быть велико. Так, в докладе Национального разведывательного совета США, структуры, близкой к американской разведке³⁹, рассматривается четыре гипотетических варианта: «Мир без Запада», когда новые силы вытесняют Запад с лидирующих позиций в геополитике; «октябрьский сюрприз» – экологическая катастрофа; «разрушение БРИК» – конфликт между Индией и Китаем из-за доступа к жизненно важным ресурсам; «Политика не всегда локальна» – когда различные негосударственные структуры объединяются, чтобы разработать международную программу по вопросу окружающей среды и избрать Генсека ООН. Все они, хотя и опираются на определенные тенденции современности, выглядят недостаточно реальными, что, впрочем, признают и сами авторы⁴⁰.

При большом спектре вариантов будущего рассмотреть все вариации оказывается довольно затруднительным. Поэтому лучше избрать какие-то основные параметры анализа гипотез. Возьмем такой важный, на мой взгляд, параметр будущего развития, как *степень внезапности и остроты* геополитических и геоэкономических изменений. Очевидно, что когда процесс идет постепенно, к нему привыкают, на него пытаются воздействовать, и система хоть как-то успевает трансформироваться. Когда изменения происходят внезапно, на какой-то период возникает

³⁷ Мир после кризиса... – С. 42.

³⁸ Там же. – С. 171.

³⁹ Опубликовано в виде книги, на которую я уже ссылаясь: Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. – М.: Европа, 2009.

⁴⁰ Там же. – С. 29.

вакуум системности и порядка, хаос, возведение наспех временных и потому далеко не всегда удачных конструкций. Рассмотрим два таких гипотетических варианта: постепенных и внезапных изменений⁴¹.

Первый – когда ослабление мощи США идет не резко, а постепенно. В этом случае возможно, что США, пытаясь сохранить свое лидирующее положение, с одной стороны, будут вынуждены маневрировать, вступать в коалиции, уступать в тех или иных вопросах, принимать какие-то общемировые идеи, чтобы не потерять лидерства и сохранить приемлемый геополитический баланс. А с другой – США будут стремиться что-то создать в мировом масштабе, пробовать институционализировать ситуацию, чтобы в каких-то общепринятых международных и межгосударственных договоренностях или системах взаимодействия (организациях, консультациях, иных формах) попытаться закрепить свое положение первых среди равных, но в то же время не настаивать на абсолютной или даже явной гегемонии, какая есть сегодня. Разумеется, тут потребовалось бы большое искусство. Этот процесс пошел бы удачнее, если бы США удалось, как рекомендовал З. Бжезинский, объединиться в важных направлениях с Европой и Японией⁴². На мой взгляд, объединяться надо по максимальному числу проблем. Запад – в условиях низких темпов роста в развитых странах – объективно заинтересован в создании такого порядка, который бы оформил некоторые его преимущества институционально (и в известной мере это было бы полезно для всей Мир-Системы)⁴³. Насколько эта необходимость может быть вовремя осознана, конечно, большой вопрос, но от того, произойдет ли такое осознание раньше или позже, во многом может зависеть успех такой институционализации⁴⁴. Это был бы, условно говоря, сценарий «планируемой перестройки».

Второй вариант возникает в случае, если изменение позиции США произойдет резко, например в результате внезапного обвала доллара и особенно вследствие дефолта Америки (допустим, при неожиданном изменении ситуации в мировой экономике вследствие еще более сильного, чем осенью 2008 г., кризиса).

В этом случае общественное мнение США вполне может качнуться в сторону сворачивания мировых функций США, что дополнительно усилит вакуум международного управления. В такой ситуации возможны анархия (менее вероятный сценарий) или собирание («сколачивание») наспех какой-то системы, способной поддержать заваливающийся мировой порядок, для решения сиюминутных дел, какие-то паллиативные решения и договоренности, которые в целом в дальнейшем могут оказаться перспективными.

⁴¹ Хотя, скорее всего, процесс будет неровным: медленные неуправляемые изменения будут сменяться какими-то крупными, но не фатальными обвалами и кризисами, подстегивающими процесс трансформации и даже меняющими его направления.

⁴² Бжезинский, З. Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2005.

⁴³ Пример такого закрепления – определение пяти ведущих держав, имеющих право вето в СБ ООН. Расклад сил в мире меняется, а этот порядок сменить не так просто.

⁴⁴ Один из возможных приемлемых для Запада выходов – квотирование темпов экономического роста, чтобы сдерживать слишком быстрое развитие периферии (о возможностях такого квотирования см.: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса). Если же ограничения нельзя добиться путем прямых квот на экономический рост, то можно, например, под видом борьбы за всемирную экологию, права наемных работников, усиливая борьбу против нечестной конкуренции и т. п.

Однако из всех гипотетических вариантов мне представляются самыми вероятными два альтернативных. Первый – естественно, более предпочтительный – расширение «клуба» ведущих мировых игроков до такого их числа, которое позволит как-то влиять на ход мирового развития (о нем будет сказано дальше). Второй вариант – спонтанного неуправляемого развития, когда главные игроки будут в основном озабочены внутренними проблемами, политики – рейтингом популярности, а общемировые проблемы будут решаться постольку-поскольку. Японское общество является хорошим примером такой самоизоляции (хотя и там уже проявляются определенные тенденции к интеграции), ЕС также слишком часто демонстрирует замкнутость на собственных интересах. Для западных стран есть также опасность стать заложниками демократической системы, когда положение политиков не позволяет им думать о будущем, и они окончательно превращаются в демагогов и политиканов. При этом вовсе не исключены эксцессы протекционизма и прочих антиглобализационных мер. В этом случае только внезапные встряски вроде современного кризиса могут пробудить западных политиков и западные общества от спячки; полезными оказываются и всплески национально-цивилизационной и гегемонистской гордости.

3. Усилится ли дефицит глобального управления и фрагментированности мира?

Мне неоднократно и по разным поводам приходилось писать о том, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию⁴⁵. Усилится ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы (в том числе опираясь на динамику знаменитых кондратьевских циклов), считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период. Я придерживаюсь подобного же мнения⁴⁶. Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться? К тому же ослабление лидерской позиции США и отсутствие альтернативы (в любом случае смена лидера – процесс долгий и сложный), очевидно, должна вести к тому, что международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает, что нас ждет в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будет трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом.

Так или иначе, дефицит глобального управления, а также «растущей институциональной нехватки»⁴⁷ имеет место, и в ближайшие десятилетия он явно не ис-

⁴⁵ См., например: Гринин, Л. Е. Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах // Человек и природа: «Вызов и ответ» / под ред. Э. С. Кульпина. – М.: ИАЦ-Энергия, 2008. – С. 56–88; Он же. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97; Он же. Нежеланное дитя глобализации.

⁴⁶ См.: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. Глобальный кризис в ретроспективе...

⁴⁷ Об институциональной нехватке см.: Мир после кризиса... – С. 13, 20.

чезнет. Можно предположить, что он станет идеологически более осмысленным, а проекты устранения этого дефицита обретут уже какие-то относительно зримые очертания. Но глобальное управление требует больших усилий и существенных жертв. До какой степени государства и негосударственные субъекты пожелают или смогут вынести возрастающее бремя глобального управления? Отказ разделить это бремя усугубит ситуацию «растущей институциональной нехватки». Похоже, стран, которые рискнут взять в одиночку на себя какое-то бремя международного регулирования, окажется мало, так же, как сегодня немногие государства берут на себя обязательства делать крупные взносы в международные организации, включая ООН. Вот почему какое-то время многие страны будут по-прежнему заинтересованы в лидерстве США, хотя, как сказано выше, последним в определенных условиях оно может стать неинтересным или уже непосильным. Тем же отдельным крупным державам, кто оспаривает лидерство США, глобальное регулирование также, скорее всего, будет не под силу.

В такой ситуации могут выявиться наиболее важные сферы, участвовать в регулировании которых будет выгодно, а также отдельные важные области, принимать участие в регулировании которых придется в рамках международных обязательств. Это должно усилить тенденцию к коллективным действиям всякого рода, к формированию объединений, к развитию разных видов сотрудничества, а также будет трансформировать глобальное управление в сторону новых технологий.

Американские аналитики считают, что: а) в ближайшее время политикам и общественности придется справляться с растущим спросом на многостороннее сотрудничество; б) нынешние тенденции ведут к возникновению в следующие 15–20 лет фрагментированного и полного противоречий мира; в) многополярность и бесструктурность – основные черты будущей системы⁴⁸.

Что касается спроса на многостороннее сотрудничество, он и сегодня уже высок, а завтра вырастет сильнее. Но представляется, что такой рост, во-первых, дает шанс ряду региональных держав и союзов усилить свои позиции, во-вторых, будет способствовать ускоренному образованию самых разнообразных форматов многостороннего сотрудничества. Стоит заметить, что *в идеале новый международный порядок сложился бы наиболее удачно при формировании, с одной стороны, достаточного количества различных по типу и по уровню охвата наднациональных союзов, коалиций, координационных центров, многосторонних договоренностей и влиятельных негосударственных организаций и сетевых систем; а с другой – при наличии хоть как-то признанного де-факто, а еще лучше – де-юре, институционализированного ведущего центра Мир-Системы.*

Многополярность (хотя в это понятие вкладывается слишком разный смысл) стала геополитическим лозунгом ряда держав, и она как будто складывается. Формируются новые центры силы (экономической в первую очередь, но также и военно-политической), намечаются в связи с этим новые конфигурации в рамках Мир-Системы. Но в любом случае многополярность в условиях мирного сосуществования в принципе означает тот или иной мировой порядок, поэтому многополярность и бесструктурность – понятия противоположные.

Усиление же фрагментированности означало бы распад (хотя бы и временный) Мир-Системы. Насколько это вероятно? Мне все же представляется, что маловероятно, слишком уж привыкли к определенным реалиям некоего квазиединства. Ведь да-

⁴⁸ Мир после кризиса... – С. 8, 25–26, 180.

же кризис не привел к расколу, а в определенной мере сплотил мир. Кажется также, что формируется некое глобальное сознание. Вот только один пример таких неожиданных метаморфоз современной экономической психологии. В период особенно низкого падения производственных индексов в 2008–2009 гг. среди экономистов все чаще стала повторяться мысль, что экономика Китая вытянет весь мир, а значит, не все так страшно.

4. Эпоха новых коалиций и трансформация суверенитета

Мне уже приходилось писать, в том числе и в журнале «Век глобализации», о процессе трансформации содержания национального суверенитета, то есть процессе сокращения реального объема суверенных полномочий государств, причем во многом добровольного⁴⁹. Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов усиливает процесс трансформации суверенитета, поскольку государства должны в чем-то добровольно ограничить себя, а в чем-то взять на себя дополнительные функции. Мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета, показал, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран.

«К 2025 году не останется единого “международного сообщества”, состоящего из национальных государств. Власть в большей степени рассредоточится между новыми игроками, приходящими со своими правилами игры, а также увеличится риск того, что западные альянсы ослабеют»⁵⁰. Действительно, скорее всего, реальный состав «международного сообщества» в ближайшие десятилетия будет более сложным, поскольку в него добавятся какие-то наднациональные союзы, официальные или неофициальные совещания лидеров стран и союзов, временные или постоянные коалиции, возможно, и негосударственные организации.

Однако трансформация суверенитета на фоне создания нового мирового порядка вовсе не однонаправленный и однолинейный процесс. Во-первых, национальное государство еще долго будет ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем многие вопросы способно будет реально решать только государство. Во-вторых, в чем-то суверенность может усиливаться, так как современный кризис вновь показывает, что судьба национальных экономик в огромной степени зависит от силы государства. Поэтому вполне вероятно, что самое ближайшее будущее может показать определенный «ренессанс» роли государства и его активности на мировой арене. Также вероятен возврат в ряде стран некоторых суверенных полномочий, отданных (порой бездумно) тем или иным наднациональным организациям, сообществам или просто мировому капиталу. При долгосрочных тенденциях такие приливы и отливы, колебания и флуктуации не только возможны, но и неизбежны. Например, неуклонное, казалось бы, движение к демократии вдруг в первой половине XX в. сделало вираж в сторону тоталитаризма; развитие в направлении свободной мировой торговли было в последней трети XIX в. развернуто в сторону протекционизма. Поэтому возврат к этатизму вполне может быть и достаточно длительным, и в определенной мере вполне полезным.

⁴⁹ Подробнее об этом процессе см.: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета; Он же. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса; Grinin, L. E. Globalization and the Transformation of National Sovereignty // Systemic Development: Local Solutions in a Global Environment / ed. by J. Sheffield. – Auckland: ISCE Publishing; Goodyear. – P. 47–53.

⁵⁰ Мир после кризиса... – С. 8.

Тем не менее хотелось бы отметить, что такой возврат к повышению роли государства уже не может осуществиться на прежних началах, когда выгода государства – даже в рамках выполнения им принятых на себя обязательств и соблюдения общепринятых международных норм – воспринималась в международных отношениях как высшее основание для его деятельности на международной арене. Я полагаю, что возврат роли государства не может быть успешным без значительного изменения его внешнеполитической идеологии. Иными словами, можно предположить, что в основе концепции и проведения внешней политики уже в существенно меньшей степени, чем сегодня, будут лежать откровенно эгоистические интересы государств⁵¹. Разумеется, национальный эгоизм не исчезнет очень долго (если вообще когда-нибудь исчезнет), но он начнет сильнее, чем это делается сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая акция может требовать помимо реального интереса также и определенного идеологического обоснования. Рассмотрение мировой арены как «великой шахматной доски» (Бжезинский), где выигрывает сильнейший, а мелкие фигуры могут размениваться и приноситься в жертву, возможно, уже не будет востребованным. Мировая арена скорее будет рассматриваться как общее поле интересов, в котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и как-то их поддерживать. Поэтому есть ощущение, что, конечно, не вдруг, но постепенно во внешней политике начнут усиливаться лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет мировые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели⁵². Но это приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать грубо отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Неизбежно претерпит радикальные изменения также политика наиболее крупных государств, направленная на то, чтобы прямо и грубо доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, формы соперничества на международной арене, конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Конкуренция заметнее пойдет за то, кто станет направлять процесс складывания нового мирового порядка. Соперничающие силы должны будут выступать под лозунгами нового, более честного мирового устройства, порядка, за справедливое и бескризисное мировое развитие, против национального (особенно американского) эгоизма и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах. В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что я назвал *эпохой новых коалиций*⁵³. В результате могут быть заложены контуры новой расстановки сил на достаточно длительный срок.

⁵¹ Один из множества примеров такого откровенно эгоистического подхода – позиция США по вопросам выбросов в атмосферу парниковых газов.

⁵² Разумеется, и в новейшей истории различные акции проводились и проводятся под эгидой общих интересов, в частности интервенции в зависимые страны (со стороны как СССР, так и США), нажим на отдельные страны под лозунгами защиты прав человека, демократии и т. п. Но в будущем идеологический аспект, думается, весьма заметно усилится.

⁵³ См.: Гринин, Л. Е. Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса;

Формы, конкретные цели и направленность действий новых коалиций будут зависеть от многих вещей. В частности, от того, насколько далеко зайдет процесс принятия общих решений и какие способы и формы принятия общих решений начнут реализовываться. Представляется, что система простой демократии (одно государство/участник – один голос) на уровне Мир-Системы вряд ли будет жизнеспособной⁵⁴. Невозможно приравнять Китай и Индию к какому-нибудь Лесоту или тем более Тувалу с населением в 12 тыс. человек.

Вполне вероятно, что на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими. В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Например, если в принятии решений (и распределении квот) будут учитываться численность населения и другие параметры⁵⁵, страны и участники смогут блокироваться друг с другом, исходя из относительных преимуществ каждого, для принятия выгодного им решения (подобно политическим партиям). Но в конце концов постепенно некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы.

В этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые императивы мирового права. Эту идею вполне подтверждают события, связанные с современным глобальным кризисом, в частности встречи «двадцатки». Направленность к подобного рода наднациональным формам регулирования становится очевидной, хотя станет ли именно G-20 постоянным органом, неясно, поскольку двадцать, возможно, слишком большое число. Но, как сказано выше, вполне возможен иной вариант расширения числа ведущих игроков. Доведение числа членов «клуба G» хотя бы до 11, то есть «семерка» плюс страны БРИК, уже могло бы сделать этот орган более влиятельным, чем сегодня. Но встреч президентов раз в год или реже, или даже встреч министров мало. Такие встречи пока носят скорее ритуальный, чем практический характер. Чтобы сделать такой «клуб» не просто влиятельным, а реальным мировым органом, хотя бы де-факто, необходимо организовывать форматы переговоров, консультаций, частных договоренностей и пр. на самых разных уровнях и в самых разных комбинациях.

Устойчивость новых геополитических и геоэкономических форм будет зависеть от множества причин, но исторический опыт показывает, что наиболее прочными становятся те, в которых помимо конкретных преимуществ и объективной потребности имеются и некие неполитические основы для объединения (географические, культурные, экономические, идеологические и др.).

Естественно, движение к новому мировому порядку будет происходить на самых разных уровнях. Очень важным является региональный уровень. Региональ-

Гринин, Л. Е. Эпоха новых коалиций. Выступление на круглом столе в редакции журнала «Век глобализации» на тему «Глобально-системный кризис и модели мироустройства» // Век глобализации. – 2009. – № 1. – С. 63–70.

⁵⁴ Опыт ЕС показывает, что это сильно сдерживает процесс развития, а подобные правила в мировом представительстве просто блокируют его.

⁵⁵ Существует индекс измерения национальной мощи, в котором интегрированы измерения ВВП, расходы на оборону, население и состояние технологий. Какие-то индексы могут стать основой для институций при подсчете квот и голосов.

ные лидеры быстро набирают мощь, следовательно, они, скорее всего, будут играть более важную роль, чем сейчас. При этом некоторые из региональных держав станут играть ключевую роль во всем геополитическом раскладе на огромных территориях. Сегодня, по некоторым мнениям, такую ключевую роль начинает играть Иран. Не исключено также, что, отвечая на вероятный дефицит глобального управления, негосударственные акторы сформируют сети, сосредоточенные на конкретных проблемах⁵⁶. Однако не стоило бы слишком преувеличивать роль негосударственных организаций и сетей. Главную роль в формировании нового мирового порядка, скорее всего, будут играть государства, но также будут набирать силу надгосударственные объединения всех форматов и форм.

Крайне нужен также и координационный центр, без которого сетевой мир станет неуправляемым конгломератом. К тому же слишком уж сформировался стереотип, что нужны какие-то общемировые институты, поэтому с большим или меньшим успехом, но к ним все равно будут стремиться. Вопрос о координационно-политическом центре Мир-Системы остается очень важным. Если бы удалось создать какой-то коллективный политический (координационный) центр (с ограниченными правами), сосуществование иных функциональных центров могло бы быть более возможным и системным, взаимодействующим. Но именно государства (и особенно надгосударственные союзы) способны скорее всего продвинуться в сторону создания такого центра.

Будущая эпоха, по-видимому, будет эпохой не только новых коалиций, но и новых глобальных институтов, а также – на это обращают внимание пока мало – новых международных технологий многостороннего сотрудничества (в том числе дипломатического, экспертного, социологического, культурного), от которых может зависеть многое. Например, формат международных конгрессов и многосторонних соглашений, возникший после наполеоновских войн и достигший апогея в XX в., вероятно, будет потеснен другими форматами, не исключено, что и связанными с современными коммуникациями. Какая-нибудь постоянная комиссия, работающая не за столом переговоров, а через видеоконференции, может стать удобным и достаточно дешевым органом, чтобы постоянно работать над какими-то проблемами. Как говорил Шарль де Голль, политика – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее политикам⁵⁷. То же можно сказать и о дипломатии в глобализирующемся мире.

⁵⁶ Существуют примеры таких сетей: Форум финансовой стабильности, Международный форум по секвестрации углерода, Международное партнерство по водородной экономике (Мир после кризиса... – С. 161).

⁵⁷ Мысли великих политиков / сост. Е. В. Бельмис. – СПб.: Паритет, 2009. – С. 238.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ (итоги круглого стола)

26 ноября 2009 г. в Финансовой академии (ФА) при Правительстве РФ состоялся организованный кафедрой философии круглый стол на тему: «Мировой финансовый кризис: начало или конец? Философская рефлексия». Открыла круглый стол проректор ФА доктор экономических наук, профессор М. А. Федотова. Она отметила, что ФА выполняет ряд исследований по совершенствованию новой финансовой архитектуры, созданию нового финансового порядка, по превращению России и Москвы в новый мировой финансовый центр. Мнения философов очень важны: выходим мы из кризиса или нет? Каковы объективные тенденции развития мировой экономики? Следует также проанализировать антикризисные меры нашего правительства, оценить, эффективны они или нет, отметить положительные и отрицательные черты мер правительства для финансовой (банковской) сферы и реальной экономики. Необходима мировоззренческая и моральная оценка данных проблем. Круглый стол предполагает открытый задушевный разговор, вопросы и дискуссии. «Я хочу поблагодарить кафедру философии за организацию этого мероприятия», – сказала в заключение М. А. Федотова и подчеркнула, что необходимо знать позицию философов по вышеуказанным проблемам. Она также предложила по итогам круглого стола сделать обзор в «Вестнике Финансовой академии».

Профессор **А. Н. Чумаков**, заведующий кафедрой философии ФА: Я хотел бы сделать упор на философской рефлексии финансового кризиса. Философский взгляд не предполагает конкретных решений. Он в большей мере стимулирует мысль и позволяет посмотреть на мир в целом. Хорошо известно, что «кто берется за решение частных вопросов, не выясняя для себя общих вопросов, тот то и дело будет наткаться на эти общие вопросы». Реальная глобализация началась не с XIX в., как утверждает профессор В. Б. Кувалдин, а с эпохи Великих открытий. С XIX в. и до середины XX в. (эпохи освоения космоса) глобализация стала уже фундаментальной, охватившей основные сферы общественной жизни. Мир в это время фактически замыкается в целостную систему по экономическим и политическим параметрам. С эпохи же информационной революции, берущей начало в 1980–1990-е гг., развивается многоаспектная глобализация, когда уже ни одна сфера общественной деятельности в мировом масштабе не может рассматриваться изолированно. С этого времени мир представляет собой целостную систему, где финансовая сфера выступает ее неотъемлемой частью. Таким образом, встает вопрос о соотношении различных подсистем в целостной системе, что дает возможность по-новому посмотреть на развитие мировых событий. В частности, становится вполне очевидным, что все предыдущие экономические кризисы, в том числе и Великая депрессия 1929–1933 гг., носили региональный или локальный характер, тогда как теперь кризис действительно мировой. В то же время современный мир, став целостной системой, пока не получил адекватного управления,

и в этом кроется главное противоречие глобального мира. Более того, реальное положение в мировых делах таково, что рассчитывать на скорое решение данного вопроса пока не приходится, так как фактически отсутствует общечеловеческая мораль, а международное право еще слишком далеко от того, чтобы дополниться правом всемирным, без чего глобальное управление в принципе невозможно. При этом важно подчеркнуть, что «Большая восьмерка» и даже «двадцатка» недостаточны для адекватного решения данного вопроса. Отсюда финансовый кризис – это лишь начало системного мирового кризиса, который может то затихать, то усиливаться, но не может закончиться без решения главного противоречия современной эпохи.

Профессор Х. А. Барлыбаев: О финансовом кризисе много говорят и пишут, но глубоких обобщений пока не видно. Я назвал бы свое сообщение «Мировые финансовые кризисы: от флуктуаций к бифуркации». Финансовые кризисы имеют синергетический характер. Известно, что каждое явление проявляется в двух тенденциях. В каждом человеке происходит борьба жизни и смерти. То же происходит и с человечеством. Очевидно, что оно идет или к умиранию, самоуничтожению, или к новым формам жизни. Сейчас деньги управляют людьми. Денежные отношения проникают всюду, во все поры общественной жизни. Например, деньги Р. Абрамовича управляли Чукоткой. Сам он приезжал туда один раз в год. Видимо, сейчас вновь следует обратиться к идее загнивания современной экономической системы. Мне представляется, что идея устойчивого развития наиболее плодотворно отвечает запросам времени.

Профессор И. А. Гобзов: Тема моего выступления – «Финансовый кризис и кризис мысли». Б. Шоу говорил: 2 % людей думают, 3 % думают, что они думают, а 95 % считают, что лучше умереть, чем думать, то есть не хотят думать. Философы сейчас не хотят думать, так как надо принимать ответственность на себя. Необходимо осмысливать происходящее в мире. К. Маркс в 3-й главе «Капитала» раскрыл причину финансовых кризисов. Однако структура данного кризиса претерпела изменения, связанные с процессом глобализации. Сейчас основными проблемами являются: 1) общество потребления и кризис; 2) неравномерность экономического развития; 3) экологическая проблема и т. д. Я подробно остановлюсь на первой проблеме. Общество потребления в последнюю четверть XX в. ориентировало людей на потребление, а не на производство. Мы в России сейчас ничего не производим, а потребляем: компьютеры, мобильники и т. д. В 1990 г. на Западе начинался мощнейший кризис, но развал СССР и социалистического лагеря помог его избежать, так как значительно расширилась сфера потребления, товары «хлынули» на рынки этих стран. Чтобы покончить с кризисом, необходимо покончить с капитализмом. Труд сейчас потерял всякую ценность. Шоумен получает десятки тысяч долларов за один день, а профессора имеют нищенскую зарплату. Не следует забывать, что Римская империя погибла по причине прекращения трудовой деятельности. Мы находимся в периферийном капитализме, где господствуют китайские и турецкие товары. Возможна ли модернизация России без усиления роли государства? Нет, невозможна. Общество потребления может привести к 3-й мировой войне, а тем самым и к гибели человеческой цивилизации.

Член-корреспондент РАН **Г. Б. Клейнер:** Уже в названии круглого стола прозвучал, с одной стороны, термин «кризис», а с другой – «рефлексия». Дж. Сорос

впервые назвал кризис рефлексивным. Что такое кризис? Кризис есть «война всех против всех». Ни один фактор не победил другой фактор. Кризис финансовый напоминает кризис больного человека, у которого еще не наступил перелом и состояние представляет собой стабильно тяжелое. Что является антонимом кризиса? Это гармония. Но чего с чем? Мы провели исследование между четырьмя типами систем общества: 1) объектами, организациями; 2) проектами, событиями; 3) процессами; 4) средами. Эти типы исчерпывают разнообразие систем. Возникло неравновесие. Сейчас появилось много необоснованных проектов, а также произошел всплеск разнообразных событий (ипотека, деривативы и т. д.). Они вспыхивают и гаснут. Процессы и среды как структуры не дают возможности их гармонизировать. Целостность не формируется. Сложилась неравновесная методология.

Вторая часть моего выступления – гносеологическая неравновесность. У кризиса есть начало, будет и конец, он ограничен во времени. Неравновесность будет устранена. Государство многое делает для устранения кризиса, правда, часто интуитивным образом. Кризис показал, что необходимо пересматривать многие мировоззренческие концепции. Я надеюсь на философов в этом отношении. Существует много оппозиций: дискретны экономические агенты или нет? Есть сомнения в их самостоятельности. Тезис индивидуализма, который господствовал многие годы, заменяется методологической систематикой. Вторая оппозиция: виртуальность и реальность. Сейчас господствует разгул виртуальности в экономике. Третья оппозиция: мы живем не только в расширяющейся Вселенной, но и в расширяющейся экономике. Однако существует сейчас и экономика спада, сжимающаяся экономика. Предприятия не могут жить в условиях спада. Все эти оппозиции требуют начать пересмотр мировоззренческих основ экономики и общества.

Профессор В. Б. Кувалдин: Каждый смотрит на происходящее «со своей колокольни». С моей точки зрения, мы переживаем не финансовый и даже не экономический кризис. Это первый системный кризис. Финансовые и экономические трудности – лишь формы его проявления. На рубеже XX и XXI вв. произошло нарушение процесса производства и воспроизводства всей системы общественных отношений. В генезисе кризиса сыграла роль неудача в построении нового большего Ближнего Востока и Афганистана. Сравнение нынешнего кризиса с Великой депрессией 1929–1933 гг. неуместно, так как там причины были заложены Первой мировой войной и Октябрьской революцией 1917 г. Такое сравнение мешает, а не помогает прояснению сути кризиса. Современный экономический кризис имеет корни в XIX в., когда начал реализовываться европейский проект формирования глобального мира. Этот проект пережил несколько стадий. До Первой мировой войны шел процесс глобализации, но война помешала его реализовать. Устойчивая версия глобализации формировалась в 60–90-е гг. XX в. Это был уже американский проект. Кризис показал, что мир так дальше развиваться не может. Он будет меняться. Мир был управляем Западом до XXI в. Сейчас произошел сбой. Во многом мир, видимо, будет управляться США и Китаем. В 10-е гг. XXI в. капиталистический мир будет создавать другую основу, где появятся, видимо, новые центры сил.

Профессор Н. Н. Думная: Я согласна с предыдущим оратором, что мир был жестко управляем, а сейчас такого управления нет. Мировая экономика – рыночная система. Ей присущи свойства, в частности неустойчивость. Эту неустойчи-

вость рыночной экономики национальные правительства пытаются сглаживать. В глобальной рыночной системе появились новые риски. В финансовой сфере это сетевые риски, то есть организация этой сферы по типу сетей. Информационные риски, когда информации много, но она не та, которая нужна. Виртуальные риски – речь идет о том, что создан виртуальный рынок, где продаются и покупаются акции. Есть риски самоорганизующейся системы. Существуют также риски очень большой системы, где самоорганизация наталкивается на границы. Вывод мой таков: названные риски носят фундаментальный характер. Они принципиально неустранимы, их можно только регулировать и сокращать.

Профессор **М. А. Пивоварова**: Для нас очень важен этот круглый стол, так как то, что мы обсуждаем, есть, по сути дела, смена парадигмы, в том числе и в экономической науке. Новая парадигма пока не сформирована. Философская рефлексия помогает нам это понять. Я вернусь к теории цикличности. На Западе прежде всего анализируют циклы Кондратьева. Философы должны провести рефлексию этим циклам. Сейчас обнаружено, что циклы могут быть и более длительными. В частности, последний такой большой цикл определяется в 140 лет. Он начался в 1929 г. Понижительная волна в 60 лет Россией пройдена. Мы находимся сейчас на повышательной волне. Пик кризиса Россией пройден, то есть самый тяжелый период позади. Мы переживаем кризис роста. Многие другие страны еще будут переживать понижительную волну кризиса. Парадигма волновой теории кризиса должна быть пересмотрена.

Профессор **А. Г. Пырин**: Если финансовые дефолты представляют социальную закономерность, то, как и всякий закон, они имеют философское основание. Таким основанием (причиной) финансового дефолта является общесоциологический закон пограничной пользы.

Известно, что всякая польза (результат) от деятельности, в том числе и финансовой, имеет свои границы насыщенности. Эти границы выражены в законе пограничной пользы. Суть его, на мой взгляд, состоит в том, что достижения человека растут в арифметической, а затраты на их получение – в геометрической прогрессиях. Закон пограничной пользы рано или поздно приводит к образованию «пузырей».

Нередко утверждается, что фундаментальная причина мирового финансового кризиса неизвестна. Но так ли это? Представляется, что основная причина финансового кризиса, кстати, как и многих из предыдущих, вызвана периодически назревающими противоречиями между возрастающими затратами и реальными результатами человеческой деятельности. Кризис возникает тогда, когда диапазон между ними достигает конфликтной стадии.

Известно, что роль финансовой системы состоит в снабжении капиталом наиболее эффективных проектов. Но в последнее время финансовая система стала очень дорогой. Финансовая сфера необходима, чтобы экономика развивалась и получала выгоду, а чрезмерное ее развитие ведет к обратному результату. Получилась ситуация, когда финансы не работают на экономику. Деньги делают деньги, а не товар.

Профессор **А. В. Шестопал**: Мое выступление называется «Мировой кризис – смена парадигм». В 1960–1970-е гг. глобализация рассматривалась сквозь призму перехода от индустриального к постиндустриальному обществу. Необходимы бы-

ли новые технологии. Последние десятилетия начиная с 1980-х гг. глобализация рассматривается как взаимоотношения секулярных и постсекулярных обществ, то есть через призму истощения априористических культур, а не через смену технологий. И первые, и вторые модели существуют, и встает вопрос: а возможен ли диалог между ними? Есть ли движение их друг к другу и пересечение между ними? Информационный потенциал с позиции количества практически себя исчерпал. Нет особого смысла «крутить» информацию бесконечно. Сейчас ценностная проблематика выходит на первый план при обсуждении проблем современных технологий. Итак, завершается ли кризис? Как смотреть на этот кризис? Есть спады, есть подъемы. Я согласен с В. Б. Кувалдиным в том, что кризис идет с 1980-х гг. Есть подход более долгосрочный. Философия должна отличать краткосрочные и долгосрочные программы. Важны и те и другие. Но все же акцент следует делать на долгосрочных программах.

Профессор Е. В. Зорина: Среди социальных ценностей есть и эпистемический подход к анализу кризиса. Это всеобщий кризис ценностей, поэтому можно ожидать (и он уже маячит) антропологический кризис. Мы пока не можем совместить традиционный и инновационный стили анализа кризиса. Каждый из них имеет свою специфику и свой инструментарий. Но попытки совмещения данных стилей и инструментариев необходимы.

Профессор Т. М. Махаматов: Философия позволяет осмыслить результаты проблем. Современный кризис – это кризис очищения. Он показывает, что в людях уменьшается человечность. Мы индивидуалисты. Финансовый кризис проверяет нашу человечность. У нас слишком прагматичное мышление. Почему разразился финансовый кризис? Потому что мы думаем только о деньгах. Банкиры, предприниматели дают своим менеджерам «золотые парашюты», а миллионы людей едва сводят концы с концами. Необходимо развивать в людях человечность, грамотность, образованность. Только усиление роли рационализма в соединении с силой человечности может спасти человечество.

Доцент С. А. Просеков: Я хотел бы вернуться с теоретических высот на грешную землю. Часто правители призывают экономить деньги на ассигнованиях на гуманитарные науки и культуру. В СССР управляли «технари», мало образованные гуманитарно. Они и развалили Советский Союз. А. Эйнштейн на вопрос, кто сыграл большую роль в создании теории относительности, ответил: «Ф. М. Достоевский и Б. Спиноза». Они дали больше, чем вся математика К. Ф. Гаусса. Роль гуманитарных наук для естествоиспытателей, в том числе математиков, очень велика, так как формируется образное мышление. Академик Б. В. Раушенбах задался целью выяснить, есть ли связь между гуманитарной составляющей и аналитикой. Он пришел к выводу, что образное мышление помогает аналитике.

Профессор М. М. Скибицкий: Е. В. Зорина и Т. М. Махаматов подчеркнули, что современный кризис прежде всего антропологический. Я вспоминаю стихи Р. Бёрнса: «Король лакея своего назначил генералом, но он не может никого назначить честным малым». Стоит вопрос: достигли мы дна или нет? Если достигли, то должен быть подъем. Дж. Стиглиц, лауреат Нобелевской премии, говорит, что самый страшный критерий этого кризиса – безработица. Главная неравновесность – биосфера и общество. Мы живем в запредельном мире. Современная эко-

номика работает в условиях антропогенно перегретой Земли. Второй момент связан с системным подходом к глобальному кризису. Ипотека в США привела к тому, как говорил Б. Обама, что за один день было потеряно 5 триллионов долларов, тем самым мировую систему толкнули к хаосу. Если баррель нефти будет стоить 150 долларов, то опять мировая система пойдет к хаосу. Какой это кризис: циклический или он является саморазрушением экономики мира? Ответа на этот вопрос у меня нет. Профессор А. Н. Чумаков справедливо связал современный кризис с потерей управления. Необходимо научное управление развитием мировой цивилизации.

Профессор Р. П. Трофимова: Я пока не услышала ответов и даже подходов к анализу российской цивилизации. Чтобы ее рассмотреть, необходимо выяснить: Россия – это страна или локальная цивилизация? Существуют глобальные, мировые и локальные цивилизации. Важным фактором современности являются локальные цивилизации, имеющие многофакторный характер. Эти факторы взаимодействуют между собой. Необходимо изучать и моделировать локальные цивилизации. В США, например, в крупных вузах и библиотеках гуманитарные исследования о локальных цивилизациях засекречены. Кризис глобальный, но он касается не только системы в целом, но и локальных подсистем. Кризис имеет не только отрицательный характер, но и положительный. Например, для России позитивность состоит в том, что система в ней в целом осталась традиционной, идущей еще от Византии. Поэтому переход к инновациям в экономике будет осуществляться в России на традиционной основе.

Профессор А. Д. Иоселиани: Философия выступает в качестве головного вагона поезда, с нее все начинается. Современный кризис захватывает все, в том числе и духовную сферу, включая семью и брак. Семья сейчас менее выбираема, так как много одиночек, однополых пар, повторных браков. Духовный кризис, в том числе семейный, происходит уже давно. Более того, экономический кризис во многом определяется духовным кризисом. Известно, что сначала заболевает дух, а затем тело.

Выступающим были заданы вопросы.

О. И. Лаврушин: Что такое кризис? Как отличить сущность кризиса от его проявления?

Член-корреспондент РАН **Г. Б. Клейнер:** Кризис – состояние конфликтного противостояния факторов. Поэтому не надо путать явление и его проявление. Второй вопрос: желательное состояние мира. Оно может быть сообществом людей, или государств, или цивилизаций. Мир идет к однообразию или многообразию? Системный подход предполагает необходимое разнообразие. Поэтому важно выяснить, нужно управление миром или нет. Разнообразие, на мой взгляд, исключает управление из единого центра.

Профессор И. А. Гобозов: Елена Владимировна (Зорина), Вы говорили о роли религии в преодолении кризиса. Как Вы себе это представляете?

Профессор Е. В. Зорина: Религия связана с ценностным отношением к жизни. Если все верующие будут только молиться с целью преодоления кризиса, то это не поможет. Хотя на индивидуальном уровне молитва может иногда помочь. Однако религиозное измерение жизни как способствующее стабилизации духовной атмосферы общества отбрасывать нельзя.

Член-корреспондент РАН **Г. Б. Клейнер**: Вопрос к Вам, профессор Чумаков. В каком смысле Вы понимаете управление миром: как аналогичное управлению государством или как специфическое управление, отличающееся от управления государством? Нужно ли такое мировое управление?

Профессор **А. Н. Чумаков**: Любая целостная система должна иметь управление хотя бы ее отдельными элементами. Современный мир вышел на такой уровень развития, что если он не будет управляем, то пойдет вразнос. Поэтому необходимо управление как в конкретном обществе и государстве, так и применительно к мировой общественной системе в целом. Другой вопрос, как организовать данное управление миром.

Профессор **Х. А. Барлыбаев** (реплика): С точки зрения теории управления нужно или не нужно мировое управление – это субъективный вопрос. Объективно проблемы управления миром вызваны потребностью. Люди вынуждены управлять миром помимо своих желаний. Мировое государство с необходимостью будет создано лет через 100–300. Более того, номинально уже действует мировой парламент, на заседании которого (в Алжире) присутствовал профессор Чумаков. Существует Европейский парламент, избран президент Евросоюза. Да, некоторые лидеры государств не хотят иметь над собой властные структуры. Но если не будет мирового правительства, то и человечества может не быть.

Аспирант **А. Михайлов**: На мой взгляд, кризис – это переоценка ценностей. Ценности могут быть материальные и духовные. Очень важно духовное перерождение. Каковы последствия кризиса в плане переоценки ценностей?

Профессор **И. А. Гобзов**: Постмодернизм занимается переоценкой ценностей. Все духовные ценности, рожденные модернизмом, отброшены. Смотришь современную постановку «Евгения Онегина» и не понимаешь, о чем идет речь. Все переделали. Еще Аристотель говорил, что следует искать первопричину, а мы ее не ищем. П. Чаадаев говорил: «Любовь к истине выше любви к отечеству». Я, перефразируя его, хочу сказать: «Любовь к капитализму ниже любви к истине». Россия уже не является локальной цивилизацией. Сложилась мировая цивилизация, и Россия – ее часть.

Профессор **Н. Н. Думная**: Исламская цивилизация находится в духовном кризисе или нет? Лично я считаю, что исламская цивилизация не находится в кризисе.

Профессор **Х. А. Барлыбаев**: Кризисы – это всеобщее явление, они происходят везде, как в социальной, так и в естественной жизни. Кризис есть фазовый переход: старое умирает, новое нарождается. Что касается исламского мира, это зависит от позиции, какую мы занимаем, оценивая данное явление.

Профессор **В. Б. Кувалдин**: Отвечая на этот же вопрос, хочу отметить, что в целом модернизация исламского мира с трудом вписывается в современный мир. Однако есть обнадеживающие примеры – Саудовская Аравия. Особенно следует отметить самую крупную мусульманскую страну – Индонезию. Там сложилась хорошая рыночная экономика и работающая демократия. Насколько все это перспективно, реальность нам покажет.

Профессор **И. А. Гобзов**: Я считаю, что нет никакой исламской цивилизации. Есть арабская цивилизация. Нельзя сравнивать цивилизацию с религией. Арабская

цивилизация окрашена исламской религией. Далее, есть центральной и периферийный капитализм. Арабские страны, как и Россия, относятся к периферийному капитализму. Они вывозят сырье и ввозят новые технологии. Кризис – это застой, спад, рецессия, связанная с перепроизводством товаров. В норме сумма денежного потока должна быть равна сумме товаров. Если этого нет, то наступает кризис, в том числе финансовый. Деньги в этих условиях существуют сами по себе, во многом отрываясь от производства товаров.

Профессор **М. С. Муратаев:** Для кого-то – кризис, а для кого-то – рай. Сейчас сверстан бюджет России на 2010–2012 гг. Мы в этот период «съедаем» фонд накопления и залезаем в долги. Кризис есть результат нарушения устойчивого спроса и предложения. Надули «пузыри» и сейчас вытряхиваем карманы. Нарушены все видимые и невидимые законы экономики. Алчность на фондовом рынке, фондах недвижимости и сырья съедает накопления. Требуется расчистка завалов, которая потребует не только больших средств, но и длительного времени. Н. Саркози в сентябре 2008 г. справедливо заявил, что следует противостоять усилиям трудящихся к легким деньгам, получаемым в результате спекуляций, когда сжимается финансовая удавка.

Профессор **А. В. Шестопал:** Кризис характеризует переход к новому состоянию. Это не только распад старой системы, но и рождение новой. Необходим оптимистический подход, позволяющий раскрыть новые возможности развития. История человечества – это драма.

В заключение ведущий круглого стола профессор А. Н. Чумаков подвел итоги совместной работы и предложил развивать и дальше опыт междисциплинарного сотрудничества, что принципиально важно при обсуждении комплексных проблем.

*Записал доктор философских наук
профессор МГЮА А. Г. Пырин*

ПРИРОДА И ОБЩЕСТВО

НОМО CONSÚMENS – ЧЕЛОВЕК ПОТРЕБЛЯЮЩИЙ

В. И. Лукьяненко, М. В. Хабаров, А. В. Лукьяненко

*Согласно общепринятой точке зрения, одной из основных причин стремительно надвигающейся глобальной экологической катастрофы является беспрецедентное по своим масштабам увеличение численности населения планеты Земля. Разделяя эту точку зрения, авторы статьи считают, однако, что другой не менее важной причиной, о которой обычно либо упоминают вскользь, либо вообще молчат, является чрезмерное потребление товаров и услуг в индустриально развитых странах, где многие десятилетия идет целенаправленное формирование бездуховного общества расточительного потребления. По мнению авторов, во второй половине XX столетия завершился многовековой процесс формирования новой разновидности человека, которую они предлагают назвать «человек потребляющий» – Ното consumens (от латинского *consumo* – потреблять, тратить; уничтожать, вести к исчезновению). Ното *consumens*, бездумно использующий для удовлетворения своих непомерно разросшихся потребностей все, что создала Природа за миллиарды лет эволюции, активно вытесняет Ното *sapiens*, стремительно теряющий право называться «разумным», то есть понимающим свою неразрывную связь с Природой, породившей его, способным осмысливать и контролировать свое поведение, заботиться о продолжении рода человеческого, бережно использовать доставшиеся ему в наследство от предыдущих поколений природные ресурсы, сохранять и приумножать их для будущих поколений.*

Несколько десятилетий тому назад выдающийся норвежский исследователь и путешественник Т. Хейердал, выступая с одним из программных докладов на Всемирной конференции по защите окружающей среды, состоявшейся летом 1972 г. в столице Швеции Стокгольме, заявил: «Около пяти тысяч лет назад человек впервые начал восставать против природы – той самой природы, которая породила его и кормила больше миллиона лет. Пять тысяч лет технического прогресса, пять тысячелетий новых и новых триумфов двуногого бунтаря, единственного мятежника среди многочисленных детей природы. Природа сдавала гектар за гектаром, дерево за деревом, вид за видом, реку за рекой, а человек все наступал, все расширял свои завоевания, используя руки и мозг, данные ему природой, изобретая и применяя новые орудия, создавая новые материалы... До сих пор считалось неоспоримым, что каждый шаг, отдаляющий нас от природы, – это шаг вперед для человечества. Однако теперь становится все более очевидным, что изменения, которые

человек навязывает первичной среде, могут принести ему вред и даже вызвать мировую катастрофу»¹.

И сегодня, спустя 37 лет, с этим трудно не согласиться, однако справедливо-сти ради следует отметить, что проблема негативного влияния хозяйственной деятельности человека на окружающую его природную среду, в первую очередь на растительный и животный мир, возникла гораздо раньше – на стыке между поздним мезолитом и ранним неолитом, то есть 10–12 тыс. лет назад. Овладев технологией получения огня путем трения двух кусков древесины, а в дальнейшем – высекания искр из кремня при помощи огнива, человек предпринял невиданное ранее наступление на окружающие его леса (так называемая «огневая» революция). Уничтожив с помощью огня громадные лесные массивы, превратившиеся со временем в более доступные для охоты степи, человек вызвал первую крупномасштабную экологическую катастрофу, во время которой вымерли многие виды растений и животных, в том числе до 40 % крупных млекопитающих Центральной и Южной Африки².

В последующие 5 тыс. лет, в эпоху позднего неолита (с которого Хейердал и начинает свой отсчет негативного влияния человека на природу), при переходе от собирательства и охоты к земледелию и скотоводству, то есть к ведению сельского хозяйства, произошло дальнейшее интенсивное сведение лесного покрова Земли и освобождение пространства под поля, пастбища и сенокосы. Эта так называемая «сельскохозяйственная» революция привела к росту численности населения Земли, а вместе с тем и к увеличению антропогенной нагрузки на окружающую природную среду. В целом за последние 10 тыс. лет площадь лесов на Земле сократилась на 1/3, при этом из 6,2 млрд га девственных лесов, существовавших на Земле до распространения оседлого земледелия, к настоящему времени осталось всего 1,5 млрд га. Между тем лесные экосистемы являются важнейшим элементом формирования и стабилизации природной среды. Накапливая и испаряя воду, они обеспечивают основную часть (около 70 %) континентального влагооборота, поддерживают устойчивость речного стока, снижают скорость движения приземных масс воздуха, работают как фильтры при загрязнении атмосферы.

Многоплановая хозяйственная деятельность человека нарастала с каждым тысячелетием и приобрела циклопический характер в эпоху «промышленной» революции, перешедшей затем в «научно-техническую» революцию в XVIII–XX столетиях минувшего тысячелетия. Этот период ознаменовался бурным развитием промышленного производства. Возводились тысячи заводов и фабрик, сотни гигантских промышленных комбинатов. Маленькие города превращались в громадные агломерации с многомиллионным населением. Безудержно росли новые города и поселки, появлялись новые аэродромы и автостреды. Преобразовывались русла рек, строились судоходные каналы, создавались искусственные «моря» – водохранилища, осушались болота и орошались пустыни.

В результате крупномасштабной хозяйственной деятельности человека уже в конце XIX – начале XX в. нарушенными оказались экосистемы на 20 % территории суши. Однако это было лишь начало катастрофических потерь, ибо в течение наступившего XX столетия возросшая технологическая мощь индустриального

¹ Хейердал, Т. Уязвимое море. – Л.: Гидрометеиздат, 1973. – С. 14.

² Ичас, М. О природе живого: механизм и смысл. – М.: Мир, 1994. – С. 496.

общества привела к полному разрушению еще 43,8 % природных экосистем. Иными словами, за один лишь XX в. площадь суши с разрушенными экосистемами оказалась в два раза больше, чем за несколько предшествующих тысячелетий, и достигла сегодня 63,8 %³. Техногенное преобразование ландшафтов и разрушение природных экосистем подрывает основы существования многих видов растений и животных, часть которых уже исчезла, а другая находится на грани вымирания.

Снижение биоразнообразия особенно интенсивно идет на уровне микроорганизмов и беспозвоночных животных, в первую очередь самого многочисленного класса – насекомых, на долю которых приходится около 70 % процентов всех животных, населяющих ныне Землю. Уже описано около 1 млн видов класса *Insecta*, и ежегодно энтомологи открывают все новые и новые тысячи видов. По расчетным данным зоологов, ежегодные потери видового разнообразия на этом уровне составляют от 1000 до 10 000 видов. Разумеется, масштабы снижения видового разнообразия среди позвоночных животных значительно ниже, но и они весьма велики: только с начала XVII в. безвозвратно исчезли 23 вида рыб, 113 видов птиц и 83 вида млекопитающих. И процесс этот идет по нарастающей. По данным Всемирного союза охраны природы, под угрозой вымирания находятся более чем 15 тыс. видов растений и животных, в том числе 11 % от 8,6 тыс. ныне живущих видов птиц, 14 % от 4,5 тыс. ныне живущих видов млекопитающих и 30 % от 20 тыс. ныне живущих видов рыб.

Научно-техническая революция, невиданными темпами преобразующая лик Земли, продолжается. Темпы ее все быстрее, задачи все сложнее. Масштабы хозяйственной деятельности нарастают с каждым десятилетием и достигли своего апогея во второй половине двадцатого столетия. Блага, которые несет с собой научно-технический прогресс, столь очевидны, а темпы его развития так стремительны, что не оставляют времени на всесторонний анализ ближайших и особенно отдаленных последствий, порожденных этим прогрессом. Видимо, поэтому долгое время считали, что каждый шаг, отдаляющий нас от природы, – это шаг на пути прогрессивного развития человечества. Однако сегодня стало ясно (к сожалению, далеко не всем), что за многие технические достижения приходится расплачиваться дорогой ценой: загрязнением воздуха, воды и почвы, деградацией природы, нарастающим снижением биоразнообразия, появлением экологозависимых болезней человека. Негативные последствия научно-технического прогресса становятся с каждым десятилетием все более масштабными и болезненными. В результате проблема взаимоотношения Человека и Природы, индустриального общества и окружающей среды, стала одной из наиболее острых глобальных проблем современности, решение которой потребует от человечества титанических усилий.

Анализируя причины стремительно надвигающейся глобальной экологической катастрофы, большинство исследователей вполне обоснованно ставит на первое место беспрецедентное по своим масштабам увеличение численности населения планеты Земля, темпы которого потрясают. Сегодня трудно себе представить, что человеку и предшествующим ему гоминидам потребовалось несколько миллионов лет (от 2 до 5), чтобы увеличить свою численность до первой сотни

³ Арский, Ю. М., Данилов-Данильян, В. И., Залиханов, М. Ч., Кондратьев, К. Я., Котляков, В. М., Лосев, К. С. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? – М.: МНЭПУ, 1997. – С. 330.

тысяч особей, а затем до 1 млн в нижнем палеолите и 3 млн в верхнем палеолите. Согласно имеющимся данным, в недалеком прошлом (в 8000 г. до н. э.) на Земле жили всего лишь около 5 млн человек. К началу нашей эры численность населения увеличилась до 200 млн, и в 1800 г. человечество достигло миллиардного рубежа. Причем если первый миллиард появился в течение неполных 10 тыс. лет (формально – за 1 млн лет), то следующий, второй, миллиард «набран» всего лишь за 130 лет (в 1930 г.), третий миллиард – за 30 лет (в 1960 г.), четвертый миллиард – за 15 лет (в 1975 г.), пятый миллиард – за 12 лет (в 1987 г.) и шестой миллиард – также за 12 лет (в 1999 г.).

В 2005 г. численность населения планеты достигла 6,5 млрд человек! По мнению демографов, это больше, чем проживало до сих пор за всю человеческую историю, считать ли от неандертальца или от Адама и Евы, и, следовательно, эпитафия древних римлян «он присоединился к большинству» устарела, поскольку ныне на Земле людей живет больше, чем покоится в земле.

В течение XX столетия произошел самый мощный по силе, *третий* в истории человечества «демографический взрыв», вследствие чего численность людей на Земле увеличилась с 1,6 млрд в 1900 г. до 6 млрд в 1999 г. Поражают и темпы годового прироста населения, имевшие место в XX в.: от 0,5 % в 1900 г. до 2,1 % в 1967 г., с последующим понижением до 1,6 % в 1997 г. Напомним, что в каменном веке, 100 тыс. лет назад, скорость роста населения составляла всего лишь 0,001 %⁴. В начале нашей эры она увеличилась до 0,05 % (в 50 раз), с 1650 по 1930 гг. – до 0,5 % (в 500 раз) и во второй половине XX в. – до 2,1 % (в 2100 раз!). Ничего подобного в классе млекопитающих (Mammalia), тем более в отряде приматов (Primates) – а человек входит в подотряд высших приматов (Anthropoidea), – никогда не было и быть не могло, ибо динамика численности каждого биологического вида жестко контролируется абиотическими и биотическими факторами окружающей его природной среды, в том числе (или прежде всего) уровнем обеспеченности пищей, а также устойчивостью к возбудителям многочисленных инфекционных заболеваний вирусной и бактериальной этиологии.

А Homo sapiens (Человек разумный), обладающий уникальным интеллектом, позволившим ему создать мощные орудия производства и высокоэффективные сельскохозяйственные и промышленные технологии, сумел превзойти биологически присущую ему численность на 5 порядков, то есть в 100 тыс. раз!⁵ В результате если в начале минувшего XX столетия биомасса человека вместе с разводимыми им домашними животными и культурными растениями составляла 1–2 % биомассы всех естественных видов суши⁶, то в наши дни она достигла 20 %, причем биомасса самого человека приближается к 400 млн тонн. И произошло все это главным образом потому, что человеку в конце концов удалось защитить себя от крутого нрава породившей его Природы.

Итак, стремительный *рост численности* населения является одной из основных причин огромной антропогенной нагрузки на биосферу и нарастающего раз-

⁴ Капица, С. П. Рост населения Земли как главная глобальная проблема человечества // Глобальные проблемы биосферы: сб. статей / отв. ред. Ф. Т. Яншина. – М.: Наука, 2001. – С. 40–61.

⁵ Акимова, Т. А., Хаскин, В. В. Основы экоразвития. – М.: Изд-во Рос. эконом. академии, 1994. – С. 312; Капица, С. П. Указ. соч.

⁶ Warner, S., Feinstein, M., Coppinger, R., Clemens, E. Global Population Growth and the Demise of Nature // Environmental Values. – 1996. – № 5. – P. 285–301.

рушения наземных и водных экосистем. Однако другой, не менее важной, на наш взгляд, причиной приближающейся глобальной экологической катастрофы, о которой либо упоминают вскользь, либо вообще молчат, является **чрезмерное потребление** товаров и услуг в индустриально развитых странах, где многие десятилетия идет целенаправленное формирование бездуховного общества «расточительного потребления». Социологи считают, что оно возникло в США в 20-е гг., а сформировалось в 50-х гг. минувшего XX столетия.

Сразу после окончания Второй мировой войны, в 1946 г., журнал «Fortune» возвестил о начале «эпохи изобилия» и наступлении «великого американского бума». Циничную позицию американских бизнесменов откровенно сформулировал специалист по розничной торговле Виктор Лебоу: «Наша чрезвычайно производительная экономика... требует, чтобы потребление стало для нас *стилем жизни* (курсив наш. – *Авт.*), чтобы мы превратили покупку и использование вещей в ритуал, чтобы в потреблении мы искали *духовное удовлетворение*, утверждение своего “я”. Нам нужно, чтобы вещи покупались, выбрасывались и заменялись другими во все больших масштабах».

О том, что производство все новых и новых вещей приведет к истощительному использованию природного сырья, а выбрасываемые вещи создадут еще одну острейшую экологическую проблему (загрязнение отходами потребления), идеологи общества потребления «забыли» или не сочли нужным сообщить легковесным американцам. И они, а за ними и большая часть «золотого миллиарда», жителей Западной Европы, Японии и Канады (страны так называемой «большой семерки»), охотно вняли призывам «покупать во все больших масштабах», потому что призывы эти были обращены к низменному в человеке – его «жадности» и «зависти».

В поисках ответа на вопрос о том, почему при удовлетворении, казалось бы, всех потребностей обязательно появляются новые, великий греческий ученый и философ Аристотель еще в III в. до н. э. пришел к выводу, что дело в «жадности человечества», которая, по его мнению, «ненасытна». Несколько позже, в I в. до н. э., за столетие до пришествия Христа, римский поэт и философ Тит Лукреций Кар писал: «Нам перестали нравиться желуди. Мы уже не хотим спать на ложах, устланных травой и листьями. Носить шкуры диких животных тоже вышло из моды. Вчера – шкуры, сегодня – золото и пурпур. И эти пустяки отравляют человеческую жизнь чувством *зависти*» (курсив наш. – *Авт.*). А спустя две тысячи лет великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, развивая эту тему, предлагал: «Поищите между людьми, от бедняка до богача, и найдите человека, которому бы хватало то, что он зарабатывает, на то, что он считает нужным, и вы увидите, что не найдете и одного на тысячу... Нынче приобрел поддевку и калоши, завтра – часы с цепочкой, послезавтра – квартиру с диваном и бронзовой лампой, после – ковры в гостиную и бархатные одежды, после – дом, рысаков, картины в золоченых рамах».

Словом, и в Древней Греции, и в Римской империи, и в дореволюционной России так же, как и ныне в странах «золотого миллиарда», люди не хотели и не хотят удовлетворяться тем, что имеют. При этом мало кому из них приходит в голову, что чрезмерное потребление оборачивается экологической проблемой, сопоставимой по своим масштабам с проблемой безудержного увеличения численности населения, которое, в свою очередь, ведет к расширению потребительского

спроса и, следовательно, к расширению производства все новых и новых товаров, а в конечном счете – к истощению природных ресурсов и разрушению биосферы.

Начиная с 50-х гг. XX столетия численность населения планеты выросла в 2 раза, в то время как мировое производство товаров и услуг увеличилось в 7 раз! Между тем для удовлетворения стремительно растущих потребностей в товарах и услугах необходимо огромное количество сырья, добыча и переработка которого относится к числу наиболее разрушительных и энергоемких видов человеческой деятельности.

Согласно имеющимся расчетным данным, сегодня на одного жителя Земли извлекается и перемещается в среднем около 50 тонн сырья в год, на переработку которого расходуется почти 800 тонн воды. В процессе промышленной переработки добытого сырья 48 тонн, или 96 %, превращаются в отходы и только 2 тонны – в конечные продукты, которые со временем также станут отходами⁷. Следует особо подчеркнуть, что потребление сырья в развивающихся странах в 5 раз меньше среднемирового и составляет всего лишь 10 тонн в расчете на одного человека, а в странах «золотого миллиарда» – в 25 раз больше (250 тонн), причем один американец ежегодно потребляет в 37 раз больше (370 тонн) сырья и материалов по сравнению с жителем развивающейся страны.

На промышленно развитые страны ныне приходится около 2/3 мирового потребления стали, свыше 2/3 потребления алюминия, меди, свинца, никеля, олова, цинка и 3/4 объема потребления энергии, которое выросло в 5 раз, в то время как потребление нефти – в 7 раз. Среднестатистический житель промышленно развитой страны потребляет в 10 раз больше стали, в 12 раз больше топлива и в 15 раз больше бумаги, чем житель любой развивающейся страны, причем один американец за год потребляет товаров и услуг в 10 раз больше, чем китаец, и в 30 раз больше, чем индус.

Только в период с 1940 по 1976 гг. в США израсходовали минерального сырья больше, чем все человечество за всю свою историю, начиная с древних времен и кончая 1940 г.⁸ Потребление стали на душу населения выросло в XX столетии в 4 раза, меди – в 5 раз, бумаги – в 7 раз, бетона – в 16 раз, пластмасс – в 20 раз. В начале 90-х гг. количество кондиционеров в жилищах увеличилось в сравнении с 1950 г. в 4,7 раза (с 15 до 70 %), цветных телевизоров – в 9,5 раз (с 10 до 95 %). Граждане США владеют сегодня в 2 раза большим количеством автомобилей и в 25 раз чаще пользуются воздушным транспортом, чем в 1950 г. Автомобиль стал символом американской культуры: 20 % американских семей имеют 3 и более автомашин, а свыше 50 % семей – по крайней мере 2 автомобиля. Для обеспечения огромного количества автомобильного и авиационного транспорта в США ежегодно расходуется около 30 % мировой добычи нефти. Страна, население которой составляет всего лишь 5 % живущих ныне на планете людей, потребляет около 40 % мировых ресурсов.

Начавшийся после Второй мировой войны стремительный рост добычи и переработки сырья для производства товаров и материалов в развитых странах со-

⁷ Лосев, К. С., Горшков, В. Г., Кондратьев, К. Я. и др. Проблемы экологии России. – М.: ВИНТИ, 1993. – С. 350.

⁸ Young, J. E. Reducing Waste, Saving Materials // State of the World. – 1991. – P. 37–55.

проводился столь же резким нарастанием количества промышленных и особенно бытовых отходов. Так, например, для производства лишь одного персонального компьютера требуется 1,8 тонн различных исходных материалов, львиная доля которых превращается в отходы. При изготовлении одного золотого обручального кольца остается 3 тонны отходов, а при производстве 1 тонны меди – 110 тонн отходов. Только за последнее столетие энергопотребление в индустриальных странах сопровождалось выделением в атмосферу примерно 3/4 общего объема окислов серы и азота, являющихся главной причиной кислотных осадков, а хозяйственная деятельность привела за этот же период к выбросу 2/3 газов, создающих парниковый эффект. Промышленность этих стран является также источником большей части химических отходов, загрязняющих воздух, воду и почву. В одних только США ежегодно в атмосферу выбрасываются более 200 млн тонн токсических веществ. Широкое распространение кондиционеров и других бытовых приборов ведет к выбросу почти 90 % галогенсодержащих углеводородов, которые, поступая в атмосферу, разрушают озоновый слой Земли.

Безудержное, расточительное потребление в промышленно развитых странах стало важнейшей частью бытия и заняло прочное место в системе жизненных ценностей. Традиционные добродетели, такие как трудолюбие, мастерство, порядочность, честность и доброжелательность, перестали быть мерилом социальной ценности человека. По мнению большинства американцев, главная ценность сегодня – это деньги, и «человек стоит ровно столько, сколько у него на текущем счете». При этом мало кого волнует происхождение этих денег: заработаны ли честно, получены ли мошенническим путем или просто украдены. Объем личного потребления стал основным критерием жизненного успеха, а объем произведенных и проданных товаров – основным показателем экономического процветания нации.

Важнейший механизм увеличения объемов продаж – производство удобных, но недолговечных вещей. Совсем недавно, каких-то 15–25 лет тому назад, в развитых, а тем более в развивающихся, странах бережливость была стилем жизни и все старались покупать вещи, которые будут служить долго. Однако в последние несколько десятилетий важнейшим требованием рынка к товарам вместо их долговечности стало удобство в употреблении, что привело к сокращению производства и торговли товарами долговременного (многоразового) пользования, к развалу многих отраслей сферы услуг. Ремонт вещей стал относительно более дорогим и трудноосуществимым. Оправдывая сформировавшуюся искаженную систему ценностей, американский журналист Уэндэлл Берри (1987) писал: «Наша экономика такова, что мы не можем позволить себе заботиться о вещах: труд – дорогой, время – дорогое, деньги – дорогие, а сырье, основа созидательной деятельности, настолько дешево, что мы и пальцем не пошевелим, чтобы позаботиться о нем». Здесь уместно отметить, что «дешевое сырье» американцы завозят к себе из развивающихся стран, при покупке которого они платят жалкие гроши.

Растущие расходы на ремонт вещей длительного пользования наряду с ежегодной сменой *моды*, из-за чего товары быстро устаревали, привели к тому, что многие американцы стали с легкостью выбрасывать старые вещи, тут же покупая новые. Так называемая *современная мода* – это всего лишь уловка торговых компаний, рассчитанная прежде всего на молодых и несмышленных потребителей, истинная цель которой – провоцировать все новые и новые покупки. Один из аме-

риканских менеджеров в интервью газете «Washington Post» заявил: «Для того, чтобы быть обутом, нужна одна или две пары обуви. Для того, чтобы быть *модным* (курсив наш. – *Авт.*), требуется бесконечное число пар».

Другой, не менее эффективный путь постоянного увеличения и поддержания высокого объема продаж – производство одноразовых вещей. Еще в 1960 г. известный американский социолог В. Паккард в монографии «Производители отходов» писал: «Историки, возможно, назовут наше время эрой одноразовых вещей». И сегодня, спустя почти полвека, эта характеристика второй половины XX в. остается актуальной. Более того, многие жители промышленно развитых стран воспринимают такое положение дел как норму. В результате в США и других промышленных странах походы за покупками стали основным видом «культурного досуга» населения. На этот «досуг» американцы тратят 6 часов в неделю, а торговые центры они посещают гораздо чаще, чем церковь или синагогу. Более 90 % американских девочек-подростков назвали хождение по магазинам своим любимым времяпрепровождением, тем более что пойти есть куда: количество торговых и торгово-развлекательных центров в США превышает количество средних школ и составляет более 40 тысяч.

Особое место в пропаганде идеологии потребительства в так называемых «цивилизованных странах» занимает реклама, темпы роста которой в США превышают темпы роста экономики. Она проникает повсюду: в дома, квартиры и офисы, в учебные классы и кабинеты врачей, вплетается в сюжеты художественных фильмов, звучит между гудками в трубках телефонных автоматов, передается на автобусных остановках и станциях метро, заполонила улицы, вышла на магистрали и автобаны. Рекламу передают более 10 тысяч теле- и радиостанций США. Подсчитано, что типичный американец каждый день только до 9 часов утра слышит или видит от 50 до 100 рекламных объявлений. Из 22 часов, которые американские подростки еженедельно проводят перед экраном телевизора, от 3 до 4 часов составляет реклама, то есть за 17–18 лет жизни они выслушивают по крайней мере 10 тысяч телевизионных призывов что-то купить⁹. Каждый день, из года в год, в течение многих десятилетий идет целенаправленное культивирование потребительских привычек. В результате население США вот уже более полувека непрерывно покупает и выбрасывает необходимые и не очень нужные товары.

Сегодня каждая третья покупка в мире делается американцами. Соединенные Штаты стали эпицентром всех видов чрезмерного потребления: сырьевого, транспортного и пищевого. Ежедневно американцы выбрасывают на свалку около 50 % продуктов питания, пригодных к употреблению, потому что завтра привезут еще более свежие продукты. Им выгоднее выбросить, чем снизить цену или просто отдать эти продукты своим же нуждающимся, малообеспеченным гражданам. Таковы законы рыночной экономики – «экономики без души». В безудержной погоне за прибылью рыночная экономика отменяет все этические границы и разумные ограничения, превращаясь в итоге из созидательной в разрушающую силу. Подсчитано, что продуктами, которые ежедневно выбрасываются на свалки США, можно накормить около 10 млн человек. Напомним, что сегодня живут в бедности (на 1 доллар в день) и хронически недоедают более 1,5 млрд человек, а 35 тыс. ежедневно умирают от голода и неполноценного питания¹⁰.

⁹ Munro, D. Chambers World Gazetteer: An A-Z of Geographical Information. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

¹⁰ Медоуз, Д. Х., Медоуз, Д. Л., Рандерс, Й. За пределами роста. – М.: Прогресс, 1994. – С. 304.

В современном индустриально-потребительском обществе слова «человек» и «потребитель» уже давно стали синонимами. И это не случайно! Мы полагаем, что во второй половине XX столетия завершился многовековой процесс формирования новой разновидности человека, которую предлагаем назвать «**Человек потребляющий**» – *Homo consumens* (от латинского *consumo* – потреблять, тратить; уничтожать, вести к исчезновению, умерщвлять). *Homo consumens*, бездумно использующий для удовлетворения своих непомерно разросшихся потребностей все, что создала Природа за миллиарды лет эволюции, активно вытесняет *Homo sapiens*, который стремительно теряет (если уже не потерял) право называться «разумным», то есть понимающим свою неразрывную связь с Природой, породившей его, способным осмысливать и контролировать свое поведение, бережно использовать доставшиеся ему в наследство от предыдущих поколений природные ресурсы, сохранять и преумножать их для будущих поколений, то есть заботиться о продолжении рода человеческого.

Между тем по агрессивности и жестокости современный *Homo consumens* давно превзошел *Homo sapiens* и не имеет себе равных даже среди позвоночных животных. Ни один другой биологический вид не уничтожает себе подобных в таких масштабах и не пытается себе подобных с такой изощренностью, как это делает «человек потребляющий». На протяжении последних четырех тысячелетий человек ведет ожесточенные войны с себе подобными, совершенствуя орудия убийства, увеличивая разрушительную силу и поражающие возможности создаваемого им оружия. По существу, вся история человечества – это череда непрерывных кровопролитных сражений, в которых погибли многие десятки миллионов людей, разрушены сотни городов и тысячи памятников культуры. Только в XX столетии две мировые войны и десятки локальных сражений привели к общим потерям, исчисляемым от 100 млн¹¹ до 280 млн человек¹².

Создание в середине XX столетия чудовищного по своей силе оружия массового уничтожения и применение американцами атомной бомбы против уже поверженной во Второй мировой войне Японии стало низшей точкой нравственного падения избранного американским обществом руководства страны и превратило США в подлинную империю зла на Земле. Трудно понять логику поведения человека потребляющего, тратящего сегодня на вооружение и в конечном счете на *уничтожение жизни* более триллиона долларов, а на реализацию экологических программ по предотвращению приближающейся глобальной экологической катастрофы и *сохранение жизни* – в 100 раз (!) меньше, всего лишь 10 млрд долларов в год. И как здесь не вспомнить мрачное пророчество гениального французского естествоиспытателя, автора первой целостной концепции эволюции живой природы Жана Батиста Ламарка, сделанное им почти двести лет назад: «Можно, пожалуй, утверждать, что назначение человека как бы заключается в том, чтобы *уничтожить свой род* (курсив наш. – Авт.), предварительно сделав земной шар непригодным для обитания».

Мы сознательно заострили внимание на агрессивности и жестокости человека по отношению к себе подобным, потому что именно эта черта лежит, на наш взгляд, в основе жестокого отношения *Homo consumens* к окружающей его Природе, или, как теперь принято говорить, к окружающей природной среде. Бесконеч-

¹¹ Глазачев, С. Н., Козлова, О. Н. Экологическая культура. – М.: Горизонт, 1997. – С. 203.

¹² Капица, С. П. Общая теория роста человечества (Сколько людей жило, живет и будет жить на Земле). – М.: Наука, 1999. – С. 190; Он же. Рост населения Земли как главная глобальная проблема человечества // Глобальные проблемы биосферы: сб. статей / отв. ред. Ф. Т. Яншина. – М.: Наука, 2001. – С. 40–61.

ные войны с огромными человеческими жертвами не могли не привести к нравственным потерям: коррозии морально-этических принципов, снижению уровня духовной культуры, игнорированию христианских заповедей благопристойного поведения. Неслучайно именно после завершения самой кровавой за всю историю человечества Второй мировой войны в США появилась *идеология потребительства* и сформировалось потребительское общество с характерными для него хищническим использованием природных ресурсов, огромным количеством промышленных и бытовых отходов, агрессивностью и стяжательством, проституцией и наркоманией.

Лидер стран «золотого миллиарда» – США, – потребляя около 40 % мировых природных ресурсов и почти половину всей энергии, производимой в мире, выбрасывая более 60 % всех токсичных отходов и около 30 % одного из парниковых газов – CO₂, цинично использует свою экономическую и военную мощь для защиты так называемых жизненных интересов, которые сводятся к бесперебойному обеспечению его экономики дешевым минеральным сырьем и энергоносителями, добываемыми по всему миру. И как только в той или иной стране появляется «угроза» снижения или прекращения добычи сырья и ресурсов, американцы под прикрытием надуманных причин («защита демократии», «защита прав человека», «борьба с тоталитаризмом» и прочее...) развязывают локальные войны, провоцируют конфликты и «цветные революции». Весьма показательны также отношения американского руководства к инициативам международного сообщества, пытающегося хотя бы притормозить развитие глобальной экологической катастрофы. В конце 90-х гг. XX столетия один из высокопоставленных руководителей США заявил: «Америка не подпишет ни одного экологического проекта или соглашения, в котором ущемляются интересы бизнеса, ее экономические интересы». Вполне понятно, что такая позиция встречает открытое или завуалированное осуждение во многих странах мира, свидетельством чему могут служить итоговые документы Рио-92, в которых мировое сообщество признало, что система ценностей западной цивилизации и потребительская психология неизбежно ведут в экологический тупик.

Этот вывод в значительной мере обусловлен тем, что так называемые «ценности культуры» общества потребления вошли в острое противоречие с культурными ценностями народов большинства стран мира, и в первую очередь – с культурой и нравственными ценностями народов бывшего Советского Союза и нынешней Российской Федерации. В России в результате многовекового гармоничного взаимодействия с Природой всех населяющих ее народов (более 100) сформировался российский суперэтнос, характерной особенностью которого является подчеркнута уважительное отношение к земле («земля-матушка»), лесам («лес-бабушка»), рекам и озерам, к уникальной по красоте русской природе, ко всему, что обеспечивает его духовную и материальную жизнь. Из этих истоков – уважительного отношения народов к окружающей их Природе (в первую очередь к земле) и друг к другу – в Серебряном веке (на рубеже XIX и XX столетий), занимающем особое место в истории российской культуры, возникла «русская идея» – идея единства, соборности, *нестяжательства* и жертвенности¹³.

К сожалению, с возвращением в Россию капитализма в его худшей разновидности («дикий», или «полукриминальный») потребительский ажиотаж охватил

¹³ Глазачев, С. Н., Козлова, О. Н. Указ. соч.; Глазачев, С. Н. Сохранить ценности экологической культуры мира // Зеленый мир. – 1998. – № 13. – С. 6–7.

значительную часть (от 7 до 10 % населения) так называемого среднего класса. Очень быстро появились и стали активно навязываться средствами массовой информации «новые» стереотипы и образцы поведения потребительского общества западного типа. В результате обеспеченная часть нашего общества впала в уродливое «истерическое потребление». Источники всех благ – труд и созидательная деятельность, традиционные моральные ценности нашего общества – были осмеяны и отодвинуты на задний план, а деньги и объем потребления стали мерилем ценности и успеха российского Homo consumens. Не приходится, однако, сомневаться, что это временное «затмение рассудка» части нашего населения пройдет, как проходит любое затмение, а исконно русские духовные ценности, сформировавшиеся народом на протяжении многих столетий, вернуться и вновь будут играть ведущую роль в жизни общества.

Выдающийся мыслитель XX столетия Альберт Швейцер, исходный принцип мировоззрения которого – «преклонение перед жизнью» как основой нравственного обновления человечества, считал, что беда западной цивилизации в том, что она пытается удовлетвориться культурой, оторванной от этики. Однако конечной целью всякой истинной культуры должно быть духовное и нравственное совершенствование индивида. Новая европейская культура посчитала, что духовность возникнет сама по себе – с ростом материального благосостояния, но этого не случилось. В своей агрессивно-потребительской вседозволенности новая европейская культура является, по существу, антитезисом конфуцианству. А. Швейцер считал, что для «истинно нравственного человека всякая жизнь священна, даже та, которая с нашей, человеческой точки зрения кажется нижестоящей». В культуру должна войти этика, в этику – Природа, и через этику культура в экологическом гуманизме соединяется с Природой.

Экологический гуманизм, берущий свое начало в гуманизме Конфуция, Сократа, в философии Махатмы Ганди, Льва Толстого и Альберта Швейцера, ориентируется на принцип гармонии человека и Природы, признание равноценности всего живого. По мнению многих исследователей, все разногласия, разделяющие современный мир, его разнообразные, часто несовместимые друг с другом «ценности», основаны на антропоцентризме («человек – царь природы», «все для человека и во имя человека»). Эту явно устаревшую антропоцентрическую парадигму необходимо заменить новой, биосфероцентричной, в основу которой должны быть положены представления о равенстве и неповторимости всего живого, о том, что человек является частью живой Природы, насилие над которой рано или поздно обратится против него самого. Новое экологическое мировоззрение должно базироваться на традиционном гуманизме, то есть на исключении идеи насилия, на истинной культуре, являющейся, по нашему глубокому убеждению¹⁴, основой гуманного отношения не только к человеку, но и к Природе, частью которой является и сам человек. Без понимания этих концептуальных положений, без осознания примата экологии над экономикой¹⁵, без неукоснительного соблюдения экологического императива в повседневной хозяйственной деятельности человечество обречено на неминуемую гибель.

¹⁴ Лукьяненко, В. И., Хабаров, М. В., Лукьяненко, А. В. Культура – фундаментальная основа гуманного отношения к природе // Экология и культура: от прошлого к будущему. – Ярославль: Изд-во ДООСП, 2008. – С. 3–20.

¹⁵ Лукьяненко, В. И. Экономика без экологии – путь в никуда // Актуальные проблемы экологии Ярославской области. – Вып. 4. – Т. 1. – Ярославль: Верхневолжское отделение Рос. экол. академии, 2008. – С. 5–18.

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В РЕГУЛИРОВАНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Э. М. Усманов

Международное экологическое право – совокупность принципов и норм международного права, регулирующих отношения его субъектов в области охраны окружающей среды и рационального использования ее ресурсов. В научной литературе более распространено название «международное право окружающей среды». Термин «экологическое право» представляется предпочтительным лишь в силу его интернационального употребления.

В наше время международная защита окружающей среды выдвигается на первый план. Последствия недостаточного внимания к проблеме могут быть катастрофическими. Речь идет не только о благополучии человечества, но и о его выживании. Особенно тревожно то, что деградация природной среды может оказаться необратимой. Загрязнение вод Мирового океана наносит ущерб здоровью человека и рыбным запасам. Межрегиональные проекты по строительству дамб, плотин, каналов, осушение болот приводят к деградации мировых сельхозугодий, засухе и эрозии почв во многих странах мира. Отсюда недоедание, голод, болезни. Загрязнение воздуха наносит все более ощутимый ущерб здоровью людей на планете. Массовое уничтожение лесов отрицательно сказывается на климате планеты и сокращает биоразнообразие, генофонд. Серьезной угрозой здоровью является истощение озонового слоя, защищающего от вредных излучений Солнца. К катастрофическим изменениям в климате Земли ведет «парниковый эффект», то есть глобальное потепление в результате растущих выбросов углекислого газа в атмосферу. Нерациональное использование минеральных и живых ресурсов ведет к их истощению, что опять-таки ставит проблему выживания человечества. Наконец, аварии на предприятиях, связанные с выбросами радиоактивных и ядовитых веществ в атмосферу, не говоря уже об испытаниях ядерного оружия, причиняют огромный ущерб здоровью людей и природе. Достаточно вспомнить об аварии на Чернобыльской АЭС. Большой ущерб окружающей среде приносят вооруженные конфликты, о чем свидетельствует опыт войн во Вьетнаме, в Кампучии, Югославии, Персидском заливе, в частности война в Ираке.

Положение государств в отношении международной защиты окружающей среды различно. В развивающихся странах проблемы экологии могут поставить под вопрос успех процесса развития, а средства на изменение ситуации отсутствуют. В наиболее развитых странах существующая система потребления ведет к такому истощению ресурсов не только своих, но и других стран, которое создает угрозу будущему развитию во всем мире. Это свидетельствует о том, что международная защита окружающей среды касается всех аспектов развития общества

и является жизненно важной для всех стран независимо от уровня их развития. Поэтому такая защита должна стать элементом международной политики любого государства. Поскольку национальные части окружающей среды образуют единую глобальную систему, постольку защита ее должна стать одной из главных целей международного сотрудничества и составным элементом концепции международной безопасности. В резолюции 1991 г. Генеральная Ассамблея ООН указала значение мира для охраны природы и отметила обратную зависимость: сохранение природы вносит вклад в упрочение мира, обеспечивая правильное использование природных ресурсов.

Все вышесказанное стимулирует динамичное развитие международного экологического права. Заслуживает внимания особенность этого развития, состоящая в большой роли общественности и средств массовой информации. Многие международные акты в сфере международной защиты окружающей среды принимаются правительствами. Массовые движения в защиту природы, различные партии «зеленых» становятся все более влиятельными во многих странах мира, особенно Западной Европы.

Позиция правительств объясняется различиями в интересах. Международная защита окружающей среды весьма дорогостояща, она отрицательно сказывается на конкурентоспособности товаров. Мероприятия на своей территории не препятствуют трансграничному загрязнению. Например, российские заводы на Кольском полуострове наносят ущерб окружающей среде Норвегии. В 1996 г. Россия заключила соглашение о финансировании Норвегией установления фильтров на металлургическом комбинате на Кольском полуострове. Таким образом, международная проблема решается лишь в глобальном масштабе, а это требует колоссальных средств.

Международное экологическое право начало складываться как обычное право, прежде всего это касается его норм и принципов. Именно так утвердился основной принцип международного экологического права – принцип ненанесения вреда природе другого государства действиями, совершаемыми на собственной территории. Сложился наиболее общий принцип – принцип защиты окружающей среды. Идет становление принципа ответственности за нанесение вреда природе другого государства. Особо отмечу кардинальный принцип, который был сформулирован в Декларации Конференции ООН по окружающей человека среде 1972 г. следующим образом: «Человек обладает основным правом на свободу, равенство и должные условия жизни, на окружающую среду такого качества, которое дает возможность жить достойно и благополучно».

Международное экологическое право тесно связано не только с правами человека, но и с другими отраслями международного права. Следует подчеркнуть, что защита окружающей среды является принципом также морского и космического права. Значительное внимание защите рабочих от загрязненной среды уделяет Международная организация труда; например, в 1977 г. ею принята Конвенция о защите рабочих от производственных опасностей, связанных с загрязнением воздуха, шумом и вибрацией.

В общем процессе формирования обычных норм международного экологического права важная роль принадлежит резолюциям международных организаций и конференций, которые прокладывают путь позитивному праву. В качестве примера укажу на такие акты Генеральной Ассамблеи ООН, как резолюция 1980 г.

«Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для настоящего и будущих поколений» и Всемирная хартия природы 1982 г.

Важным источником международного экологического права являются договоры. За последние несколько десятилетий принят целый комплекс универсальных конвенций в этой области, которые дают представление и о предмете данной отрасли международного права. Прежде всего это Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного воздействия на природную среду 1977 г., а также Конвенция о защите озонового слоя 1985 г., Конвенция об охране мигрирующих видов диких животных 1979 г., Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения, 1973 г., Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г.

Ведущая роль в развитии международного экологического права принадлежит международным организациям. Особое место занимает ООН. Постоянно занимается вопросами экологии Экономический и Социальный Совет, важная роль принадлежит другим организациям системы ООН, а также ее региональным комиссиям. В своей области занимаются разработкой норм и принципов защиты окружающей среды Организация ООН по промышленному развитию (ЮНИДО), ЮНЕСКО, Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО). Существует специальная Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), которая практически представляет собой международную организацию, хотя юридически это вспомогательный орган, созданный резолюцией Генеральной Ассамблеи. ЮНЕП принадлежит первостепенная роль в содействии развитию международного экологического права. В ее рамках разрабатываются основы этого права, иницируется подготовка конвенций.

Немалую роль играют региональные организации. Защита окружающей среды – одна из главных задач ОБСЕ. В ее рамках принят ряд конвенционных актов и целый ряд решений в этой области.

Существенную роль в защите окружающей среды призвано сыграть сотрудничество в рамках СНГ. Эта задача поставлена Уставом СНГ и подтверждена многими другими актами. Договор между Белоруссией, Казахстаном, Киргизией и Россией 1996 г. обязывает наращивать «сотрудничество в области охраны окружающей среды, включая разработку и принятие единых стандартов экологической безопасности». Стороны «предпринимают совместные меры по предотвращению и ликвидации последствий аварий, стихийных бедствий, ядерных и экологических катастроф» (ст. 9). Приведенные положения дают представление о том, как понимается принцип охраны окружающей среды во взаимоотношениях стран СНГ.

В осуществление принципа в 1992 г. странами СНГ заключено Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды. На основании Соглашения учреждены Межгосударственный экологический совет, а при нем Межгосударственный экологический фонд. Задача Совета – координировать сотрудничество государств в области охраны природы, готовить соответствующие нормативные акты. Фонд призван финансировать межгосударственные программы, помощь в ликвидации чрезвычайных экологических ситуаций, а также проектную и исследовательскую работу в области охраны окружающей среды.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ: НЕОБХОДИМОСТЬ АДЕКВАТНЫХ РЕШЕНИЙ

А. Н. Чумаков

Говорить о роли и месте России в глобальном мире, равно как и об адекватности ее решений в современных условиях, можно лишь в контексте общих тенденций глобальных изменений. О них вначале и скажем. Отметим только, что глобализацией теперь интересуются все: ученые и политики, люди искусства, бизнеса, журналисты, обыватели. Но значит ли это, что в данной области хотя бы в основном сформировались общие представления, наметились согласованные позиции или хотя бы сложилось достаточное понимание того, что глобализация – это не только новые проблемы, опасности и негативные последствия, но также и новые возможности, новые перспективы? Вовсе нет. Скорее наоборот. Сомневаются и спорят даже по поводу того, что в настоящее время на планете складывается глобальное общество, хотя, казалось бы, вполне очевидными являются и теперь уже полная замкнутость географического пространства, и всеобщая взаимозависимость вкупе с общими для всех экологическими, ядерными угрозами, планетарной системой информации, мировыми транспортными коммуникациями и т. п.

Однако чтобы правильно судить о глобальном мире, важно понимать, что процессы, сопутствующие ему, как и сама глобализация, изначально носят преимущественно и прежде всего *объективный характер*, то есть хотя они и испытывают определенное влияние субъективных факторов, тем не менее в своем поступательном развитии принципиально не зависят от воли и субъективных устремлений отдельных людей, социальных групп, корпораций и даже отдельно взятых государств. Процессы глобализации и глобальные проблемы современности как порождение этих процессов возникли не случайно или по чьей-то ошибке, не по доброму или злему умыслу. Они явились результатом объективного, закономерного развития общества и его новых отношений с окружающей средой.

Таким образом, хотя на первый взгляд современный мир кардинально изменился буквально за последние десять лет, на самом деле это не так. Начало реальной глобализации положила эпоха Великих географических открытий. Затем, постоянно усиливаясь и распространяясь на все новые сферы общественной жизни, глобализация к началу XX в. стала фундаментальной. А в настоящее время она и вовсе обрела черты тотальной, многоаспектной, когда экономические, политические, культурные и информационные потоки, связи и отношения безвозвратно вышли за рамки отдельных стран и народов, перестав быть только их вотчиной и прерогативой.

Поэтому нельзя согласиться с широко распространенным мнением, что глобализация – это порождение XX в. Серьезно заблуждаются и те, кто отождествляет глобализацию с модернизацией или преимущественно с экономической интеграцией. К сожалению, такой упрощенный взгляд на весьма сложную проблему является расхожим даже в научном сообществе, порождая массу разговоров о «волнах», «обострении» или «ослаблении» глобализации и т. п.

В этой связи важно подчеркнуть, что до начала XX в. человечество развивалось, по существу, фрагментарно, отдельными частями: изначально локальными, затем региональными культурно-цивилизационными системами, которые относительно слабо влияли друг на друга, а то и вовсе не взаимодействовали. Сегодня же формируется *единая мировая культурно-цивилизационная система*, основные контуры которой обозначились к началу XX в., а с проявлением и обострением глобальных проблем к 1970–1980 гг. стали очевидными и для широкого общественного сознания. Таким образом, человечество в буквальном смысле этого слова стало планетарным явлением, породив всеобщую взаимозависимость различных стран и народов, которые, несмотря на формирование базовых оснований общечеловеческой культуры, сохраняют свои национальные культуры, обретая при этом все больше черты цивилизационного единства¹.

Именно с этого времени можно говорить о вполне реальном формировании *глобального общества* или единой мировой цивилизации, которая теперь со все большей настойчивостью требует от различных стран и народов соблюдения единых для всего человечества норм, правил, запретов, предписаний. А поскольку мы вступили в эпоху перехода от «локальных» и «региональных» культурно-цивилизационных систем к культурно-цивилизационной системе общечеловеческой, глобальной, то и действовать должны соответствующим образом, имея в виду, в частности, и направленность развития России. Возьмем для примера две весьма актуальные проблемы, ставшие в последнее время предметом острых дискуссий в нашем обществе. Одна из них относится к экономике, другая – к образованию.

Так, в свете сказанного, вопрос о вступлении той или иной страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) с точки зрения национальной экономики уже не кажется второстепенным, а выступает как жесткая необходимость интеграции в единое мировое хозяйство, которое базируется прежде всего на общецивилизационных принципах и регулируется правилами, на них же выстроенными. ВТО – это ответ на глобализацию (в данном случае в сфере экономики), и потому у России, которая, к сожалению, не была в свое время в числе учредителей этой планетарной структуры, теперь попросту не остается разумной альтернативы присоединению, то есть присоединиться к данной организации или нет – это не тема серьезной дискуссии. А вот какую цену заплатить – предмет переговоров. При этом следовало бы заметить, что современный мировой финансовый и экономический кризис несколько не меняет сути дела, тем более если рассматривать ситуацию в стратегической перспективе (и даже в перспективе среднесрочной), так как дан-

¹ В этом кратком определении своей позиции по принципиальным вопросам глобализации и ее последствий я опускаю доказательства приведенных высказываний, отсылая всех, кого это может заинтересовать, к исследованиям, из которых данные тезисы вытекают: Чумаков, А. Н. Глобализация. Контурсы целостного мира. – М., 2005 (2-е изд. – 2009); Он же. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. – М., 2006.

ный кризис лишь обнажает противоречия все возрастающей глобальной экономической взаимозависимости, избежать которой можно только посредством абсолютно бесперспективной самоизоляции.

Так же и в сфере образования, где кипят нешуточные страсти, за которыми легко угадываются позиции спорящих сторон в отношении к глобализации. Но давайте скажем прямо: унификация образования, реформирование сложившихся в различных странах собственных образовательных систем, введение магистратуры, бакалавриата (как бы непривычно для кого-то это все еще ни звучало) не есть чья-то выдумка, блажь или самоуправство каких-то чиновников. На самом деле это веление времени – времени многоаспектной глобализации и унификации, то есть формирования общечеловеческой культурно-цивилизационной системы, которая в глобальном мире с необходимостью пробивает себе дорогу. Это прямое следствие, с одной стороны, глобального, а с другой – цивилизационного единения человечества, сохраняющего при этом культурное разнообразие. И потому стремление привести образовательные стандарты к общему знаменателю в разных странах с их отличными социокультурными системами рано или поздно должно ознаменоваться согласованными решениями, которые, конечно же, не будут лишены компромиссов, но по существу будут соответствовать единым цивилизационным параметрам.

Это обусловлено и тем, что в условиях нарастания всемирной взаимозависимости беспрепятственное, легко преодолевающее национальные границы перемещение по миру труда, и в первую очередь труда интеллектуального и высококвалифицированного, становится теперь таким же обычным делом, как в XX в. стало перемещение товаров и капитала. Говорить об этом приходится потому, что сегодня, хотя никто и не оспаривает универсальности глобализации, в понимании ее сущности имеет место широкий разброс мнений: от безоговорочного ее признания до полного отрицания, от наделения глобализации позитивными характеристиками до порождения вокруг нее необоснованных страхов и фобий.

Так, например, **западный** подход имеет ту особенность, что глобализация здесь наряду с критической оценкой воспринимается все же по большей части как *положительное явление*. И это вполне объяснимо – наиболее развитые страны в такой ситуации в силу своего доминирования практически во всех сферах общественной жизни оказываются в более выгодной позиции по отношению к странам менее развитым.

Страны Востока, в особенности наиболее преуспевающие из них, также в немалой степени выигрывают от глобализации и потому против нее практически не выступают. Однако они весьма чувствительно реагируют на события и явления, подрывающие традиционный уклад жизни или затрагивающие их мировоззренческие принципы. Исключения составляют, пожалуй, Индия и еще в большей степени Китай, являющиеся самодостаточными культурно-цивилизационными системами, способными адаптироваться в глобальном мире без серьезной утраты своей культурной идентичности.

Исламский мир, равно как и развивающиеся страны, относительно слабо вовлеченные в мировую экономику, но испытывающие серьезное давление со стороны массовой культуры, ценностей и образа жизни западной цивилизации и не имеющие возможности в условиях информационной революции полностью про-

тивостоять такому давлению, в глобализации видят прежде всего источник угрозы своим ценностям, убеждениям и даже независимости, а потому достаточно резко выступают против нее.

Несколько отличным от упомянутых выше является подход *евразийский*, характерный прежде всего для России, где рыночные отношения еще недостаточно укрепились, но по ряду параметров оказались тесно связанными с мировой экономикой. Глобализация в этой ситуации предоставляет много возможностей не только для расширения международных творческих и деловых отношений, но и для нелегального ведения бизнеса, утечки капитала, функционирования преступности, в том числе и транснациональной. Отсюда и весьма противоречивое отношение к глобализации – от безоговорочного ее признания до полного неприятия.

Так, некоторые российские ученые, равно как и представители арабских, исламских государств, а также большинства стран третьего мира рассматривают глобализацию как специально разработанный план или стратегию, нацеленную на вторжение в другие части мира и создание угроз местным культурам посредством их унификации. При этом главную угрозу культурной идентичности усматривают, как правило, в расширении сферы влияния средств массовой информации, в деятельности международных фондов, транснациональных корпораций, соотнося все это по большей части с политикой США, деятельностью ТНК и т. п.

Отмеченные взгляды и опасения вовсе не беспочвенны, ибо глобализация – это действительно не просто потоки товаров или сокращение расстояний, стирание границ или унификация производственных процессов. Это еще и острейшая борьба за сферы влияния, за более выгодные позиции в системе международных отношений. Отсюда и в обозримом будущем такой борьбы не избежать. Вопрос лишь в том, по каким правилам будет идти борьба, кто будет диктовать эти правила и выступать в роли арбитра. Недавно завершившийся копенгагенский мировой саммит по проблемам климата, обнаживший острейшие мировые противоречия и, по существу, не решивший стоявших перед ним задач, только подтверждает такой вывод.

Итак, вполне очевидно, что наиболее развитые страны мира, и прежде всего США, хотя и не так откровенно, как в последние два десятилетия, и далее будут бороться за лидерские позиции в глобальном мире, что вполне вытекает из их реальной политики и достаточно откровенных высказываний многих известных политиков, общественных деятелей, ученых, представителей крупного бизнеса.

Не только Россия или Китай, но и Индия, не говоря уже об исламских странах, никогда не согласится с таким подходом к формированию нового мирового порядка. Силовой вариант неприемлем. Остается путь переговоров, соглашений и взаимных уступок во имя общих интересов. При этом следует иметь в виду, что разные народы в силу своего культурного наследия и традиций всегда будут смотреть на мир иначе, чем их соседи, не говоря уже о более отдаленных сообществах. Это, кажется, стали понимать теперь и в США. Во всяком случае, известный экономист и меценат Дж. Сорос еще в 2002 г. писал: «11 сентября американцы были потрясены, обнаружив, что другие могут смотреть на них совсем иначе, нежели они сами. Теперь они в большей степени готовы к переоценке мира и роли США в нем, чем в спокойные времена»². Примерно такие же мотивы можно обнаружить и

² Сорос, Дж. О глобализации. – М.: Рудомино, 2002. – С. 10.

в выступлениях нынешнего американского президента, который высказывался в том плане, что современный мир не может управляться из одного центра.

Но та ли это эволюция взглядов, которую должно претерпеть как американское общество, так и все мировое человечество, чтобы справиться с глобальными угрозами? Да и насколько выполнима такая задача? Ответы на эти вопросы вовсе не очевидны, так как в условиях растущих экономических и социальных проблем, отсутствия должного международного законодательства возникают благоприятные условия для роста национализма, сепаратизма, коррупции, криминала, проявления различных форм насилия и экстремизма.

В результате усиливаются нигилизм и упадничество, растут пессимистические настроения и уровень деморализации общества и, как следствие, нередко звучат голоса о том, что *общечеловеческие ценности, права человека, общая судьба человечества* и т. п. – это лишь «ширма для Запада», под прикрытием которой он проводит агрессивную политику, защищая свои интересы.

На волне таких настроений некоторые общественные деятели, в том числе и в нашей стране, выступают, по существу, за изоляционизм и свертывание переговорных процессов. В частности, имеют место силы, которые полагают, что России не следует принимать и даже поддерживать «ценности западной цивилизации», а альтернативу сторонники таких взглядов видят в самобытности российского народа и переориентации на Восток (который в этом случае противопоставляется Западу).

Соглашаясь с тем, что каждой стране необходим поиск собственного пути развития на основе национально ориентированных ценностей, следует сказать и об опасностях на этом пути. Приоритет национального над общечеловеческим должен быть прагматически выверен, но он не может быть безусловным. А потому в ситуации глобальной взаимозависимости, во всяком случае, большие системообразующие страны, каковой является и Россия, должны проявлять большую гибкость, чтобы не стать на путь конфронтации не только с развитым Западом, но и с остальным миром.

Оставим США. Нам ближе в качестве сравнения по этой позиции Китай, Индия, Бразилия... Так вот, те же Китай или Индия не без успехов демонстрируют именно такую достаточно гибкую и взвешенную политику. И именно там в последние годы, как и в целом в западном мире, наблюдается резкий всплеск интереса к осмыслению как самой глобализации, так и ее последствий. Заметим при этом, что они основательно вкладываются не только в развитие науки и образования вообще, но и глобалистики в частности. Активно поощряют соответствующие исследования, выделяют большие средства на проведение научных мероприятий, конгрессов, публичных лекций с широким участием иностранных ученых и специалистов. И здесь своя логика, ибо *глобалистика* – это не только междисциплинарная область научных, философских, культурологических и прикладных исследований, но и полученные результаты таких исследований, а также практическая деятельность по их реализации в экономической, социальной и политической сферах, как на уровне отдельных государств, так и в международном масштабе.

Возвращаясь к России, справедливости ради скажем, что отечественная наука изначально оказалась на высоте. А именно: в 1970–1980-е гг., когда во всем мире активно обсуждались доклады Римского клуба и осуществлялись соответствующие

щие исследования под эгидой ООН, в нашей стране новое научное направление закладывалось усилиями таких ученых, как И. Т. Фролов, Н. Н. Моисеев, А. Л. Яншин, Д. М. Гвишиани, М. И. Будыко, В. А. Виноградов, Н. Ф. Реймерс, Г. С. Хозин, В. И. Данилов-Данильян, Э. В. Гируссов, Д. А. Урсул и многие другие. То был первый этап, на котором с разных сторон обсуждались глобальные проблемы и вовсе не говорилось о глобализации. О ней тогда еще и не догадывались, а потому искали пути и средства преодоления, устранения из жизни общества глобальных проблем. Теперь же все больше становится очевидным, что решение такой задачи заведомо невыполнимо, так как у глобального человечества по определению не может не быть глобальных проблем. Но наука по большей части так и развивается: от анализа явлений к пониманию сущности, от теоретических положений к подтверждению их практикой, иными словами, она пробивает дорогу к истине в значительной мере методом проб и ошибок. И глобалистика в этом отношении не является исключением.

Однако здесь важно подчеркнуть исключительную роль, которую в формировании отечественной глобалистики в то время сыграл междисциплинарный Научный совет по философским и социальным проблемам науки и техники при Президиуме АН СССР, которым руководил академик И. Т. Фролов. Тогда регулярно, по несколько раз в год, проходили научные конференции, творческие дискуссии, в которых принимали участие ведущие ученые и специалисты страны. По результатам конференций издавались сборники трудов, массовыми тиражами выходили из печати монографии, а журналы (в том числе и «Вопросы философии») имели специальные рубрики, где регулярно публиковались глубокие и содержательные статьи на эту тему. Но так было лишь до конца 1980-х гг.

К сожалению, многих из пионеров отечественной глобалистики уже нет с нами, а новое поколение ученых в силу известных причин не пришло им на смену. В итоге в журналах и монографиях аналитика и академический стиль уступили место публицистике и скороспелым, поверхностным выводам. На место систематического изложения материалов пришла фрагментарность. И не секрет, что значительная часть из публикуемых ныне работ, которые по названию должны быть отнесены к глобалистике, по существу, лишь используют раскрученный бренд, но имеют отдаленное отношение к заявленной проблематике. Не лучше обстоит дело и с научными диссертациями.

Серьезные научные мероприятия, посвященные глобальной проблематике, также большая редкость. Достаточно сказать, что первый за сорокалетнюю историю глобальных исследований Международный научный конгресс «Глобалистика – 2009: пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства»³ состоялся в нашей стране совсем недавно – в мае 2009 г. Хотелось бы надеяться, что это важное и неординарное событие станет началом нового этапа развития отечественной глобалистики, которая за последние двадцать лет во многом утратила былую динамику. В итоге наши позиции в области глобалистики, завоеванные в 1970–1980-е гг., к настоящему времени значительно ослабели.

Но разве глобальная проблематика за это время стала менее актуальной? Или глобальные проблемы сегодня угрожают человечеству меньше, чем 30 лет назад?

³ См. в данном номере журнала статью И. И. Абылгазиева и И. В. Ильина «Процессы глобализации и проблема нового мироустройства».

Как раз наоборот, они стали еще сложнее, острее, актуальнее, но адекватного понимания ситуации даже у значительной части научного сообщества все еще нет. Говорю об этом, потому что, работая над энциклопедией «Глобалистика», вышедшей на русском и английском языках в 2003 г., а также над Международным энциклопедическим словарем «Глобалистика» (2006 г.)⁴, мы в редколлегии особо остро ощутили, что пожинаем, образно говоря, «урожаем», который вызрел от всходов, посеянных в прошлом столетии.

Так, например, хотя в творческом коллективе упомянутого словаря, насчитывающем 647 авторов из 58 стран мира, большая часть ученых из России, для многих из них проблемы глобалистики не являются основной темой их научных интересов. Тех же, кто целенаправленно и систематически занимается исследованиями в данной области, или, что еще лучше, тех, кто защитил соответствующую обсуждаемой теме диссертацию, по существу, единицы. И это притом что при подготовке энциклопедических изданий был задействован практически весь отечественный потенциал, накопленный к настоящему времени в данной области. Пожалуй, это пик наших нынешних возможностей, и указанными изданиями мы, по существу, подвели итог того, что в теоретическом плане было сделано раньше, и прежде всего в 1970–1980-е гг.

Однако дальше так двигаться нельзя. Еще немного, и мы можем окончательно утратить былые позиции. В первую очередь потому, что в нашей стране нет необходимых целенаправленных усилий со стороны как соответствующих организаций, так и властных структур, нет единого центра, который бы координировал научно-исследовательскую работу в данной области, где в первую очередь должны учитываться междисциплинарность и процессы интеграции научного знания. А это принципиально. Ведь глобалистика изначально складывалась как междисциплинарная сфера научных исследований, и по-другому она просто не может существовать и развиваться. Именно поэтому отдельно работающие ученые, исследовательские группы, спорадически возникающие в тех или иных структурах, как и целевые программы или проекты, не учитывающие указанного обстоятельства, принципиально не смогут решить проблему в целом.

Надо целенаправленно готовить кадры, и уже со студенческой скамьи. Необходимо стимулировать подготовку высококлассных специалистов и поощрять приток молодежи в эту сферу научной деятельности. А это значит, что число и качество соответствующих курсовых и дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций должно быть значительно выше, чем теперь. К тому же важно не только инициировать защиту научных работ по проблемам глобалистики, но и создавать условия, чтобы после защиты молодые специалисты продолжали работу именно в этой области или хотя бы поддерживали устойчивый интерес и высокий профессиональный уровень в вопросах быстро развивающейся глобализации.

В этой связи несомненной поддержки заслуживают усилия, предпринимаемые в МГУ им. М. В. Ломоносова, направленные не только на возрождение отечественной глобалистики, но и на подготовку соответствующих кадров. Там создан и в последние три года активно развивается факультет глобальных процессов⁵, где на высоком уровне ведется подготовка специалистов по двум направлениям: между-

⁴ См.: www.globalistika.ru

⁵ См.: www.fgp.msu.ru

народная политика и международная экономика⁶. В условиях продолжающихся дебатов и дискуссий вокруг глобалистики такое решение относительно подготовки кадров в этой новой области научного знания представляется наиболее оптимальным, а решение о создании упомянутого факультета и вовсе революционным.

Однако перспектива подготовки кадров в области глобалистики, когда это будет делом уже не исключительным, а системным, мне видится несколько иначе. Здесь необходимо принять во внимание, что глобалистика – интегративная область междисциплинарного знания, включающая как естественно-научную, так и гуманитарную составляющие. Она возникла не в результате дифференциации научного знания, как это характерно для всех частных наук⁷, а на пути интеграции теоретического знания, тесно связанного с практикой реальной жизни.

Отсюда и подготовка специалистов в области глобалистики должна строиться таким образом, чтобы студенты в первую очередь получили специальное образование на одном из «классических» факультетов и только потом – специализацию в области глобалистики (в магистратуре) на специальном факультете, о более точном названии которого скажем ниже. Иными словами, специалист в области глобалистики хотя и будет всегда представлять ту или иную конкретную область знания или практики, его специализация будет касаться глобалистики, предполагающей целостное видение глобальных процессов и их последствий. Это в свою очередь означает, что специалистов в области глобалистики нельзя подготовить непосредственно из выпускников средней школы, а потому следует несколько иначе посмотреть на структуру современных университетов. В них должны появиться не факультеты в привычном значении этого слова, а особые структуры.

Наиболее эффективной формой организации, которая позволила бы реализовать поставленные цели, могли бы стать научно-исследовательские и образовательные центры (институты). Еще лучше было бы назвать их, говоря буквально и следуя обратной логике формирования факультетов, – *интертеты* (с соответствующим конкретным наименованием)⁸. Они должны быть также с серьезным международным статусом, к чему просто обязывает характер стоящих перед ними задач. В рамках этих структур (и с их подачи) можно было бы не только вести научные исследования, проводить соответствующие конференции, круглые столы, семинары, осуществлять целевые программы, проекты, экспертизы, но и готовить научные кадры, разрабатывать и реализовывать образовательные программы, осуществлять международную, издательскую, наконец, просветительскую деятельность в области глобалистики. Иными словами, в таких структурах научно-исследовательская работа и учебный процесс были бы теснейшим образом взаимосвязаны, чего сегодня так недостает нашей науке и системе высшего образования.

При этом важно подчеркнуть, что на таких *интертетах* не должно быть бакалавриата. На этом уровне организации учебного процесса различные кафедры соответствующего интертета, такие, например, как «история и теория глобалистики», «глобальных проблем», «мировой экономики», «мировой политики», «гло-

⁶ О факультете глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова см.: «Век глобализации». – 2008. – № 2.

⁷ Заметим, что именно под такие конкретные науки во всех университетах и сформированы факультеты.

⁸ Возможно, предлагаемый термин не совсем удачный, и если он не приживется, ему следует найти адекватную замену, так как дело касается принципиально новой, не имеющей аналогов в истории науки и образования структуры, появление которой – дело времени.

бальных процессов» и т. п., должны вести занятия на различных факультетах университета, преследуя прежде всего цели образования и просвещения в области глобальных исследований, без чего уже трудно представить себе современного хорошо образованного человека. В процессе таких занятий, несомненно, выделится часть студентов, которые (понятно, что с позиций своего основного предмета) проявят особый интерес к вопросам глобалистики и станут писать соответствующие курсовые и дипломные работы. Именно они и составят тот костяк студентов, которые затем поступят в магистратуру соответствующего интертета, где станут специализироваться по одному из направлений в данной области междисциплинарного знания, основываясь прежде всего на полученной в бакалавриате специальности. Следующие ступени, которые также в полной мере должны быть представлены в таком структурном подразделении, – аспирантура и докторантура с соответствующим материально-техническим обеспечением и учеными советами.

С учетом того, что речь идет о междисциплинарной области научного знания, где в значительной степени представлена гуманитарная составляющая, подобные структуры целесообразнее было бы создать в рамках уже существующих крупных университетов, имеющих разветвленную сеть факультетов. Такое решение позволило бы оптимальным образом совместить теоретические изыскания с образовательным процессом, а исследовательскую и педагогическую работу поставить на прочную основу уже имеющихся достижений в области глобалистики. При этом следовало бы максимально задействовать уже существующие базы данных, а также наработанные обширные международные связи, возможности Интернета, соответствующие сайты, новейшие средства коммуникации, современные технологии получения и обработки информации и т. п. Целесообразность такого подхода к решению комплексных научных и образовательных задач подтверждает и практика реализации крупного международного проекта «Кто есть кто и что есть что в глобалистике»⁹, который успешно осуществляется на базе факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова совместно с Российским философским обществом и научно-производственной корпорацией «Интеллектуальные системы».

Предлагая к обсуждению поставленные выше проблемы, хотелось бы отметить в заключение, что будущее России зависит от того, насколько адекватно она будет реагировать на вызовы времени, насколько эффективно сумеет использовать свои преимущества. А это значит, что нам необходимо постоянно переосмысливать и самих себя, и мир, в котором мы живем, чтобы наиболее оптимально вписываться в динамичную структуру глобального сообщества. Справиться с такой задачей можно лишь имея сильную науку и эффективное образование, где мы – представители отечественной науки – несем особую ответственность не только за адекватную оценку реальных событий, правильный выбор целей и предлагаемые пути их достижения, но и в конечном счете за формирование соответствующего мировоззрения.

⁹ См.: www.globalistics.org

РУССКИЙ МИР И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В. В. Ксенофонов

Русский мир, на наш взгляд, – это эволюционирующий в пространстве и времени исторический и социокультурный феномен со свойственной ему ментальностью, развивающийся в интересах консолидации и прогресса народов (прежде всего славянских), обеспечении гуманизма и демократии в их взаимоотношениях, мирного развития человеческой цивилизации. На состояние и перспективы развития русского мира оказывают воздействие особенности современного процесса глобализации, к наиболее значимым из которых можно отнести следующие.

Первое. В результате прекращения длительного этапа холодной войны существенно уменьшилась вероятность возникновения глобальной ядерной войны. Однако налицо в мире всплеск национализма, сепаратизма, различного рода экстремизма на региональном и локальном уровнях. В различных регионах планеты появляются зоны терроризма, новых вооруженных конфликтов и международной напряженности, которые таят в себе угрозы вовлечения в них различных государств. Вместе с тем решение подобных сложных вопросов должно основываться не на силовых (военных) средствах их разрешения и проходить не без активного участия России и ее союзников, роль которых в мировых делах весьма значительна. Однако мнения и предложения России в международных делах нередко недооцениваются, а то и вовсе игнорируются, что не способствует укреплению стабильности и безопасности в современном мире.

Второе. В современном мире идет активный процесс изменения системы международных отношений, перераспределения областей внешнеполитического и информационного воздействия между США, Западной Европой, Японией. К этому процессу активно подключаются такие страны, как Россия, Китай, Индия и Иран. Вместе с тем усилия РФ по обеспечению политической стабильности глобального и регионального масштаба, развития мер доверия между государствами и противостояния информационному давлению, инициируемому прежде всего США, не встречают должной поддержки со стороны ряда ведущих стран Запада. В таких условиях возникает объективная потребность усиления внешнеполитической и гуманитарной деятельности российского государства, в консолидации субъектов русского мира в целях противодействия США, стремящихся к монополизации своей внешнеполитической и информационной деятельности в процессе глобализации мира. Основой такой консолидации являются: исторические корни возникновения русского мира, культура, традиции и общность судеб его народов. А его главным носителем является русский народ. «Отнимать у русского народа право иметь свое русское воззрение, – подчеркивал К. С. Аксаков, – значит лишать его участия в общем деле человечества»¹.

¹ Константин Сергеевич Аксаков о русском воззрении // Поэтическая газета. – 2007. – № 4(6), апрель. – С. 1.

Третье. На европейской территории, включающей государства СНГ и Балтии, происходит исторический процесс становления и развития новых стран. Причем они характеризуются неустойчивым социально-экономическим развитием, недостаточно последовательной и предсказуемой политической деятельностью, изменением дипломатических приоритетов по отношению к государствам как субъектам международного права. В сложившихся отношениях России со странами СНГ и Балтии актуальной практической задачей становится развитие активной дипломатии, направленной на обеспечение региональной стабильности, неуклонного соблюдения международно-правовой договоренности, заинтересованного развития культурного обмена, расширение зоны влияния русского мира.

Четвертое. Для России, являющейся частью мирового сообщества, в конце XX – начале XXI в. сложилась принципиально новая международная политическая ситуация. Вместе с тем именно РФ выступает в изменившихся за последние годы международных условиях как главный социокультурный компонент многообразного русского мира. При этом в эволюционирующих международных отношениях, в которых с очевидностью проявляются гегемонистские устремления и их практическая реализация США, консолидирующая деятельность России приобретает особую значимость. Достижение РФ определенного уровня политической и экономической стабильности в изменяющихся отношениях между государствами объективно требует активизации самостоятельности политической, социокультурной и дипломатической деятельности, учитывающей ее позитивные традиции в укреплении русского мира, учета реалий международной ситуации и тенденций ее развития.

Пятое. Вступление в НАТО стран Балтии (Литвы, Латвии и Эстонии) «передвинуло» войска и флот этого военно-политического альянса к акватории внутренней части Балтийского моря, существующим сухопутным границам России на Западе (Калининградская область) и Северо-Западе (непосредственно к Ленинградской, Новгородской и Псковской областям), жизненно важным промышленным, научно-техническим и культурным центрам нашей страны. При этом в Эстонии, например, активно муссируется вопрос о пересмотре исторически сложившихся границ с Россией. Однако в действительности какой-либо угрозы этим государствам со стороны РФ не существует. Не вызывает сомнения, что вступление Украины в НАТО создаст угрозу как для России, так и для всего русского мира, резко нарушит баланс сил в этом регионе Европы².

В условиях учета воздействия отмеченных детерминантов на процесс становления и эволюции русского мира можно выделить ряд системообразующих критериев (*генетический, сущностный, пространственно-временной, функциональный*), содержание которых раскрывает характер и специфику феномена русского мира, места и роли в нем России.

Генетический критерий указывает на то, что образование и развитие русского мира опирается на духовную общность и многовековую историю. В этом аспекте русский мир имеет свой синтезирующий духовный корень, объединяющий три братских народа: русский, украинский, белорусский. Он генетически представлен в православии как важной составляющей их духовной жизни. Религия сыграла важную роль в истории нашего Отечества в годы войны с фашистской Германией. В настоящее время необходимо непредвзято анализировать роль религии в духовной жизни российского общества. И в первую очередь – в формировании нравств-

² См.: Маначинский, А. Декларации вопреки // Независимое военное обозрение. – 2006. – № 9. – С. 3.

венных ориентаций личности, в исторической и реальной сущности религиозных основ русского менталитета.

Сущностный критерий характеризует русский мир как взаимосвязанную систему социокультурного развития, опирающуюся на социальную значимость в духовной жизни художественно-эстетических и нравственных ценностей, общность традиций и обычаев народа. На наш взгляд, именно духовная культура, прежде всего литература и искусство, отражает сущность русского мира, бытие его народа. Наиболее рельефно эта важная проблема на всех исторических этапах России реализовывалась в таких доминирующих функциях: гносеологической, онтологической, аксиологической.

Гносеологическая функция обеспечивает познание разнообразных поступков, раскрываемых в художественных образах. Исследуя их проявление, искусство помогает познавать исторические и духовные традиции России. Этот процесс невозможен без актуализации взаимодействия нравственного и эстетического сознания, без раскрытия моральных и идейных истоков поступков людей, без учета оценки их поведения с точки зрения добра и зла, долга и чести, всего содержания морали нашего общества.

Онтологическая функция искусства и литературы заключается в том, что историческая память народа запечатлела в общественном сознании определенные идеалы. Потребность людей к объединению для совместного преодоления возникающих трудностей и испытаний обусловила консолидирующую роль в общественном сознании нравственных и эстетических идеалов, отождествляемых с высокими принципами гуманизма, патриотизма, духовности и рассматриваемых как универсальное средство решения проблем взаимодействия личности и общества. Особое значение в духовной жизни современного общества приобретает познание героических поступков, раскрываемых через эстетический идеал. Примечательно, что в настоящее время в духовную жизнь российского общества активно и целенаправленно внедряется идея о пересмотре героического. В этой связи, искажая реальные события, тиражируются идеи переоценки моральной стороны поступков той или иной исторической личности. Так, ныне появились публикации, в которых предатель Родины генерал Власов преподносится в ореоле мученика, ведущего борьбу с тоталитарным режимом, героической личностью периода боев под Москвой в годы Великой Отечественной войны³. Однако подобная позиция не соответствует исторической правде, о чем свидетельствует ряд источников. В частности, известный писатель В. Карпов указывает на то, что в тот период бывший командующий армией находился на излечении в госпитале, поэтому он не мог показать себя как «способный военачальник»⁴.

Аксиологическая функция объективирует взаимодействие нравственного и эстетического сознания в формировании духовных ценностей личности. Это обусловлено, во-первых, мировоззренческим характером героев, моралью, которую они несут в своих поступках. Во-вторых, эта функция определяется философскими, социальными и этическими взглядами самого художника, от которых зависит глубина и ценностная значимость духовно-нравственных обобщений, проникновение в суть образа. Она особенно актуальна в наше время, потому что процессы изменений духовной жизни общества и личности развиваются весьма противоречиво и болезненно. Отражая в художественных образах богатство мыслей и чувств

³ См., например: Островский, В. П., Уткин, А. И. История России. XX век. – М.: Дрофа, 1998. – С. 272.

⁴ См. подробно: Карпов, В. В. Жуков на фронтах Великой войны. – М.: Вече, 1996.

человека, его вдохновенный труд, искусство помогает духовному развитию личности. В этом вопросе важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Нередко средства массовой информации поэтизируют не позитивный художественно-исторический образ, а возводят в ранг героя аморальную личность. Так, в последнее время возвеличивается рядом СМИ роль Махно и Бандеры, якобы борющихся за народные интересы; с телеэкрана ведется душевная беседа с изменником Родины Резуном, бежавшим в Англию и клеветнически выступающим против нашего государства и его армии, принижая героический подвиг народа в годы войны с фашизмом.

Пространственно-временной критерий раскрывает процесс исторически противоречивого развития русского мира на различных этапах, а также и его перспективы – ближайшие и отдаленные. В этом плане он может быть представлен, на наш взгляд, в двух трактовках: узком и широком смысле. Узкий смысл связан с таким его основным субъектом, каким выступает Россия. Широкий смысл характеризует носителей языка – русскоязычное население стран СНГ, а также и дальнего зарубежья, тяготеющих к духовным ценностям русского народа, привлекательности эволюционирующих идей, их перспективности. Этот критерий реализуется в содержании и специфике русской идеи, действующей на духовный мир личности, поступки и поведение различных объединений людей. В этой связи важно подчеркнуть, что русская идея не противоположна общечеловеческим ценностям. На это обстоятельство обращал внимание один из активных ее сторонников – Ф. М. Достоевский. «Мы предугадываем, – писал он, – что характер нашей будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, что русская идея, может быть, будет синтезом тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях»⁵.

Применительно к современному состоянию российского общества и перспективам его развития русская идея может включать ряд положений. Одним из них выступает духовность. Она выражает в значительной степени нравственные начала общественной жизни и моральные законы поведения человека. К ним относятся: уважение свободы личности; восприятие социокультурного наследия; внимательное отношение к вере, языку, традициям и обычаям народов; приоритет справедливости, блага, добра, гуманности и т. д.; терпимость к иной точке зрения, уважение религиозных конфессий, морального выбора личности и др. Духовное возрождение представляет собой способ единения российского общества посредством воспроизведения исторически пригодных для данной эпохи и имеющих корни в народе нравственных ценностей. Духовный поиск, став основой общественной деятельности, приведет к более совершенному жизненному порядку, к действительному народовластию в России.

Другим положением является народовластие. Оно требует от государства служения народу, исключения его применения в качестве орудия, средства государства. При этом следует заметить, что нарушение законности ставит власть вне закона. Перерастание государства из института, который стоит над народом, в орган народовластия предполагает укрепление общественного контроля над государственной организацией, осуществляющей публичную власть, развитие самоуправления, выражающееся в соблюдении системы правил, установленных согласием граждан; создание новой политико-организационной структуры, которая расширяет формы движения общества, независимые от государства, превращение

⁵ Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 18. – Л.: Наука, 1972. – С. 37.

политических партий, общественных организаций в составную часть гражданского общества. Народовластие выступит правлением всех граждан, если демократические принципы автономии и самостоятельности регионов будут осуществляться в едином правовом пространстве Российской Федерации.

Третьим положением русской идеи выступает державность. Для России как значительного геополитического пространства, объединяющего на своей территории многочисленные народы, она означает: общность границ и единую систему связи, единое энергоснабжение, одинаковую транспортную систему; сохранение социокультурных традиций; равенство всех народов и этнических групп; достойное место в мировой цивилизации. Русский народ, ставший этническим ядром России и десяти других народов, которые веками жили вместе, может сплотить и объединить идея российской державности, проявляющаяся на геополитическом фоне евразийского пространства. Для России характерна открытость. Однако она не должна копировать ни западные, ни восточные модели развития. Державность РФ тесным образом связана с ее самостоятельной международной политикой во имя мира, предотвращения войн и вооруженных конфликтов.

Четвертым положением, выступающим основой русской идеи, является идея свободы человека. В России, с одной стороны, необходима общегосударственная система мер, направленных на создание в стране приоритета личности, с другой – российские граждане должны сами свободно выбирать свою судьбу и нести личную ответственность за нее. Об этой проблеме как актуальной задаче писал еще А. И. Герцен: «Свобода лица – величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе человек должен уважать свою свободу и чтить ее не менее как в ближнем, как в целом народе»⁶.

Идея свободы человека – это также и справедливость, но не уравнительность, а равноправие и уважение, консолидация и солидарность. Ее практическое воплощение – осознание необходимости формирования гражданской «российской нации», образуемой реальным многообразием всех народов России. В этой связи важное теоретическое и практическое значение приобретает проблема соотношения идеи и идеала. Не вдаваясь в дискуссию по ней, отметим два аспекта.

Во-первых, русская идея может выступить в определенном смысле как тот или иной идеал либо различные идеалы, которые сплачивают все общество, прежде всего народные массы. Такими идеалами на определенных исторических и политических этапах нашей страны выступили: идеал Святой Руси, идеал сплочения русских земель во главе с их центром – Москвой, идеал спасения Отечества от внешних врагов. Идеалы такого политического содержания представляли собой образец совершенства, высшую цель устремления народа, его наиболее прогрессивных и сознательных носителей.

Во-вторых, довольно проблематичен вопрос о генетическом механизме таких идей – идеалов. Можно предположить, по нашему мнению, два направления такого механизма применительно к России. Один из них – это стихийно складывающаяся русская идея в качестве национального идеала в условиях либо экстремальных, либо исторически резких, взрывных и тяжелых. Другой путь – целенаправленная выработка идеалов активными субъектами русской идеи. Так, идеи славянофильства на определенных этапах сыграли мобилизующую роль в сплочении русского народа. Однако, к сожалению, этот второй путь, по нашему мнению, не утвердился в Российском государстве. Например, идея русского на-

⁶ Герцен, А. И. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 6. – М.: Худ. лит-ра, 1955. – С. 14.

родничества: несмотря на ее привлекательность, она не закрепились в сознании народных масс.

Функциональный критерий раскрывает степень воздействия русского мира на развитие европейской и планетарной цивилизации, прежде всего с точки зрения ее культуры. Такое воздействие реализуется через два взаимосвязанных направления. Во-первых, через распространение глубоких по эстетическому содержанию и нравственной направленности произведений отечественной литературы и искусства благодаря системе коммуникативных отношений государств, то есть участие в культурном обмене. Во-вторых, через расширение сферы функционирования русского языка как важнейшего элемента отечественной культуры.

Культурный обмен, выступая в качестве одного из каналов международных связей, способствует взаимному духовному обогащению народов, познанию русского мира зарубежными читателями и зрителями через его литературу и искусство. Тем самым вносится значительный вклад в укрепление духовных основ взаимопонимания и сотрудничества государств, от которых в значительной степени зависит гуманизация международных отношений. Вместе с тем нельзя не заметить, что процесс диалога культур в современных условиях между Россией и западными государствами проходит сложно, противоречиво. В нем наблюдается стремление ряда представителей зарубежной культуры навязать отечественному читателю и зрителям свое представление о духовной культуре. В ходе такого процесса тиражируемые зарубежные эстетические ценности нередко сочетаются с неистовой пропагандой псевдоромантики и вседозволенности.

Русский мир как сложное социокультурное образование во взаимоотношениях между народами и странами играет значительную коммуникативную роль. И его активным проводником выступает русский язык. При этом он является не только средством развития культуры России, но и прочным звеном духовного общения народов, целостности русского мира. Между тем не может не вызывать тревогу то, что современная ситуация в сфере функционирования русского языка в мире характеризуется негативной тенденцией. Так, если в конце 60-х гг. XX в. на русском языке публиковалось более 20 % мировой научной литературы, то теперь около 3 %. Российская национальная библиотека и библиотека РАН ныне финансируются в 100 раз меньше, чем сопоставляемая с ними библиотека Конгресса США.

Таким образом, состояние и развитие русского мира происходит в условиях сложного и противоречивого процесса глобализации, где Россия – воплощение самобытной российской цивилизации, культуры и трудолюбия населяющих ее народов, богатой и разнообразной духовной жизни. При этом ее социокультурные ценности и государственные интересы не ущемляют интересы других народов, не навязываются им, а благотворно воздействуют на развитие культуры мирового сообщества. Весьма глубоко об этой миссии нашей страны сказал И. А. Ильин. «Россия, – отмечал он, – не человеческая пыль и не хаос. Она есть, прежде всего, **великий народ**, не проматывающий своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно»⁷.

⁷ Ильин, И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. – М., 1992. – С. 264.

ИМИДЖ РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

П. С. Гуревич

В статье анализируются новые реальности глобализации. Мировой кризис обострил конкуренцию между странами. Эксперты все чаще полагают, что культурно-цивилизационные особенности оказывают глубокое воздействие на исторический процесс. В статье отмечается, что в результате глобализации многие страны усилили свою мощь, говорится о возможностях создания нового имиджа России, о разрушении стереотипов, которые были порождены социальной практикой последних лет. Анализируются концепции З. Бжезинского, Ж. Бодрийяра, Ю. Хабермаса.

Поиски идентичности

Нынешний кризис, поразивший экономику всех стран, радикально изменил представление о глобализации как социальном феномене. Разумеется, речь все еще идет о доминировании рынка и неолиберальных формах демократии. Не оспаривается господство транснациональных корпораций в различных сферах жизни – от экономики до культуры. Все еще обсуждается однополярность мира и раздаются призывы к многополярности. Глобализация по-прежнему активно влияет не только на экономику и политику, но и на культуру, образ жизни и образ мысли. Мировой кризис подтвердил реальность общепланетарных тенденций.

Вместе с тем мировой кризис произвел огромные сдвиги в геополитике, обнажил кричащие противоречия современного мира и самого процесса создания общепланетарной цивилизации. Общие представления о схождении всех культур в некое общее цивилизационное пространство не выдержали испытаний. Вновь актуализировались давние проблемы философии культуры: может ли культурное воздействие одной страны на другую внести ощутимые перемены в исторический процесс? Каковы последствия духовной экспансии «активной» цивилизации для менее «динамичного» региона? Стираются ли в процессе социальной динамики культурно-цивилизационные признаки народов и эпох или, напротив, они обнаруживают стойкость под напором чужеродных влияний? Обсуждение этих вопросов в философии имеет давние традиции. Но сегодня в условиях кризиса они обрели особую актуальность.

В наши дни глобалистская риторика подвергается серьезной критике. Активизировались и антиглобалисты. Обострился интерес к культуре как фактору социального развития. Кризис вызвал растерянность среди экономистов и политиков. Евгений Ясин, научный руководитель Высшей школы экономики, отмечает, что

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 09-03-00780а/Р).

многие факторы, связанные с попытками преодолеть болезненные процессы современной ситуации, вообще находятся вне управления¹. Можно подумать, что речь идет о сложностях экономики как научной дисциплины. Но ведь кризис давно уже перестал быть финансовым или экономическим. Он приобрел цивилизационный характер. Это означает, что толковать о кризисе, оставаясь в мире финансов, отвлеченных экономических показателей, бесперспективно.

Эксперты все чаще приходят к убеждению, что именно духовные черты, социокультурные признаки конкретного общества или даже целого региона, например Европы, накладывают отпечаток на социально-историческую динамику. Широкое распространение получает в философской литературе идея о том, что адекватно «схваченное» ядро культуры, проницательное постижение ее ценностно-смыслового содержания, ее особенностей могут содействовать прогрессу общества и в конечном счете всего человечества. Напротив, искаженное или поверхностное понимание сущности духовного наследия, его специфики способно породить мучительные кризисные процессы.

Известный немецкий философ Юрген Хабермас в книге «Расколотый Запад»² размышляет о том, что сама идея европейской идентичности – вечный сюжет европейской философии. Но чем характеризуется духовный облик Европы? Речь идет не о географическом, пространственном понятии, как если бы всю совокупность людей, обитающих на данной территории, можно было охватить в понятии европейского человечества. В духовном смысле к Европе относились английские доминионы, Соединенные Штаты, но не эскимосы или индейцы, и не цыгане, длительное время странствующие по всей Европе.

Несомненно, что название «Европа» обозначает общность жизни и творческой деятельности, включая цели, интересы, заботы, тревоги, планы, институты, учреждения. Внутри этой общности отдельные люди действуют на разных уровнях в разнообразных социальных группах, семьях, родах, нациях. Они тесно связаны духовно. Так рождается некий связующий характер культуры.

Но почему сегодня эта проблема оказывается особенно актуальной? Какие события мировой истории заставляют вновь вернуться к этой теме? Юрген Хабермас усматривает в европейской идентичности некое коварство. О чем речь?

Когда люди объединяются, это вовсе не означает, что так надо. Нередко слияние стран или народов оказывается необязательным или попросту ложным. С этой точки зрения насколько адекватен образ мирной Европы, которая позиционирует себя как открытую для других культур, как способную к диалогу?

По мнению Хабермаса, европейские государства всеобщего благосостояния сегодня играют огромную роль в качестве образцов и моделей социального устройства. Особенно много значит опыт «укрощения капитализма». Но эта политика имеет свои пределы. «Дискурс, начатый в масштабах Европы, необходимо задает направление, стимулирующее процессы самопонимания»³. Этому смелому предположению противоречат, по-видимому, два факта. Первое. Не привели ли именно самые значительные исторические достижения Европы, их всемирное

¹ Комсомольская правда. – 2009. – 30 марта. – С. 6.

² Хабермас, Ю. Расколотый Запад. – М.: Весь мир, 2008.

³ Там же. – С. 43.

признание к тому, что она утратила свою создающую идентичность силу? Второе. Что должно объединять изнутри такой регион, где как ни в каком другом не прекращается соперничество множества сознающих себя наций?

В свое время Э. Гуссерль тоже ставил вопрос о том, что такое «духовный облик Европы». Может быть, это некая философская идея, которая пронизывает всю историю Европы? А не исключено, что это конкретное учение о предназначенности Запада, который на основе идей разума хочет строить свою историческую жизнь? Или это, наконец, просто набор неких ценностей, которые родились именно здесь, в Европе, и позволяют людям ощущать свое родство?

Если проследить исторические связи, то непрерывность хода истории поведет нас от немецкого народа к соседнему, от народа к народу, от эпохи к эпохе. В конце концов, оказавшись в античности, мы будем последовательно идти от римлян к грекам, египтянам, персам. Дорога к предыстории окажется бесконечной. Мы непременно окажемся в каменном веке и будем размышлять, что заставило множество человеческих и культурных типов слиться воедино.

Что же из европейской культуры, по мнению Хабермаса, распространилось из Европы на другие континенты? Христианство и капитализм, естествознание и техника, римское право и Кодекс Наполеона, гражданско-городская форма жизни, демократия и права человека, секуляризация государства и общества. Выходит, эти достижения не являются сегодня исключительно европейской собственностью. «Западный образ мышления, коренящийся в иудео-христианской традиции, имеет определенные характерные черты. Но и этот духовный облик, отмеченный индивидуализмом, рационализмом и активностью, европейские нации разделяют с нациями Соединенных Штатов, Канады и Австралии. Короче, “Запад” как духовный контур охватывает больше, чем только Европу»⁴.

Но как все-таки ощутить, что мы у себя дома? Может быть, вчувствоваться, например, в историю Индии с ее многочисленными народами и культурными формами? Там тоже единство семейного родства, однако чуждого нам. Со своей стороны, индийцы ощущают нас чужаками, признавая своими только друг друга. В Европе есть нечто уникальное, что ощущается не только нами, но и всеми другими группами человечества.

Впрочем, можно ли думать, будто идентичность коренится только в общем сознании? Хабермас так не считает. Европа действительно состоит из национальных государств, которые дистанцируются друг от друга, соперничают и спорят. Национальное сознание, отчужденное в национальном языке, национальной литературе и истории, долго действовало и как подрывная сила. Но немецкий философ склонен видеть в современном процессе не различия, а уже достигаемую общность. В ответ на разрушительную силу национализма сформировался, считает он, тот образец ориентации, который придает современной Европе с ее уникальным культурным многообразием, даже на взгляд неевропейцев, собственное лицо в нынешнем мире.

Глобализация и мультикультурализм

Концепция глобализации поначалу воспринималась повсеместно как чисто аналитическое обозначение реальных процессов, происходящих в мире. Однако

⁴ Хабермас, Ю. Указ соч. – С. 44.

уже в начале нового столетия этот термин приобрел характер эмоционально окрашенной политической установки. К слову сказать, иначе и быть не могло. Действительные социальные феномены с трудом ложатся под конкретные доктрины. Ведь мир разделен на национальные государства, отношение которых к глобализации приобретает несколько значений и служит нескольким целям. Некоторые исследователи толкуют о том, что не существует больше национальных правительств. А нации как тяжкий груз прошлого остались. Однако одни государства безоговорочно принимают глобализацию, другие пытаются обосновать, какой на деле она должна быть, а третьи вообще против этого процесса. Национальная специфика обнаруживает себя уже на уровне политики.

Отмирание национальных государств и возникновение мирового правительства было мечтой интеллектуалов со времен Канта. Эта мечта оживала в каждом поколении. Но идея равноправия культур и цивилизаций вызывает сегодня острую критику. Многие культуры утрачивают свою идентичность именно потому, что оказываются в жестких рамках мультикультурализма. Утрата такой идентичности несет угрозу обеднения. По этой причине рождается стремление сохранить и развивать этнические традиции. Внимание к локальным культурам порождает не только подъем интереса к самоидентификации европейских и неевропейских культур. В итоге обнаруживается даже полный отказ от интеграции культур.

Сталкиваясь с глобалистскими тенденциями, локальные культуры неизбежно стараются перекодировать унифицирующие факторы на собственный лад. Так рождается феномен «японизации» или «тайванизации» традиционной китайской культуры, «африканизации» или «исламизации» западной культуры (в ЮАР или Алжире). Ту же самую миссию выполняют знаменитые телевизионные сериалы, индийские или бразильские. Поэтому на самом деле важно осознать, насколько глубоки те или иные измерения глобализации, какова реальность тех или иных культурно-исторических тенденций.

В наше время окончательно определились крупные массивы человечества – цивилизации. Среди них, например, атлантическая (в которую входят Западная Европа и Северная Америка, иберо-латино-американская, исламская, азиатско-тихоокеанская, африканская...). Так оценивал современную ситуацию недавно ушедший из жизни С. Хантингтон. Однако насколько правомерно говорить также и о евразийской цивилизации как культурной и исторической общности народов, населяющих огромные пространства от Карпат до Камчатки и от Памира до Арктики?

Исторический опыт свидетельствует: при распаде цивилизационного ядра возникают чрезвычайно мощные геополитические цепные реакции, которые в корне меняют облик данной части человечества. В конце прошлого века философы и психологи сделали поразительное открытие: оказывается, развитию человечества мешают мировые религии. Величайшая догадка просветителя Иоганна Гердера о единой судьбе всех народов натолкнулась на рифы.

В начале 70-х гг. группа членов Римского клуба сделала специальный доклад о том, как внутренне сопряжены друг другу различные религии. Заговорили о грандиозных кросскультурных контактах, о поисках межрелигиозного вселенского диалога. Но завершилось все это совершенно иным предположением: имен-

но религии ведут к размежеванию человеческого рода, а возможно, и к смертельному противостоянию. Ядро конкретной культуры обладает внутренней устойчивостью. Оно с трудом поддается переплавке. Французский постмодернист Ж. Бодрийяр по этому поводу отмечает, что алакалуфы с Огненной земли были уничтожены, так и не попытавшись ни понять белых людей, ни поговорить, ни потолковать с ними. Они называли себя словом «люди» и знать не хотели никаких других. Белые в их глазах даже не несли в себе различия: они были просто непонятны. Ни богатство белых, ни их ошеломляющая техника не произвели никакого впечатления на аборигенов. Они не восприняли ничего из этой техники. Они продолжали грести в своих челноках⁵. Но если говорить об общей тенденции, то нет уверенности в том, что уничтожение самобытности алакалуфов не станет фатальным и для белых. Культуры живы своим своеобразием, своей исключительностью, непреодолимостью своих ритуалов и своих ценностей.

В начале VII в. н. э. средиземноморский мир был христианским. Но уже через пятьдесят лет после хиджры – путешествия в Мекку, совершенного пророком, – полчища исламистов обрушились на южное побережье Средиземного моря. Сегодня повсюду можно легко заметить признаки возрождения ислама. На Филиппинах действуют исламистские сепаратисты. В Индонезии мусульманские войска сражаются с сепаратистами-христианами. От Палестины до Пакистана толпы людей на улицах рукоплескали разрушению Пентагона и уничтожению Всемирного торгового центра.

В Европе христианские конгрегации вымирают, церкви пустуют, зато мечети заполняются все активнее. В одной только Франции сегодня проживает 5 млн мусульман. А на территории Европейского союза в целом – от 12 до 15 млн. В Германии насчитывается 15 тыс. мечетей. Можно смело утверждать, что ислам вытеснил иудейство с позиции второй по распространенности религии в Европе. Мы наблюдаем самый настоящий «исламский прилив». В 2000 г. впервые в истории человечества мусульмане превзошли численностью католиков.

Теперь футурологи выстраивают свои прогнозы уже не всегда по лекалам глобализации. Они отмечают, к примеру, возможность такой перспективы человечества: радикальные исламисты создают транснациональное теократическое сообщество. Весь неисламский мир объявляется «врагом халифата». Против него начинается террористическая война. Процесс глобализации не только приостанавливается, но и начинает размываться. Мусульманские страны вносят смуту в страны Европы.

Итак, в век глобализации полная безопасность и тотальная оборона недостижимы. Хотим мы этого или нет, но нам придется пройти серьезную школу, «просвещающую» нас относительно «иных ценностей». Политики должны позаботиться о том, чтобы народы смогли жить в условиях нового цивилизационного противостояния.

Анализируя процессы глобализации, мы чаще всего осмысливаем социальные, политические или религиозные истоки данных процессов. Но при этом мы редко учитываем культурно-цивилизационные аспекты развития современного мира, которые, как показывают современные философские исследования, создают глав-

⁵ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. – М.: Добросвет, 2006. – С. 198.

ную угрозу человечеству. Постмодернистская философия обратилась именно к этим сюжетам, настаивая на принципиальной ценности категории различия. Вообще говоря, данная концепция задолго до постмодернизма была разработана в культурфилософском наследии К. Леонтьева. Он отмечал, как важно для прогресса продвижение в сторону многообразия, а не унификации. Именно стирание культурных различий создает крайне опасную почву для тектонических сдвигов и исторических провалов.

В мире происходят экономические, культурные и технологические изменения, содействующие формированию глобальных взаимосвязей как поверх национальных границ, так и сквозь эти границы. Глобализация грозит массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией.

Новейшие тенденции

Многие страны в результате глобализации увеличили свою мощь. Это прежде всего относится к старому Западу. В то же время глобализация в немалой степени способствовала усилению развивающихся стран: Индии, Китая, стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Началась новая индустриальная революция. На деле она привела к мгновенному перераспределению мирового ВВП. За пять лет Европа потеряла свои 1–2 %. Потери обнаружались и в США. Однако, несмотря на кризис, они происходят медленнее. Зато одновременно, словно грибы, растут новые экономические центры. Для таких смещений еще сравнительно недавно потребовалось бы более столетия.

Новая индустриальная революция превратила минеральные энергоресурсы в дорогой товар. Обострилась борьба за новые территории. Еще несколько лет назад американский социолог Э. Тоффлер, оценивая перемены в современном мире, утверждал, что основное противостояние будет пролегать в пространстве науки и технологий⁶. Он писал: «Знания сами по себе, следовательно, оказываются не только источником самой высококачественной власти, но также важнейшим компонентом силы и богатства»⁷. Если ценностью обладает только знание, почему же многие государства внезапно стали «драться» за Антарктиду, полагая, что там размещены неопределимые и пока неизвестные ресурсы? В наши дни 90 % ископаемых принадлежат государствам, на территории которых они залегают. При быстром росте мировой экономики в нее влилось около 2 млн людей. Кризис в то же время увеличил ряды безработных.

Обозначился и рост спроса на продовольствие. Достоинства аграрной стадии исторического развития, названной Тоффлером «первой волной», вновь обретают значимость. Земля, дающая продукты питания, неожиданно становится ценнейшим ресурсом. Исторические концепции, абсолютизирующие линейность социального процесса, утрачивают свою состоятельность. Оказывается, аграрная стадия развития цивилизации не является анахронизмом.

Повысилась политическая активность населения. Жители Земли, еще недавно готовые обменять свою политическую индифферентность на экономическое бла-

⁶ Тоффлер, Э. *Метаморфозы власти*. – М.: АСТ, 2001.

⁷ Там же. – С. 40.

госостояние, теперь, напротив, рвутся к политической деятельности. Появляются новые игроки, участвующие в политике. Политизация замещает былую индифферентность масс. Мир оказывается на грани новых столкновений, многим странам в новой ситуации придется бороться за элементарное выживание. Если прежде существовали политические страсти, то сегодня мы наблюдаем необузданность в сочетании с глубоким отвращением к политике.

Еще три года назад в книге «Глобализация как постидеология» З. Бжезинский отмечал, как американская мощь достигла беспрецедентного уровня. Весь мир ощущает инновационный эффект технологического динамизма. Лучшим свидетельством роли Америки в современном мире З. Бжезинский считал американскую массовую культуру, которая проникла во все уголки земного шара. Он писал о том, что повсюду ощущается притягательность многоликой и часто незатейливой американской художественной продукции⁸.

Между тем известно, как отчаянно сопротивляются американской массовой культуре хотя бы французские интеллектуалы, где контроверза американизму вызвала к жизни даже определенный духовный стиль. Французы часто и открыто заявляют, что глобализация означает гомогенизацию. Любые проявления глобализации рассматриваются через призму их совпадения с угрозой распространения американской культуры.

Официальная позиция Китая тоже отражает явственную культурологическую враждебность в отношении поддерживаемой США глобализации, противопоставляя ей собственную концепцию «азианизма».

С этой точки зрения глобализация – так, как она реализуется в современном мире, – обладает огромным разрушительным потенциалом. Речь идет не только о стирании культурно-цивилизационных особенностей различных стран, но об утрате полярностей, без которых цивилизация мертва. Такое разведение полюсов было известно человечеству издавна. Расизм как идеология несостоятелен. Он не имеет оснований для своих биологических притязаний. Но он обнаруживает идеологический соблазн, который живет в ядре каждой структурной системы. Расизм выражает право на различие. Он противоречит тотальной гомогенизации мира. Стремление же стереть расизм до полного основания обернулось тем, что он принял мимикрические формы, явился в формах эксцентричных, агрессивных. Оказалось, что различию нет разумного основания. Это обнаруживает не только расизм, но и все антирасистские и гуманистические усилия, направленные на поддержку и защиту различия. На улицах Парижа появились молодые женщины из стран Магриба, прикрытые паранджой. Различие, разнесенное по всем уголкам земного шара, вернулось к нам в неузнаваемом облике – исламистском, расистском.

Говоря о глобализации, мы вынуждены сегодня признать, что некоторые народы только делают вид, что ведут западный образ жизни, хотя на самом деле никогда до конца не принимали и втайне презирают его. Они остаются эксцентричными по отношению к этой системе ценностей. Когда они ведут переговоры с Западом, когда вступают с ним в сделку, они считают основополагающими свои собственные ритуалы. По этому поводу французский философ Жан Бодрийяр

⁸ Бжезинский, З. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Международные отношения, 2006.

пишет: «Может быть, однажды исчезнут и сами белые, так и не поняв, что их белизна есть лишь результат шокирующего сближения и смешения всех рас и всех культур, подобно тому, как белый цвет представляет собой амальгаму всех цветов»⁹.

Бодрийяр считает, что ни Марокко, ни Япония, ни ислам никогда не станут западными. Европа никогда не станет Востоком. Европа никогда не заполнит пропасть, отделяющую ее от Америки. По его мнению, могущество Японии – это всего лишь форма гостеприимства, оказываемого технике и иным разновидностям современного стиля жизни. Но оно не сопровождается ни внутренним психологическим принятием, ни глубиной. Это гостеприимство в форме вызова, а не примирения или признания.

«Культура, – пишет Ю. Хабермас, – на протяжении многих столетий в большей степени, чем другие культуры, раздираемая конфликтами между городом и деревней, между церковными и светскими властями, конкуренцией между верой и знанием, борьбой между политическими властями и антагонистическими классами, в муках постигала, как объединить различное, институционализировать противоречия, стабилизировать напряженности. А признание различий – взаимное признание другого в его инаковости – может стать отличительной чертой общей идентичности»¹⁰.

Так-то оно так. Однако не идеализирует ли Хабермас фактическую общность европейцев? Если к Западу можно отнести США, то нельзя сказать, что отвержение французами массовой культуры США служит знаком грядущего единения. В той же мере после событий в Косово не обнаружилось и общего взгляда на интеграционные процессы. Если говорить о политической практике, то, возможно, немцев и французов воспринимают сегодня как европейцев, вне национальной окраски. Однако ядро любой культуры сохраняет свою стойкость независимо от того, в какой мере сблизились политические интересы.

Мы можем говорить о том, что в европейских странах процесс секуляризации продвинулся дальше, чем в других регионах мира. Европейские граждане подозрительно относятся к нарушениям границ между политикой и религией. Европейцы имеют больше доверия к организационным достижениям государства и его способности к управлению, но скептически относятся к результативности рынка в либеральном значении. Им присуще ясное осознание «диалектики просвещения». Иначе говоря, они осознают издержки и отрицательные последствия технического прогресса.

Как же, несмотря на эти попытки «сплотить» Европу, Хабермас приходит к идее расколотости Запада? Почему логика его рассуждений приводит к противоположному результату? Надо отметить, что многие политические традиции, претендующие на авторитет как самобытные, были буквально изобретены. Что же касается европейской идентичности, то она с самого начала прошла через горнило сконструированности. Иначе говоря, она формировалась в итоге сложных противоречий и примирений. Но в этом случае можно говорить и о врожденном изъяне такой «всеядности». Разумеется, сам Хабермас в значительной мере понимает эту

⁹ Бодрийяр, Ж. Указ. соч. – С. 60.

¹⁰ Хабермас, Ю. Коварство европейской цивилизации. – М., 2008. – С. 44.

сложность проблемы. «Политическая нравственная воля, которая обнаруживает свою значимость в герменевтике процесса самопознания, – это не произвол. Выяснение различия между наследством, которое мы принимаем, и тем, от которого мы хотим отказаться, требует такой же осмотрительности, как и решение вопросов, связанных с толкованием текстов, которые мы осваиваем. Исторический опыт предлагает себя только для осознанного усвоения, он обязательно становится силой, формирующей идентичность»¹¹.

Хабермас считает, что Запад расколола не угроза международного терроризма, а политика нынешнего правительства США, игнорирующая международное право, ставящее ООН на грань кризиса и разрывающая связь с Европой. Вот, оказывается, что имеет в виду немецкий философ. Его книга пронизана антиамериканизмом. В результате американской политики разделились взгляды на мир, снизилась общая воля человечества к величественным усилиям народов достичь состояния цивилизованности. Но разве этот раскол не захватил Европу? Разве секрет, что многие европейские страны строили свою политику с оглядкой на США? Так что расколотость Запада – вовсе не региональная проблема.

Книга немецкого философа соотносится со многими вызовами современной эпохи. Любопытно, что, по его мнению, терроризм после известных событий 11 сентября приобрел новое качество. «Новацией стала символическая мощь целей, которые подверглись атаке. Террористы не просто физически низвергли самые высокие небоскребы Манхэттена, они разрушили одну из икон в иконостасе сознания американской нации»¹².

К расколотости Запада имеет отношение и феномен фундаментализма. Этим понятием обычно обозначается духовная установка, которая настаивает на политической реализации собственных убеждений и догм даже в том случае, когда они не воспринимаются (и не могут быть восприняты) как всеобщие. В трактовке этого феномена Хабермас, по сути дела, смыкается с Н. А. Бердяевым, который давал положительную оценку фундаментализму. Обычно, когда речь заходит о фундаментализме, в сознании сами собой возникают представления о чем-то архаичном, об агрессивном вторжении в социальную динамику безнадежно устаревших навыков мысли и поведения. Нередко даже высказываются опасения, что эта культурная ориентация одушевляет тоталитаризм, фашизм, экстремизм. В этом смысле понятие наделяется заведомо негативным смыслом. Оно ассоциируется с эпатажными, зачастую эксцентрическими образами патриархальности, дикости и косности. Прогрессистски ориентированное сознание легко отторгает от себя подобные канонические установки.

Ю. Хабермас трактует фундаментализм иначе. Он в его книге становится синонимом сложившихся форм жизни. Все в мире, отмечает он, выглядит по-другому, если мировой социум расколот на страны-победители и страны-потерпевшие поражение. То, что в Европе при благоприятном стечении обстоятельств можно было понять как процесс творческого разрушения, в других странах видится как бессмысленная, а в ситуации разобщенности поколений и неэффективная компенсация за боль, которую приносит распад привычных форм жизни¹³.

¹¹ Хабермас, Ю. Коварство европейской цивилизации. – С. 45.

¹² Там же. – С. 12.

¹³ Там же. – С. 17.

В книге показано, что пророческие учения, возникавшие в период осевого времени, были вплоть до наступления эпохи модерна *мировыми* религиями. «Универсализм» империй древности, периферия которых, если смотреть из центра, терялась в бесконечности, создал мировым религиям с их исключительной претензией на общезначимость адекватный фон. Сегодня приходится иметь дело с утратой всеохватывающей перспективы мира. В результате сложные жизненные отношения в плюралистическом обществе нормативно можно соединить только со *строгим* универсализмом равного внимания и уважения к каждому – будь то католик или протестант, мусульманин или еврей, индуист или буддист, верующий или атеист.

Книга Хабермаса убеждает в том, что всякая идентичность, будучи значимой и необходимой, чревата коварством. Поэтому постоянная коррекция самоотождествления оказывается важнейшей задачей философии и политики.

Каков практический смысл этих рассуждений? Дело в том, что современный мир стремительно несется к однополярности, к унификации, к уничтожению культурных и цивилизационных особенностей народов. В результате в России был рост, но не было развития. Было выстраивание вертикали, но не было отлаженных горизонтальных связей. Имеется политическое действие, но нет действующих субъектов реальной политики. Есть промышленное хозяйство, но нет экономики как реального фундамента общества.

Но и в России многие представители общественности, средств массовой информации возвышают свой голос против диктата американской культурной продукции. Конкурентов Америки американский социолог Бжезинский рассматривает под углом зрения их фатальной разъединенности. Сошла, мол, с дистанции Япония, которую одно время прочили на роль следующей сверхдержавы. Китаю, несмотря на его экономические успехи, предстоит оставаться относительно бедной страной, а тем временем его могут подстеречь серьезные политические осложнения. Россия же, по его мнению, вообще больше не участник забега.

3. Бжезинскому не откажешь в строгой экспертности. Его роль в политической и интеллектуальной жизни Америки велика. Его оценки – это кристаллизация огромного социального опыта и интеллектуальной выучки. Но иногда 3. Бжезинский невольно переходит в тональность бытовой логики, простых, житейски наглядных рассуждений. Вот он задается вопросом: почему Америка не пользуется любовью всего облагодетельствованного человечества? Отчего, обладая глобальным политическим влиянием, США в то же время не вызывают симпатии во всем мире? Ответ Бжезинского по-домашнему прост: это зависть, это обычное негодование, переходящее в ненависть.

Такая экспертиза, возможно, удовлетворила бы любознательность тех, кто рад простой ссылке на неидеальную человеческую природу. Но ведь 3. Бжезинский отдает себе отчет в том, что слепая вера американцев в собственную исключительность, имперские замашки, стремление навязать всем народам тот образ жизни, который кажется этой стране абсолютно идеальным, поучительно-проповеднический характер американской политики не могут не вызвать отрицательной реакции. Но когда автор книги начинает жаловаться на то, что традиционные соперники Америки почему-то подогревают антиамериканские настроения, тональность изложения становится просто курьезной.

Правомерно ли считать, что Россия выбыла из забега? Многие серьезные эксперты полагают, что именно мировой кризис при грамотной российской политике может содействовать неожиданному возвышению России. У нее хороший потенциал. Это и высокая образованность населения, и оборонная мощь. У нас огромная территория, которая сама по себе является нашим ресурсом. Существует мнение, что в современных условиях центром *морской* цивилизации являются США и Великобритания, центром *континентальной* – Россия. В силу ее географического положения – континентального связующего звена между Европой и Азией, Западом и Востоком – Россия выступает основой евразийской геополитической оси.

З. Бжезинский убежден в том, что если Америка отступит от своих принципов, то она утратит свое стратегическое верховенство в Евразии. Но З. Бжезинский не оценивает евразийский мир по серьезным лекалам. Он убежден в том, что временная сила Евразии – в популярности популизма. Разумеется, любой успех в политике связан с тем, насколько удастся лидеру завоевать симпатии широких масс людей. Но здесь ситуация гораздо более серьезная. Китай выдвигает себя на роль предполагаемого лидера Азии вовсе не из политиканских соображений. На Востоке действительно складывается серьезная геополитическая сила, которая будет оказывать влияние на мировую политику.

Новая роль России

Когда мы говорим об имидже современной России, мы учитываем прежде всего нынешние прогнозы мирового лидерства. Главной политической мировой силой лет через 15–20 лет станет не обязательно США. Это могут быть Китай или Индия. Таковы результаты социологического опроса, который проводился среди граждан 6 стран. При этом, согласно этому опросу, шансы России на мировое лидерство невелики. Опрос, проведенный французским институтом социологии «Harris Interactive» в США и пяти европейских странах, показал, что большинство опрошенных убеждены: в 2020 г. доминирующей силой в мире будет Китай или США.

Оценки будущего различаются в разных странах. Так, в США 40 % опрошенных ставят на Америку, 24 % – на Китай, 4 % – на объединенную Европу, по 2 % – на Индию и Японию. 1 % американцев считают, что в 2020 г. «законодателем мод» в мире будет Россия. В Великобритании 32 % ставят на США, 28 % – на Китай и лишь 4 % – на объединенную Европу. В Германии 30 % выступают за мировое господство США, 25 % – за Китай, 14 % – за Европу, пишет «Washington Profile». Большинство жителей Франции, Италии и Испании придерживаются мнения, что через 13 лет миром будет править Китай. Так считают 47 % французов, 38 % итальянцев и 45 % испанцев. Больше всего оптимистов по поводу будущего России проживает в Великобритании и Германии. По 3 % опрошенных этих европейских стран уверены, что к 2020 г. столицей мира станет Москва. Сомневающиеся в будущей мощи России живут в основном в Италии, Франции и Испании.

При этом большинство опрошенных жителей Франции, Германии, Италии и Испании считают Россию больше партнером, чем конкурентом. В США и Великобритании ситуация противоположная: здесь большая часть респондентов видит

в России прежде всего конкурента. Китай подавляющее большинство респондентов всех стран считает реальным конкурентом. И в то же время именно Китай попал на вторую (после США) позицию в списке «самых-самых». Статус супердержавы за будущей Поднебесной признали 93 % французов, 90 % американцев, по 87 % немцев и британцев, 88 % итальянцев и 86 % испанцев.

Что касается Российской Федерации, в общем зачете она получила бронзу. Причем наибольшее количество людей, уверенных в могуществе России, согласно прошлому опросу, проживает в Германии – супердержавой нашу страну назвали 88 % немцев. В Италии таких респондентов чуть меньше – 87 %. Также признают Россию влиятельной страной 85 % французов, 83 % американцев, 82 % британцев и 78 % испанцев.

По расчетам российских ученых, к 2020 г. на второе место в мире по всем показателям должен выйти Китай. Также достаточно быстро растет Индия. Речь может идти и о Бразилии, ЮАР, Японии и некоторых других странах. ЕС тоже может стать самостоятельным центром силы. Экономический потенциал Европы достаточно большой. Она тоже может оказаться на третьем месте по этому показателю, но не по политическому весу. Параллельно идет усиление нескольких государств, и надо смотреть, как будут развиваться события. Не очевидно, что Россия будет всех их опережать. Позиция первенства останется за США, – уверен эксперт, – но если сейчас они подавляют остальные страны, то к 2020 г. принципиальное отношение изменится. Они будут самыми сильными из остальных, но будут вынуждены прислушиваться к другим странам.

Россия стремится построить действительно современную и мобильную экономику. В России есть немало стабильных и надежных секторов, которые доказали самое позитивное влияние на ход развития всей мировой экономики. В первую очередь это энергетические ресурсы. Сейчас, когда нестабильность в мире напрямую отражается на мировых рынках, Россия по-прежнему остается надежным и предсказуемым партнером – поставщиком нефти и другого энергетического сырья. Мы перестали надеяться на займы, живем по средствам и находим возможность платить внешние долги. Мир становится многополярным. Все более весомой оказывается роль России в международных делах. Однако историческая миссия нашей страны реализуется недостаточно эффективно, поскольку образ России демонизирован, искажен средствами массовой информации США и других государств. Только за последние годы стало ясно, что без формирования нового имиджа России нам не удастся реализовать исторические задачи.

Всякое усиление России многие зарубежные политики воспринимают как угрозу. «Взгляните на карту, – говорил мне один иностранец, – разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своей массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?» Вряд ли можно сходу понять, откуда взята данная цитата. Она извлечена из работы Н. Я. Данилевского «Россия и Европа»¹⁴. Россия действительно обладает сегодня огромной территорией. Имперские державы прошлого, такие как Великобритания в XIX в., Китай на различных этапах своей насчитыва-

¹⁴ Данилевский, Н. Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 23.

вающей несколько тысячелетий истории, Рим на протяжении пяти столетий и многие другие имперские образования, не простирались на всю территорию Земли. Но вот в противоположность им Америка располагает беспрецедентным могуществом в глобальном масштабе. И раз США полагают себя хозяевами мира, то, несомненно, у этого стремления есть изнанка. Хочешь иметь лидерскую позицию – проводи мудрую, ответственную и эффективную внешнюю политику. Но главное – будь готов к неожиданностям, к срывам и бесконечным неудачам.

Со времени написания книги «Россия и Европа» прошло 140 лет. Однако ее основные идеи, на мой взгляд, сегодня актуальны. Данилевский размышлял о том, почему Европа не признает нас своими. Почему она видит в России и славянах вообще нечто ей чуждое? Русский философ не считал, что Запад следует рассматривать как полюс прогресса, а Азию – как полюс застоя и коснения. Он правомерно предлагал отличать степени развития от типов развития. Он искал возможности для развития цивилизации как самобытного культурно-исторического типа. «Общечеловеческой цивилизации не существует и не может существовать, потому что эта была только невозможная и вовсе нежелательная неполнота. Всечеловеческой цивилизации, к которой можно было бы примкнуть, также не существует и не может существовать, потому что это недостижимый идеал, или, лучше сказать, идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразною деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем»¹⁵.

Каковы перспективы России в изменяющемся мире? Как воспринимается сегодня ее нынешний имидж? Зарубежные эксперты все еще признают, что В. В. Путину удалось вернуть Россию в число держав, которые оказывают влияние на ход мировых событий. Россия находится в самом начале своего нового имперского цикла. Вместе с тем наша страна не видит необходимости навязывать свою волю и свои ценности остальному человечеству. Россию сегодня заботят внутренние проблемы. У нее нет оснований претендовать на роль абсолютного мирового лидера, как это характерно для США.

Глобализация обладает поразительной индифферентностью, когда речь идет о нациях. Она настойчиво стимулирует потребность в сырье, рабочей силе и квалифицированном менеджменте. Кто работает на предприятии – индус или бразилец, кто руководит фирмой – мусульманин или дзен-буддист, ей безразлично. Все остальные культурные особенности она воспринимает как анахронизм. «Более того, – пишет А. Столяров, – глобальной экономике не требуется и сама Россия. Гораздо эффективнее был бы конгломерат крупных экономических латифундий, специализированных корпораций, напрямую включенных в мировое экономическое пространство. Причем внутри корпорации вполне может поддерживаться декоративная русскость. Как японские служащие поют хором гимн фирме, с которой они заключили долгосрочный контракт, так русские служащие или рабочие могут, если потребуется, иметь национальный дресс-код: ходить в лаптях, с бородами, подпоясанные веревкой, есть в столовой щи, кашу, пить сбитень (сваренный ма-

¹⁵ Данилевский, Н. Я. Указ соч. – С. 124.

лайцами из банановой кожуры), участвовать в коллективных молениях по православным обрядам»¹⁶.

В таком контексте стремление России занять достойное место в изменяющемся мире требует создания нового имиджа страны. В мировом общественном сознании наша держава воспринимается через призму давно устаревших стереотипов. Новый образ России не возникнет стихийно, сам по себе. В этом отношении нужны серьезные усилия – экономические, политические, психологические, социальные.

¹⁶ Столяров, А. Моральный бренд // Литературная газета. – 2009. – № 12–13. – С. 4.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

АЛЕКСАНДР БОГДАНОВ. НА ПУТИ ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО МИРОВИДЕНИЯ

В. В. Попков

Об Александре Александровиче Богданове (1873–1928) знают что-то и помнят очень немногие. Это закономерно, но несправедливо. Закономерно, потому что память всегда проигрывает времени. Несправедливо, потому что на личность и идеи Богданова, попавшие в жернова политической борьбы начала XX в., на долгие десятилетия лег камень забвения. Богданов был вице-лидером партии большевиков, но еще до октябрьского переворота 1917 г. лишился всех партийных постов. Эмпириомонизм – оригинальная и глубокая философская концепция Богданова, идеи которой намного опередили свое время – был не понят как соратниками по партии, принявшими на веру предвзятую критику Ленина, так и учеными, которых отпугивала неакадемичность изложения и аргументы из различных отраслей знания: биологии, психологии, физики, термодинамики, лингвистики – всего того, что сегодня называется междисциплинарными исследованиями. «Тектология: Всеобщая организационная наука»¹ – произведение наиболее оригинальное, наиболее зрелое, ставившее своей целью разбить схоластическую замкнутость специальных наук, связать отдельные частные методы единством универсальной методологии познания, – также натолкнулось на сопротивление со стороны ученых, проникнутых привычной психологией научной специализации. Крупный специалист в области *экономической науки* – автор популярных учебников по экономике и капитального «Курса политической экономии», обосновавший методы народнохозяйственного планирования на основе теории динамического экономического равновесия и межотраслевого баланса, – вынужден был замолчать в годы начала насильственных преобразований в экономике. Недолгое время работы Богданова в Пролеткульте снискало ему недобрую славу хулителя культурного наследия прошлого. На него обрушился шквал тенденциозной критики, а осенью 1923 г. последовал арест. Хотя вскоре Богданова по личному распоряжению Дзержинского выпустили, политически он был скомпрометирован и многие от него отвернулись. С 1918 по 1923 г. Богданов был инициатором создания Социалистической Академии, членом президиума которой оставался до своей смерти. После выхода Богданова из организации Пролеткульта областью его интересов и деятельности вновь стали естественные науки и медицина. В 1926 г. он организовал первый в Советском Союзе Институт переливания крови, где проводил риско-

¹ Богданов, А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003.

ванные опыты на себе. Двенадцатый эксперимент закончился трагически – тяжелой болезнью почек и смертью, которая последовала 7 апреля 1928 г. Богданов был похоронен на Новодевичьем кладбище.

Масштаб этой личности хорошо осознавали его именитые современники: Ленин, Сталин, Бухарин, Горький, Луначарский, Базаров и другие. Бухарин в своей речи, посвященной памяти Богданова, так охарактеризовал его личность: «Богданов с одинаковой свободой парил на высотах философской абстракции и давал конкретные формулировки теории кризисов. Естественные науки, математика, общественные науки имели в нем настоящего знатока, и он мог выдерживать бои во всех этих областях, как “свой человек” в любой из этих сфер человеческого знания. От теории шаровидной молнии и анализа крови до попыток широчайших обобщений “Тектологии” – таков радиус познавательных интересов Богданова. Экономист, социолог, биолог, математик, философ, врач, революционер, наконец, автор прекрасной “Красной Звезды” – это во всех отношениях совершенно исключительная фигура, выдвинутая историей нашей общественной мысли. Ошибки Богданова вряд ли когда-нибудь воскреснут. Но история, несомненно, отсеет и отберет то ценное, что было у Богданова...» Но историю делают и пишут люди, и не вина Богданова в том, что и после его смерти всеобъемлющая критика его взглядов становится для властей СССР чем-то вроде *idée fixe*. Вместе с уже ставшей традиционной критикой мыслителя в русле опровержения Богданова Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм» набирает темпы и другое направление – историография борьбы коммунистической партии с «богдановщиной». Но теперь продолжающееся преследование идей Богданова имело в виду уже иные фигуры, оказавшиеся в поле зрения Сталина как потенциально опасные для проведения его курса укрепления личной власти и построения социализма в отдельно взятой стране. Сталин 27 декабря 1929 г. на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в докладе «К вопросам аграрной политики в СССР» указывал: «Не подходит также к делу трактовка Базарова и Громана² баланса народного хозяйства. Схему баланса народного хозяйства СССР должны выработать революционные марксисты, если они вообще хотят заниматься разработкой вопросов экономики переходного периода». Летом 1930 г. ОГПУ провело аресты крупных специалистов центральных хозяйственных ведомств. Среди них были: профессор Н. Д. Кондратьев – создатель знаменитой теории длинных волн конъюнктуры, руководитель Института Конъюнктуры Наркомата финансов; профессора Н. П. Макаров и А. В. Чаянов – видные теоретики и практики кооперативного движения, занимавшие также высокие должности в Наркомате земледелия РСФСР; профессор Л. Н. Юровский, член коллегии Наркомата финансов; опытные ученые-экономисты В. Г. Громан и В. А. Базаров, работавшие в Госплане и ЦСУ СССР. Все они хорошо знали Богданова, ценили и использовали его идеи. Все они были репрессированы, как и Н. Бухарин, который за протест против «сверхиндустриализации» и «размычки» между промышленным городом и крестьянской деревней поплатился руководящими постами (а позднее и жизнью) по обвинению, в частности, в том, что он «правый уклонист» и «не диалектик, а богдановец».

² В. Г. Громан и В. А. Базаров в 1920-е гг. – известные ученые-экономисты. В 1926 г. предложили метод планирования и оценки государственной экономики, основанный на «тектологических» принципах, которые были признаны «антимарксистскими».

В зловещем 1937 г. выходит монография Щеглова – фундаментальное исследование философии и социологии Богданова и борьбы с ними Ленина и Сталина³. Богдановские философские и социологические концепции объявляются источником всяческих зол: как меньшевистских течений (богостроительства, бойкотизма, отзовизма), так и буржуазных экономических реставраторских теорий (Кондратьев, Чайнов), контрреволюционного троцкизма и правой оппозиции (Бухарин, Рыков). Большая советская энциклопедия закрепляла в сознании советских людей штампованные вердикты: «...богдановский “закон трудовых затрат” был использован врагом народа Бухариным для “обоснования” капитулянтской “теории равновесия секторов” в советской экономике, сохранения в народном хозяйстве СССР старых пропорций, бывших при капитализме, что являлось идеологическим прикрытием контрреволюционной деятельности правотроцкистских реставраторов капитализма»⁴.

В чем же причина столь яростной критики идей Богданова, почему его имя так упорно связывалось с враждебными марксизму воззрениями в политике, экономике, социологии, культуре, психологии? Как могли идеи одного человека распространиться на столь различные отрасли человеческой деятельности? Ответ на эти вопросы надо искать в мировоззрении Богданова. Уже в 25 лет (в 1898 г.) он создает свою первую философскую работу – «Основные элементы исторического взгляда на природу. Природа. Жизнь. Психика. Общество»⁵. В начале XX в. Богданов, неутомимый искатель и блестящий эрудит, не мог не быть захвачен атмосферой «одного из самых романтических периодов в развитии человеческого знания... когда даже химические элементы перестали казаться неизменными, а материки неподвижными», когда выяснилось, «что взрывы, полные игры, таят томсоновые вихри, и что огромные миры в атомных силах не утихли», когда открылись удивительные и тревожные перспективы радиоактивности, набрала силу физическая химия, разгорелся горячий спор о каналах на Марсе и прозвучали вещие слова Циолковского об «исследовании мировых пространств реактивными приборами». Оказавшись в этом пространстве идей «всеобщей динамизации и торжества эволюционного принципа», Богданов ставит перед собой задачу: найти познавательные формы, «бесконечно широкие и прочные, но и бесконечно пластичные, чтобы охватить все разнообразие беспредельно прогрессирующей жизни»⁶. В 1906 г. завершается издание его центральной работы – «Эмпириомонизм. Статьи по философии», содержащей оригинальную концепцию «организационной философии»⁷. Богданов к этому времени – признанный специалист по новейшей философии естествознания: русские издания книг Э. Маха «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1907) и М. Ферворна «Вопрос о границах познания» (1909) выходят с его предисловиями. Тогда же он читает в Женеве цикл лекций «Картина мира».

«Познать свое познание, объяснить свое мировоззрение <...> на почве социально-генетического исследования» – вот как обрисовал свою задачу автор «Эм-

³ Щеглов, А. Борьба Ленина с богдановской ревизией марксизма. – М., 1937.

⁴ БСЭ. – 2-е изд. – 1950. – Т. 5. – С. 343–344.

⁵ Богданов, А. А. Основные элементы исторического взгляда на природу. – СПб., 1899.

⁶ Гловели, Г. Г., Фигуровская, Н. К. Трагедия коллективиста / А. А. Богданов // Вопросы социализма: Работы разных лет. – М., 1990.

⁷ Богданов, А. А. Эмпириомонизм. Кн. III. – М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1906.

пириомонизма». И далее: «Было очевидно, что основные понятия старого материализма – и “материя”, и “неизменные законы” – выработаны в ходе социального развития человечества, и для них, как “идеологических форм”, надо было найти “материальный базис”. Но так как “материальный базис” имеет свойство изменяться с развитием общества, то становится ясным, что всякие данные идеологические формы могут иметь лишь исторически-преходящее, но не объективно – надисторическое значение, могут быть “истиной времени” (объективной истиной, но только в пределах известной эпохи), – а ни в коем случае не “истиной на вечные времена” (“объективной” в абсолютном значении слова)»⁸. Одного этого было бы достаточно, чтобы объявить автора «Эмпириомонизма» в ревизии марксистской теории. В противоположность материализму Плеханова – Ленина «эмпириомонизм» не признает трансцендентной границы между миром как он существует сам по себе и нашим познанием мира. Бытие «в себе» и бытие «для нас» в своих основных элементах и их простейших сочетаниях тождественны; мы воспринимаем реальные, действительные свойства вещей, а не их отражения, не их более или менее искаженные копии. Автор «Эмпириомонизма» не видит необходимости допускать, что показания наших чувств дают нам искаженные или, как выражается Плеханов, «иероглифические» отображения реальных свойств вещей; и сама идея нумерического удвоения мира, распадаения его на «внешние» реальности и их отражения «в нас» представляется Богданову внутренне несостоятельной, противоречивой. В действительности мы видим, осязаем и вообще воспринимаем свойства «вещей» не «в нас», а вне нас, вне нашего тела, в тех самых пунктах пространства, где должны находиться и сами воспринимаемые вещи. Локализация ощущений «в нас» – не данные опыта, а теория, и притом теория, по мнению Богданова, неудачная. Объективные реальности, или по крайней мере их простейшие составные части, их «элементы» существуют «в себе» совершенно так же, как мы их воспринимаем, – причем в одном сочетании, в одной связи комплексы этих элементов образуют физическое тело, а в другой связи – явления нашего сознания. Плеханов, философский авторитет которого в те времена был очень высоким в глазах подавляющего большинства русских революционных марксистов, сразу же отметил принципиальные расхождения между своим пониманием учения Маркса и той интерпретацией, которую дал историческому материализму А. Богданов. А так как Богданов с большой настойчивостью продолжал развивать в печати свою концепцию марксизма, Плеханов вступил с ним в полемику, принимавшую все более и более резкие формы. «Неортодоксальность» Богданова также вызывала у Ленина «известную досаду», однако в то время еще не мешала их единству в проведении отчетливой революционной позиции в политике. Богданов был в гуще революционных событий 1905 г.: представитель ЦК партии в Исполкоме Петербургского Совета рабочих депутатов, руководитель (вместе с Л. Красиным) большевистской военно-технической группы, автор многих прокламаций и «летучих листов» ЦК РСДРП. После разгрома Первой русской революции Богданов, как и другие видные революционеры, эмигрировал за границу и продолжал некоторое, весьма непродолжительное, время работать вместе с Лениным. Но вскоре их пути навсегда разошлись. И причиной этого стали не просто идейные разногласия о дальнейших путях развития марксизма и перспектив революции. Пока шли революционные бои, соратникам было не до идейных разногласий, но в горстке профессио-

⁸ Богданов, А. А. Эмпириомонизм. – Кн. III. – С. 3–4.

нальных революционеров, оказавшихся в изгнании после поражения революции, быстро выяснилось, что у двух интеллектуальных лидеров РСДРП – Ленина и Богданова – были совершенно разные воззрения по поводу социализма. У ученого и революционера Богданова русло идейной эволюции пролегалo между наукой и социализмом, в то время как для революционера и политика до мозга костей Ленина главными были власть и социализм. Богданов нащупал отдельные нити к «организационному подходу», сложившемуся впоследствии в стройную систему тектологии, обобщившей интегративные тенденции в естественно-научном и социальном познании к 1910 г. В основе тектологии лежит понятие организации. Элементами организации могут быть всевозможные «активности-сопротивления», начиная с таких сложнейших процессов, как психофизиологические усилия сознательно и планомерно трудящихся людей, и кончая элементарными квантами физической энергии в световых вибрациях. Включение в состав комплекса психических составляющих – а по существу духа, мысли – полностью противоречило марксистской теории, в которой между материей и духом пролегает бездонная пропасть и последнему дозволяется лишь отражать материю. Ленин, будучи официальным лидером партии, не мог допустить подрыва основ ортодоксальной марксистской теории. В мае 1909 г. в издательстве «Зерно» выходит первый и последний философский труд Вл. Ильина (псевдоним Ленина в то время) «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии», где он со всей своей политической страстью и неумолимой логикой схоластика-правоведа обрушивается на всех представителей монистического эмпирического знания, имея в виду главной целью Богданова и сочувствующих ему Горького, Луначарского, Базарова, Скворцова-Степанова и других. Богданов с его научной щепетильностью и максимализмом личности не мог не ответить на яростную критику Ленина. И этот ответ был дан в ярком философском памфлете Богданова «Вера и наука (о книге В. Ильина “Материализм и эмпириокритицизм”)⁹. На многих примерах Богданов показывает, что за внешним фасадом якобы глубочайшей учености Ленина на самом деле скрывается невежество или намеренное искажение научных фактов; вместо научной критики используется навешивание ярлыков на оппонентов как философских реакционеров и вместо провозглашенной цели борьбы со старым просматривается самая злая ненависть ко всем различным новшествам. Особое впечатление производит замечание Богданова, сделанное в одной из сносок: «Особенно недопустимой представляется ссылка на десяток различных рефератов Богданова, ссылка, которую не может точно проверить никто из тех, кто не слышал самих рефератов. Дело в том, что ни на одном из них он (Ильин) не был; не был даже на том, на который был специально приглашен, – на полемическом реферате по поводу разбираемой книги В. Ильина»¹⁰. Всякий, кто прочитает «Веру и науку», поймет, что Ленин никогда бы не согласился сойтись в публичной полемике с Богдановым по поводу «Материализма и эмпириокритицизма», так как он прекрасно понимал, что ему не выстоять против уничтожающей критики Богданова. А этого себе будущий вождь мирового пролетариата позволить не мог. «Вера и наука» Богданова не дошла до сознания широких коммунистических масс (впрочем, эту работу и сейчас мало кто знает), а «Материа-

⁹ Богданов, А. А. Вера и наука // Вопросы философии. – 1991. – № 12 (работа Богданова опубликована в журнале в сокращенном варианте. – В. П.).

¹⁰ Он же. Вера и наука (о книге В. Ильина «Материализм и эмпириокритицизм»). – М.: Изд-е С. Дороватовского и А. Чарушникова, 1910. – С. 221.

лизм и эмпириокритицизм» на долгие годы вошел в анналы философской мысли ленинизма и стал катехизисом философской мысли большевиков. Ученый Богданов, как это часто бывает, проиграл политику Ленину. Вскоре последовали оргвыводы: на «объединительном» пленуме ЦК РСДРП (январь 1910 г.) Богданов был выведен из ЦК партии. В 1911 г. Богданов отошел от революционного движения и целиком посвятил себя философским и общественно-теоретическим трудам. В 1913 г. он возвратился в Россию. С началом Первой мировой войны его призвали в армию, где он служил полковым врачом во время трагического похода генерала Самсонова. В этом походе он был представлен к награде за храбрость, за то, что под огнем переправил колонну раненых в безопасное место. После Октября 1917 г. и вплоть до 1922 г. Богданов посвящал себя дальнейшему развитию своего главного научного труда – второму тому «Тектологии». Он последовательно придерживался своих прежних взглядов и стал широко известен из-за своего критического отношения к событиям послереволюционной России. В докладах в Социалистической Академии в начале 20-х гг., обосновывающих развитие от буржуазной философии к социалистической организационной науке, Богданов продолжал критику статического понятия «материи» у Плеханова и Ленина¹¹ и был твердо убежден в том, что пролетариат на Западе, как и в России, не имеет достаточно высокой сознательности, чтобы выполнять роль субъекта революции¹². Богданов трезво квалифицировал военный коммунизм как недемократический по своей организационной структуре и уравнивающий нищету, что не имеет ничего общего с социализмом¹³.

Хотя некоторые из работ Богданова еще при его жизни были переведены на немецкий и английский языки и изданы за рубежом¹⁴, настоящее признание как политик и ученый Богданов получил только спустя десятилетия. В СССР «оттепель» 1960-х гг. открыла возможности для советских авторов пересмотреть отношение к тектологии и ее оценке как первой фундаментальной разработке общенаучного круга проблем организации, управления и развития сложных системных объектов. Начало положил М. Сетров¹⁵, отметивший, в частности, что Богданов в понятии «бирегулятора» не только фактически сформулировал принцип обратной связи, но и иллюстрировал его теми же примерами, что и один из основателей кибернетики У. Эшби. Предвосхищение Богдановым «общей теории систем» отмечали специалисты ВНИИ системных исследований И. Блауберг, В. Садовский и Э. Юдин¹⁶. В 1972 г. академик А. Тахтаджян в обширной статье¹⁷ изложил основные идеи тектологии, сравнил ее с общей теорией систем Л. фон Берталанфи (в пользу А. А. Богданова) и обогатил новыми категориями, установленными биологической систематикой, теорией эволюции и кибернетикой. Между тектологией

¹¹ От философии к организационной науке. 1922 г. // Неизвестный Богданов / ред. Г. А. Бордюгов. – М.: ИЦ «АИРО–XX», 1995. – Кн. 1. – С. 110–119.

¹² Доклад «Мировая война и революция». Апрель 1921 г. // Неизвестный Богданов. – Кн. 1. – С. 92–107.

¹³ Новейшие прообразы коллективистического строя. 1918 г. // Неизвестный Богданов. Кн. 1. – С. 81–92.

¹⁴ Bogdanov, A. Allgemeine Organisationslehre. Tektologie. Bd. I. – Berlin, 1926. – S. 77; Bogdanov, A. Filozofija zivogo opyta. – Peterburg, 1913. – S. 198 ff, bzw hier Dok. 35, Brief an D. I. Oparin.

¹⁵ Сетров, М. И. Принцип системности и его основные понятия // Проблемы теории и методологии системного исследования. – М.: Мысль, 1970.

¹⁶ Блауберг, И. В., Садовский, В. Н., Юдин, Э. Г. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности. – М., 1969.

¹⁷ Тахтаджян, А. Л. Тектология: история и проблемы // Системные исследования. Ежегодник, 1971. – М.: Наука, 1972.

и общей теорией систем Берталанфи так много общего, что невольно возникает мысль о прямом влиянии Богданова, тем более что немецкий перевод двух томов «Всеобщей организационной науки» был издан в Берлине в 1926 г. и, по словам академика А. Л. Тахтаджяна, Берталанфи был с ней знаком¹⁸. В середине 1960-х гг. на Западе также началась интенсивная полемика по поводу работ Богданова среди историков, которая в основном концентрировалась на разногласиях между Богдановым и Лениным в области философии и партийной политики¹⁹. Культурная революция в Китае с ее Коммунистическими претензиями, осознанно направленными против Советского Союза, обратила взоры западных исследователей, прежде всего левых, к ситуации в СССР. Интерес к вопросу, насколько очевидные недостатки советского общественного строя могут быть объяснены специфическими условиями Октябрьской революции или же они развились вследствие ошибочных действий политического руководства, стимулировал интенсивное изучение истории русской революции, сталкивающихся в ней классовых противоречий. Особое внимание уделялось анализу общих экономических условий и правомерности конкретных политических шагов правящей партии. В этом контексте рассматривались и политические решения в области культурной политики, дополнительно исследовалось отношение Ленина и коммунистической партии к Пролеткульту и позициям Богданова относительно политики в области культуры. Позднее, в 80-е гг., Богданов получил признание за свои заслуги в развитии общей теории систем. Его основной труд «Тектология» оценивался Ю. А. Урманцевым как шаг к созданию кибернетики²⁰. На Западе наибольший энтузиазм в отношении к «Тектологии» проявил переводчик ее сжатого варианта на английский язык – «Essays in Tektology» – профессор Дж. Горелик²¹. В предисловии к этому изданию и в ряде статей Горелик в сопоставлении с кибернетикой и ОТС показал значение концепции Богданова как исторически первого развернутого и наиболее широкого варианта общей теории систем²². Известный системолог М. Зелены (США), занимаясь изучением «потерянных парадигм» системного анализа, посвятил в «Международном журнале по системным обобщениям» статьи о кибернетике Б. Трентовского, концепции «осмотического роста» С. Ледюка и «Тектологии». Тектологическую картину дополнительных соотношений между биосферой и другими оболочками Земли М. Зелены расценил как предвосхищение формулировки «гипотезы Гея» Дж. Лавлока, завоевавшей популярность в последней четверти XX в.²³ В 1998 г. событием стало издание в Великобритании двухтомника²⁴, посвященного обзору работ А. Богданова как основоположника системных исследований в России, и комментарии к его обширной библиографии на русском и иностранном языках²⁵. Данное изда-

¹⁸ Тахтаджян, А. Л. Слово о тектологии // Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://www.bogdinst.ru/HTML/Bogdanov/Tektology/AboutTektology.htm>

¹⁹ Горцка, Г. Предисловие // Неизвестный Богданов. – Кн. 1. – С. 3–8.

²⁰ Урманцев, Ю. А. Тектология и общая теория систем // Вопросы философии. – 1995. – № 8.

²¹ Bogdanov, A. *Essays in Tektology* // *The General Science of Organization* / transl. by G. Gorelik. – Seaside, California: Intersystems Publications, 1980.

²² Gorelik, G. Bogdanov's Tektologiya, General Systems Theory and Cybernetics // *Cybernetics and Systems. An International Journal*. – 1987. – № 18.

²³ Zeleny, M. Tektologiya // *International Journal of General Systems*. – 1988. – Vol. 14.

²⁴ Alexander Bogdanov and Origins of Systems Thinking in Russia / Ed. by J. Biggart, P. Dudley, F. King. – Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 1998.

²⁵ Biggart, J., Glovelly, G., Yassour, A. *Bogdanov and his Work*. – Aldershot: Ashgate Publishing, 1998.

ние было осуществлено на основе двух международных конференций, в которых приняли участие иностранные и российские специалисты, занимающиеся в тех или иных аспектах разработкой идей Богданова. В СССР в 1989 г. после 60-летнего перерыва переиздается «Тектология» (в двух томах, под редакцией академика Л. И. Абалкина)²⁶, а в 2003 г. к 130-летию со дня рождения Богданова выходит новое, дополненное ранее неизвестными произведениями издание «Тектологии»²⁷. В том же году через более чем девяносто лет после выхода в свет первых книг «Эмпириомонизма» было издано современное издание под редакцией и со вступительной статьей В. Садовского. В 1999 г. Российским философским обществом и рядом ученых из Москвы и Екатеринбурга был учрежден Международный институт Александра Богданова²⁸. В 2003 г. институтами философии и экономики РАН при участии МИАБ была проведена Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения А. Богданова, изданы труды²⁹.

Концепция Богданова развивалась, с одной стороны, как определенная дифференциация философии, а с другой стороны, как интеграция специальных наук. Богданов интегрировал в свои тектологические обобщения агрономический «закон минимума» Либиха, закон подвижного равновесия Ле-Шателье, принцип относительности Маха, энергетизм Оствальда, биологический закон подбора, психологические законы Вебера – Фехнера и «послойного разрушения» Рибо, социологическое разграничение статики и динамики, а также экономическую категорию кризисов. К этому списку следует добавить законы И. Ньютона, принципы интеграции и дифференциации Г. Спенсера, его же идеи подвижного равновесия и наименьшего сопротивления, принцип непрерывности А. Пуанкаре, учение об аналогиях М. Петровича. Энциклопедичность и огромную эрудицию Богданова отмечали многие его современники. В частности, об этом свидетельствуют и записные книжки Богданова, в которых зафиксирована «проработка огромного массива научной литературы»³⁰. Еще во время работы над «Тектологией» Богданов пришел к убеждению, от которого он не отказался до конца жизни: всеобщую организационную теорию можно построить *только как науку, а не как философскую концепцию*. Более того, он сформулировал утверждение о *конце философии*, зачеркнув тем самым свой огромный труд по созданию эмпириомонизма. В статье «От философии к организационной науке»³¹ Богданов утверждает, что «эмпириомонизм – организационная философия – есть только этап на пути к организационной науке», и как только основы этой науки получили четкие очертания, «с этого времени философия как таковая потеряла для меня реальный интерес: она – временное и несовершенное объединение опыта, которое должно уступить место высшему научному его единству»³². Философию можно определить как бесконеч-

²⁶ Богданов, А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2 т. – М.: Экономика, 1989.

²⁷ Он же. Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003.

²⁸ АНО «Международный институт Александра Богданова» (МИАБ) // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.bogdinst.ru

²⁹ Материалы Международной научной конференции «Организационная динамика человеческой деятельности: экономика, философия, культура». 29.06.2003 / под ред. В. В. Ванчугова. – М.: ООО «Формула цвета», 2003.

³⁰ Гловели, Г. Д. Тектология: генеалогия и историография / А. А. Богданов // Тектология: Всеобщая организационная наука. – М.: Финансы, 2003. – С. 5.

³¹ Богданов, А. А. От философии к организационной науке // Вопросы философии. – 2003. – № 1.

³² Он же. Тектология: Всеобщая организационная наука. – С. 117.

ный поток вопросов. Именно так ее практиковал Сократ. Великие философы прошлого, непрерывно задавая вопросы, пришли к попытке думать о целом как о целом. Если наука заключается в решении вопросов, которые можно решить с помощью консенсуса (координации социально-организованного опыта в терминологии Богданова), а не путем постановки новых вопросов, то философия – это действительно не наука, а ее стимулятор. Линия раздела, однако, нечеткая. Основной прогресс в науке часто, даже, может быть, всегда, зависит от успешной постановки вопроса, который не возникал раньше; основной научный прогресс, следовательно, является отпрыском науки и философии. Научное развитие в любом обществе зависит, по мнению Вейцеккера³³, от продвижения структурных наук, в которых метод абстрагирования от индивидуальных случаев – требование универсальных законов – достиг наиболее развитой формы. Физик может использовать ту же математику, что биолог или экономист. Науки сегодня структурируются вдоль математических линий, и наиболее быстрые и эффективные изменения происходят именно в структурных науках. Среди структурных наук следует выделить не только чистую и прикладную математику, но также такие науки, как системный анализ, информационная теория, кибернетика и теория игр. Эти дисциплины составляют так называемую математику событий, развертывающихся во времени: события, планируемые и контролируемые человеком; события, управляемые структурами, которые действуют как будто по плану; другие события, подчиняющиеся законам вероятности. То есть эти науки составляют структурные теории изменений, происходящих со временем. Их наиболее важным инструментом является компьютер, а компьютерная теория сама относится к структурным наукам. На наш взгляд, создание «Тектологии» является первой и неординарной попыткой представить философскую концепцию в качестве структурной науки. Но как компьютер не может заменить творческое мышление человека, генерировать все новые вопросы и искать на них ответы, так и тектология не может заменить *особые функции философии*, в частности связанные с необходимостью построения обобщенного, монистического взгляда на мир, человека и его познание. Известно, что структурные науки особенно подвержены критике и проверке временем. Новый уровень знания, который возникает благодаря им, дает нам возможность планировать будущие события. Но научная истина всегда приходит с сопутствующими ей невидимыми заблуждениями. И структурные науки могут склонить нас к опасной иллюзии, что реальность – это структура, которой можно управлять и которую можно контролировать. Но чтобы четко представлять себе нашу ситуацию, мы должны научиться следить одним глазом за теоретическими структурами науки, а другим – за реальностью, окружающей нас. Идеи мыслителя Богданова как раз отличаются тем необыкновенным свойством, что даже там, где в контексте своего исторического времени они казались заблуждением, подвергались резкой критике, впоследствии они оказывались соответствующими реальности. Например, в эмпириомонизме чисто философской его частью, не поддающейся практической проверке, является учение о «непосредственных комплексах» и их связи с нашим опытом – субъективным, или «индивидуально организованным» (психика) – или опытом объективным, или социально организованным (социальная практика). В завершенном синтезе «социально организованного опыта», по мнению Богдано-

³³ Weizsäcker, C. F. von. The Unity of Nature. – N. Y.: Farrar Straus Giroux, 1980.

ва, теряет свой смысл и само противопоставление физического и психического. Опыт, организованный индивидуально, входит в систему опыта, организованного социально, как его нераздельная часть и перестает составлять особый мир для познания. Взаимодействие между различными психиками, общение между людьми осуществляется, по Богданову, посредством «всеобщей подстановки», то есть посредством подстановки психических комплексов, известных нам из личного опыта, под те физические изменения, которые мы непосредственно наблюдаем у других людей. Отрицая, таким образом, непосредственное восприятие данным индивидуальным сознанием переживаний других сознательных существ, эмпириомонизм, тем не менее, не вырывает между отдельными сознаниями той пропасти, какая постулируется идеалистической философией со времен монадологии Лейбница. По Богданову, познание чужой психики является хотя и опосредствованным, но вместе с тем совершенно реальным взаимодействием и тем точнее воспроизводит свой объект, чем ближе по своей организации воспринимающая психика к воспринимаемой. При полном тождестве организации имело бы место вполне адекватное познание чужих переживаний. В споре со своими противниками Богданов не мог апеллировать к действительности и вынужден был ограничиться чисто логической аргументацией, – он доказывал, что его монистический реализм есть наиболее простая и познавательная целесообразная из всех мыслимых материалистических концепций. Эти воззрения Богданова всегда подвергались критике, и только с появлением в 80-х гг. прошлого века работ чилийских нейрофизиологов У. Матураны и Ф. Варелы³⁴, которые иногда называют «нейрофизиологическим вариантом эволюционной эпистемологии», становится ясным, как далеко смотрел мыслитель Богданов. Их позиция, подтвержденная нейрофизиологическими экспериментами, заключается в понимании жизни и познания как двух сторон одного и того же процесса. Живые системы – это когнитивные системы, а жизнь как процесс представляет собой процесс познания. Это утверждение действительно для всех организмов, как располагающих нервной системой, так и не располагающих ею. Нервная система не обрабатывает информацию из внешнего мира, но, наоборот, *творит некий мир* в процессе познания. Познание есть не отображение независимого, предопределенного мира, но сотворение нового мира. Конкретным организмом в процессе его жизнедеятельности создается не мир *вообще*, а некий *конкретный* мир, всегда обусловленный структурой организма. Способы, которые мы используем для структурного сопряжения с окружающей средой, и, следовательно, мир, который мы творим, зависят от нашей собственной структуры. *Общение*, согласно Матуране, – это не процесс передачи информации, а координация поведения живых организмов посредством их взаимного структурного сопряжения. Общение, в сущности, есть координация поведения. «Тот мир, который каждый из нас видит, – пишут Матурана и Варела, – не есть *определенный* мир, но *некий* мир, который мы создаем вместе с другими». То, что Богданов понимал это еще в 1925 г., подтверждается его словами: «Неустранимо то, что человек смотрит со своей точки зрения, оперирует своими методами. Но в каком смысле все это “свое” для него? Сам он принадлежит коллективу – классу, социальной группе, либо нескольким таким коллективам, жизнь которых в разной мере и сте-

³⁴ Матурана, У., Варела, Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю. А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001.

пени дала содержание его практической деятельности и его мышлению. Личность не более чем маленький центр приложения социальных сил, один из бесчисленных пунктов их перекреста. Ее точка зрения и способ понимания принадлежит ей в том только смысле, что в ней находят свое воплощение и выражение; было бы правильнее сказать, что личность принадлежит им, а не наоборот. И они могут быть объективны»³⁵.

Избрав в тектологии организационную точку зрения в качестве структурной координатной сети, Богданов поместил наблюдателя в центр динамического процесса взаимодействия и ввел в научный оборот целую палитру двойственных понятий: активность – сопротивление, ассимиляция – дезассимиляция, конъюгация – дизъюнкция, ингрессия – дезингрессия и другие. Заслуга Богданова состоит в том, что у него данные понятия являются не логическими антиномиями, а рабочими инструментами, позволяющими растягивать вербальную односторонность языка (следовательно, и мышления) для работы в системе не двузначной логики, где существуют отдельно только «активности» или только «сопротивления», а в системе логики с переменным центром (двоецентрия), где есть единое понятие: «активность – сопротивление»³⁶. На многих примерах с использованием исторического и логического анализов он убедительно показывает, что и на атомном уровне, и в галактическом пространстве, а также в таинственном мире человеческой психики и мышления действуют одни и те же организационные законы соединения – разъединения внутри единого целого, поддержания этого целого в динамическом равновесии с остальным миром и перемещения его по циклической траектории развития. Известно, что самопроизвольное разупорядочение – один из фундаментальных законов физики. Первоначально он был сформулирован для теории тепловых машин как второй закон термодинамики. Мерой разупорядочения является энтропия. Энтропия любого самопроизвольно протекающего процесса возрастает, то есть в любом месте пространства, которое оставлено без ухода, нарастает беспорядок. Но может ли так же самопроизвольно нарастать порядок? Может, если он тесно сцеплен, сопряжен с нарастанием беспорядка. Однако отдельные эпизоды упорядочения не объясняют эволюцию. Для того, чтобы упорядочение было неизбежным, эти реакции должны носить линейный и стационарный характер. Такие выводы основаны на теории неравновесной термодинамики, разработанной Ильей Пригожиным³⁷. В настоящее время концепция упорядочения, возникающего наряду с разупорядочением, стала парадигмой современного естествознания и отчасти философии, но в начале прошлого века идея Богданова о динамическом характере взаимодействия двойственных друг другу процессов организации и дезорганизации как источнике и механизме движения материи была поистине революционной. Можно было бы продолжить список удивительных прозрений Богданова, надолго опередивших свое время (идеи об эквивалентности массы и энергии, о двойственной природе электрона, об ограничениях специальной теории относительности и многом другом), но укажем еще только на роман-утопию *Красная звезда* (1908). Он явился не только крупной вехой в истории утопического жанра, но

³⁵ Воспоминания о детстве. 28 апреля 1925 г. // Неизвестный Богданов. – С. 23–32.

³⁶ Попков, В. В. Тектология и двойственность (послесловие) / А. А. Богданов // Тектология: Всеобщая организационная наука. – С. 662–681.

³⁷ Пригожин, И., Стенгерс, И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / пер. с англ.; общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтович, Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986.

также и поворотным пунктом в истории идей. Роман изобилует научными прогнозами, поражающими своей глубиной. Производственная технология будущего описывается Богдановым с удивительной предусмотрительностью. В своем романе он отмечает такие черты научно-технической революции марсиан, как использование атомной энергии, специализация производства, создание материалов с заранее определенными свойствами, кибернетика, завоевание космоса, продление жизни и управление органическими процессами.

Мировоззрение Богданова, его организаторская и научная деятельность неразрывно связаны с бурной и трагической историей России конца XIX и начала XX в. Но именно на этом фоне глубочайших социальных взрывов, разрыва человеческих связей и упадка моральных ценностей приобретает огромную ценность попытка Богданова создать системное, целостное видение человеческого общества, природы и разума. Можно соглашаться или нет с теми решениями, которые предлагал Богданов, но в одном нет сомнения: им был сделан решающий вывод о том, что эпоха переломов всегда ставит ясную дилемму – преодоление анархии социальных сил или распад цивилизации. Сейчас, в начале XXI в., среди многих просвещенных людей, политиков, ученых, философов утвердилось понимание того, что одна из крупнейших эпох человечества, основанная на достижениях научной революции в естествознании XVI–XVII вв., завершается. Индустриальная эпоха началась с парового двигателя и закончилась с появлением атомных реакторов. Расцвет ее прошел под знаком моторов и электричества, но, уничтожив в двигателях внутреннего сгорания, турбинах, домнах и ТЭЦ горы угля, океаны нефти и газа³⁸, она поставила человечество на грань экологической катастрофы, а с созданием атомного оружия – перед угрозой омницида. В бурном XX в. мир вступил в переходный период, который продолжается до сих пор. Ньютонианский механицизм, лапласовский детерминизм и основанные на них теории общественного устройства уступают дорогу совершенно новым междисциплинарным теориям и принципам: синергетике, информатике, системотехнике, самоорганизации и саморазвитию, нелинейным и стохастическим эффектам. Дальнейшее движение общества все в большей мере будет связано с совершенно новыми понятиями, законами, опирающимися на знания, интеллектуальные технологии, экологически чистые производства, необходимость учета и согласования интересов различных государств и все более дифференцирующихся национальных, конфессиональных и социальных групп. Актуальна проблема разработки новых высоких гуманитарных технологий на основе интеграции гуманитарных и естественно-научных областей знаний. Эти технологии должны быть в первую очередь ориентированы на задачи, связанные с разрешением моральных и этических коллизий, раздирающих современное общество. Эти коллизии, как правило, столь сложны, что разобраться в их существовании, опираясь на элементарную общечеловеческую моральную интуицию, практически невозможно. Необходимы другие механизмы регулирования совместного проживания, основанные на кооперативном начале, а не на индивидуализме, позволяющие обеспечивать взаимопонимание и доверие субъектов, динамичные переходы от конфликтов к управляемой конфронтации и кооперации. На наш

³⁸ Мировое использование энергии в 1992 г. в тераваттах в год (тераватт = 10¹² вт): нефть – 4,5; уголь – 3,0; природный газ – 2,5; гидроэнергия – 0,8; ядерная энергия – 0,7 (см.: Капица, С. П. Общая теория роста человечества. – М.: Наука, 1999. – С. 127).

взгляд, методологической основой для разработки новых концепций развития человеческого общества может выступить тектологический подход А. Богданова. Так, с позиций тектологического подхода общество стремится от менее организованного состояния к более организованному через механизмы положительного и отрицательного подбора. Но у любой человеческой деятельности есть две стороны: вещная (ресурсная, объектная) и проблемная (мотивационная, субъектная). Эти две ипостаси человеческой деятельности находятся в постоянном взаимодействии и циклическом колебании (динамическом равновесии). Положительный подбор смещает равновесие к проблемам и усложняет структуру системы, способствует ее саморазвитию, но уменьшает ее устойчивость. Отрицательный подбор, наоборот, упрощает строение, изменяя его в сторону однородности, и в результате увеличивает структурную устойчивость, переводит ее в состояние упрощения, снижая ее возможности для развития. Системная дезорганизация начинается из состояния, в котором проблемно-мотивационные реальности напрямую связаны с ресурсными, – субъектам управления, функционирующим в мотивационной сфере, приходится использовать свое имя, свой моральный авторитет в деле распределения ресурсов под некие «плановые задания». Они тем самым превращаются в начальников, «отцов родных», являющих собой олицетворенное противоречие «жрец-хозяин». С одной стороны, они являются участниками целеполагания, формирования социального заказа и проводниками соответствующих целевых установок. С другой стороны, они должны обеспечить эти заказы ресурсами и не допустить частный, теневой оборот последних. Это стадия авторитаризма, в социологии ей соответствует известный феномен «власть-собственность»³⁹. Не раз на протяжении этого пути под давлением угрожающих обстоятельств общество вновь и вновь восстанавливало авторитарное устройство, активизируя характерные для него мобилизационные механизмы, то есть механизмы неэквивалентного (прямого) вмешательства в распределение ресурсов с позиций целеполагания, или в процессы целеполагания с позиций ресурсных ограничений. Это исходно неустойчивое состояние – оно неизбежно разлагается, подтачиваемое неудержимо разрастающимся теневым оборотом ресурсов и ростом числа «жрецов – собственников» все меньшего масштаба, которые все более активно оспаривают у верховного начальства их монополию на ресурсы. С другой стороны, и в мотивационной сфере идут сопряженные процессы демобилизации («либерализации»). Вожди, освобождающиеся от ресурсно-распределительной функции, теряют монопольно-командные позиции, становятся политиками, сосредоточиваются на своей собственной целеориентирующей роли, втягиваются в конкуренцию проектов и программ, и лишь победившие в этой конкуренции проекты, то есть те, в которых удалось сконцентрировать действительно существенные потребности сограждан, именно поэтому оказываются способны оттянуть на себя необходимые ресурсы. Таков в принципе нормальный режим доступа к ресурсам в зрелом обществе. Однако становление и развитие реальных социальных систем не знает золотой середины, не знает одновременного параллельного развития своих полярных сущностей. Это развитие идет попеременно, как говорят математики, «методом ортогональных направлений»: когда одна сфера развивает экспансию, другая тормозит и страхует. Картина усложняется еще и тем, что разложение исходного авторитар-

³⁹ Васильев, Л. С. Проблема генезиса китайского государства. – М.: Наука, 1983. – С. 40.

ного образования идет одновременно с поиском и формированием институциональной структуры каждой из сфер в обстановке напряженной борьбы. Как будут развиваться события – на этот вопрос способна ответить только практика (и, кажется, она на него уже отвечает). Но если придерживаться предлагаемой здесь теоретической схемы, то это движение может разрешиться форсированной и полномасштабной экспансией проблемной сферы в качестве базисной. Это означает не только радикальное расширение рынка услуг, но и освоение альтернативной формулы предпринимательства, где рабочее время будет заполняться не трудом, а *служением*, а главной целью деловой жизни (бизнеса) станет расширение доступа к значимым проблемам общества, к значимому социальному заказу. Ресурсная сфера на этой фазе может быть организована более или менее авторитарно, хотя при этом предполагается возможно более быстрый запуск механизмов частного хозяйственного доступа к ресурсам, но лишь в той мере, в какой отношения собственности не будут подавлять мотивационную сферу, которая должна оставаться базисной. Формула динамического баланса такова: реформирование базисной сферы, демобилизация, освобождение, развертывание ее горизонтальных структур должны идти опережающими темпами по сравнению с реформированием противоположной сферы, продолжающей выполнять притормаживающую функцию. Поддержание такого баланса может обеспечить органический поступательный ход процесса преобразования России. Не вещи, а проблемы, не товары, а услуги, не собственность, а долг, не обмен, а договор, не права, а обязанности по служению Отечеству – вот что должно лежать в основе объединяющего миропонимания для властей и граждан России.

НАШИ АВТОРЫ

АБЫЛГАЗИЕВ Игорь Ишеналиевич – доктор исторических наук, профессор, научный руководитель факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова.

АКАЕВ Аскар Акаевич – киргизский государственный и политический деятель, ученый, иностранный член РАН. С 1990 по 2005 г. – президент Киргизской Республики.

АНЬ ЦИНЯНЬ – профессор Китайского Народного Университета, председатель Всекитайского общества изучения русской философии (Пекин, Китай).

АСТВАЦАТУРОВ Артем Ервандович – доктор философских наук, профессор Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону).

БАСИЛАИА Мариана Артемовна – кандидат философских наук, доцент Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону).

ГРИНИН Леонид Ефимович – доктор философских наук, главный научный сотрудник Волгоградского центра социальных исследований.

ГУРЕВИЧ Павел Семенович – доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, руководитель лаборатории «Личностного роста» МГУ им. М. В. Ломоносова.

ИЛЬИН Илья Вячеславович – кандидат геолого-минералогических наук, доцент, исполняющий обязанности декана факультета глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова.

КАМУСЕЛЛА Томаш – профессор Университета Ополе (Ополе, Польша).

КСЕНОФОНТОВ Владимир Владимирович – кандидат философских наук, заместитель генерального директора ООО «Гелиос» (Москва).

КУТЫРЁВ Владимир Александрович – доктор философских наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского.

ЛОСЬ Виктор Александрович – доктор философских наук, профессор Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

ЛУКЪЯНЕНКО Алексей Владимирович – ведущий специалист Департамента охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области.

ЛУКЪЯНЕНКО Владимир Иванович – доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, председатель Верхневолжского отделения Российской экологической академии.

МакКОРМИК Питер – доктор философии, профессор, член Канадского Королевского общества и Международного института философии (Париж, Франция).

МАМЕДЗАДЕ Ильгам Рамиз оглы – доктор философских наук, директор Института философии, социологии и права Национальной академии наук Азербайджана.

ПОПКОВ Валериан Владимирович – доктор экономических наук, профессор, основатель и директор Международного института А. А. Богданова (Екатеринбург).

РЗАЕВА Роида Октай кызы – кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения им. акад. З. М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана.

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович – академик РАН, вице-президент РАН, ректор МГУ им. М. В. Ломоносова.

УСМАНОВ Элдор Муталибович – кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Института востоковедения АН Республики Узбекистан.

ХАБАРОВ Михаил Валерьевич – кандидат биологических наук, консультант Департамента охраны окружающей среды и природопользования Ярославской области.

ЧУМАКОВ Александр Николаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Финансовой академии при Правительстве Российской Федерации, первый вице-президент Российского философского общества.

AGE OF GLOBALIZATION**Journal of Global Studies***Contents**Theory*

Akaev A. A., Sadovnichiy V. A. On the Dynamics of the World-Economic Development in the Light of the New Forecasting Approach (pp. 3–16).

Los' V. A. Searching for the Possibility of Categorical Grounds of Global Studies (pp. 17–29).

An' Tsinyan'. New Technological Revolution and Modern World (pp. 30–39).

Processes of Globalization

Abylgaziev I. I., Ilyin I. V. Processes of Globalization and the Problem of the New World-Economic Development (pp. 40–60).

McCormick P. Globalization and Cosmopolitanism. Claims, Attitudes and Experiences of Friendship (pp. 61–70).

Astvatsaturov A. E., Basilaia M. A. Globalization and Elements of Cosmoharmony (pp. 71–80).

Global Problems

Kamusella T. Central Europe from a Linguistic Viewpoint (pp. 81–91).

Kutyryov V. A. Clash of Cultures with Civilization as a Ground and Reason for International Terrorism (pp. 92–102).

Mamedzade I. R., Rzaeva R. O. Tendencies in the Turkish Public Conscience: From Modernist Style to Postmodernism (pp. 103–116).

World Crisis

Grinin L. E. Will Global Crisis Lead to Global Changes? (pp. 117–140).

Financial Crisis: Philosophical Conceptualization (Results of the Discussion) (pp. 141–148).

Nature and Society

Luk'janenko V. I., Khabarov M. V., Luk'janenko A. V. Homo Consumens – a Consuming Man (pp. 149–159).

Usmanov E. M. The Role of the International Ecological Right while Controlling the International Environmental Policy (pp. 160–162).

Russia in the Global World

Chumakov A. N. Russia in the Appropriate World: Necessity of Global Decisions (pp. 163–171).

Ksenofontov V. V. Russian World and Globalization (pp. 172–177).

Gurevich P. S. Russia's Image in the Process of Globalization (pp. 178–191).

Global Person

Popkov V. V. Alexander Bogdanov. On the Way of Connecting World-View (pp. 192–205).

The Authors of the Issue (p. 206).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на дискете или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть вписаны в текст от руки крупно черными чернилами;

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

библиографические ссылки оформляются в соответствии со следующими образцами:

Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С. 73.

Соловьев, С. М. Соч.: в 18 т. – Т. 7. – М.: Мысль, 1993. – С. 205.

Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // О геополитике. Работы разных лет. – М., 2001. – С. 28.

Шилов, В. Н. Труд как призвание: история и современность // Философские науки. – 1987. – № 1. – С. 34–42.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

авторская справка, а также резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».

2(4), 2009. – 208 с.

Ответственная за выпуск *Е. В. Еманова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56
E-mail: uchitel@avtlg.ru

Подписано в печать 29.12.2009. Формат 70 × 100/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,77.

Тираж 1500 экз. Заказ № 151.

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10